

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

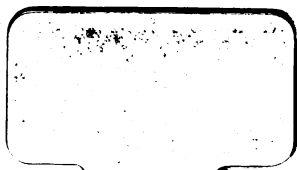
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Vet. DK4. S276. 085

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

Ж У Р Н А Л Ъ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ГРЕЧЕМЪ

И

ОЛЕГЕМЪ БУЛГАРИНЫМЪ.

ЧАСТЬ СТО СЕДЬМАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1826.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типогра-
еи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь
экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣ-
дуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Апрѣля
21 дня 1826 года.

*Цензоръ Статскій Советникъ и Кавалеръ
Александръ Красовскій.*

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1826. № IX.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ТАКЪ ОТМЩАЕТЪ СОВѢСТЬ.

(*Окончаніе.*)

Если время и смягчаешь иногда нашу горешь, то здѣсь перяло оно свою силу — напрошивъ, казалось, бѣдствіе, постигшее жителей замка Вилламорозы, съ каждымъ днемъ увеличивалось. Меланхолія Розауры видимо усиливалась, и заставляла опасаться на счетъ ея разсудка и здоровья, приходившаго часъ ошъ часу въ худшее положеніе. Жестокое обхожденіе опца, который не пускалъ внука на глаза свои, и сверхъ того рѣдко, и шо въ самыхъ суровыхъ выраженіяхъ, говорилъ съ Розаурою о постигшемъ ихъ несчастіи, приводило ее въ опчальніе. Хотя Алонзо и спарался упѣшать ее, но слова его не находили добшупа къ ея сердцу. — Въ глубокомъ уныніи лежала однажды Розаура на софѣ въ своей комнашѣ, какъ ей сказали, что одинъ незнакомецъ желаетъ го-

ворить съ нею; надежда услышать что нибудь о своемъ супругѣ побудила ее допустить его къ себѣ. Это былъ старикъ съ сѣдою бородою: онъ вручилъ ей письмо и удалился прежде, нежели она могла спросить его, откуда онъ. Предчувствіе овладѣло ея сердцемъ — оно не обмануло. Поспѣшно раскрыла она письмо и прочла:

„Милая Розаура! Человѣколюбію Капитана, кошорый, исполняя долгъ свой, вырвалъ меня изъ твоихъ объятий, обязанъ я дозволеніемъ написать къ тебѣ сіи строки — ихъ содержаніе ему извѣстно. Онъ обѣщаль мнѣ доставить ихъ въ твои руки, и я увѣренъ, что онъ сдержитъ слово. Опъ меня самого должна ты узнать, что и безъ того — . . . и безъ сомнѣнія, въ искаженномъ видѣ, достигнешь до тебя. — Много преступленій совершилъ я; но величайшее, въ кошоромъ виню себя, есть то — что я тебя, чистая, невинная душа, вовлекъ вмѣстѣ съ собою въ пропасть, что я на вѣки погубилъ тебя. — Я любилъ тебя — что говорю, любилъ! какое слово въ состояніи выразишь то, что я къ тебѣ чувствовалъ? — Оправдашь моего поступка это не можешь; моего судію не буду я стараться преклонить къ сосраданію; — — — но я говорю тебѣ, швоему сердцу. Будешь ли

оно-еще бишься для меня? Съ какими ощущеніями воспоминаешь ты обо мнѣ? Съ какими смотришь на моего Манфредо — Розаура! на нашего сына — на сына любви нашей? — — Розаура! Именемъ нашего сына, ради той клятвы, которую произнесла ты во дни высочайшаго нашего благополучія, которая приковала тебя ко мнѣ цѣпями желѣзными, умоляю тебя: если еще хочешь одинъ голосъ въ цвоемъ сердцѣ говорить за меня, послѣдуй ему, и не дай мнѣ умереть съ опчаяніемъ.“ —

Въ первый разъ, послѣ того ужаснаго вечера, когда Вольдемаръ былъ испоргнутъ изъ объятий Розауры, хлынули слезы изъ очей ея — это было первое утѣшеніе въ ея спрэданіяхъ. Онъ шелъ въ воспоминаніе того, кто — она чувствовала это — былъ все еще любимъ ею. — „О!“ — воскликнула она, исполненная нѣжнѣйшаго чувства: — „о, мой Вольдемаръ! Этомуъ голосъ въ моемъ сердцѣ — онъ говоритъ еще, и я хочу ему послѣдовать, потому что — — все еще люблю тебя, и буду любить, пока кровь не засыхнетъ въ моихъ жилахъ — тебя, отца моего дитяти!“

Она заперла хорошенько двери, чтобы не быть кѣмъ нибудь пошрвоженою невзначай, и продолжала читать:

„Жемчугъ — говоришь преданіе давно-прошекшихъ шполъшій — предвѣщаешь слезы — и онъ въ день нашей свадьбы спалъ съ швоей шею, надъ чѣмъ я, какъ надъ пушнымъ предразсудкомъ, шогда смѣлся — ахъ Розаура! эшо дурное предзнаменованіе сбмлось надъ шобою, и какъ скоро, какъ ужасно! Слезы, кровавыя слезы заставиль я проливашъ шебя; сокрушилъ швое сердце; какъ шигръ, безъ соспраданія исперзаль его своими когшями — и при всемъ шомъ, шы мнѣ всего милѣе на свѣшъ; шолько о шебъ скорблю я! — На многое должень я дашь шебъ объясненіе — оправданіемъ не могу и не хону назвашъ эшого; и какъ можно чѣмъ либо оправдашь прешупленія, подобныя шѣмъ, какія совершены мною!

„Я родился въ деревнѣ моихъ родишедей, неподалеку ошъ Б*. Опець мой былъ очень добрый человекъ, шолько слишкомъ слабъ. Состояніе его дозволяло дашь мнѣ хорошее, приличное званію нашему воспитаніе. Мнѣ не было еще десяти лѣшъ, какъ умерла машъ моя; съ нею умерло и мое счастье. Нѣсколькo мѣсяцевъ спустя послѣ ея кончины, опець мой женился въ другой разъ — на вдовѣ, имѣвшей шакже сына моихъ лѣшъ. Эшошъ мальчикъ, коварное, злобное швореніе, вскорѣ возненавидѣль меня, спа-

рился при всякомъ случаѣ очернить меня въ глазахъ своей матери, шакъ, что и она стала сморщась на каждый мой поступокъ съ дурной стороны, и шакимъ образомъ оба, вооружась противъ меня съ саваннинскою злобою, отвратили отъ меня сердце отца моего: я сдѣлался совершенно несчастливъ.

„Сначала былъ я пасмурень, задумчивъ; наконецъ озлобленъ. Въ *мальчикъ* возродилось чувство, которое *юношу* вовлекло сперва въ проступки, потомъ въ преступленія, за которыми *мужъ* плашишь тяжело — плашишь потерей своего земнаго и будущаго блаженства. — Я вступилъ въ Г...скій Университетъ. Еще до моего шуда прибышя, матица моя писала къ жентъ одного Профессора, прежней ея знакомкъ, и описывала меня самыми дурными красками, какъ никуда негоднаго повѣсу. Это узнавъ я послъ изъ устъ самого Профессора, который, разсердившись однажды на меня, высказалъ все, что у него было на сердце. По шакому описаню стали уже сначала обходиться со мною съ меньшею внимательностю. Лучшихъ осперегали отъ моего сообщества, потому что — заключали всъ — матица не стала бы описываться обо мнѣ шакъ дурно, если бы я не былъ еще хуже, нежели какъ она меня описала. Я чувствовалъ въ полной

дѣръ непріязненное обращеніе со мною ученицей — негодяи присоединились ко мнѣ, и я сдѣлался *объ самомъ дѣлѣ* такимъ, какими прежде описывали меня точно напрасно. Измѣнчивая дружба довершила ошальное; я опускался безпрестанно ниже, и наконецъ, еще не окончивъ ученія, съ двумя шоваричами, былъ исключенъ изъ Университета. Письмо моего отца, въ кошоромъ гремѣло его проклятіе и запрещалось мнѣ возвращаться въ его домъ, погасило въ груди моей совершенно и послѣднюю искру лучшаго чувства; я послѣдовалъ совѣту своихъ шоваричей, и отправился съ ними въ швое опеченство, не зная вовсе, что долженъ буду начать шамъ, чѣмъ жить. Такъ безъ плана, безъ цѣли, прибылъ я въ Мадридъ, гдѣ одинъ изъ моихъ сподвижниковъ надѣялся найти богатаго родственника — но шамъ узнали мы, что онъ уже давно умеръ. Небольшое количество денегъ, бывшее съ нами, скоро вышло, и нужда заставляла насъ на что нибудь рѣшиться; тогда — о непорочный Ангелъ! ты съ шрепеломъ опшрацишься опъ меня — тогда я и мой пріятель — *врагами* должно назваться ихъ — сдѣлались сообщниками шайки разбойниковъ, уже наподнявшей ужасомъ Испанію. Начальникъ ея, по имени Массешо Жіованни, скоро особенно подю-

билъ меня, и привязывался ко мнѣ болѣе и болѣе, такъ, что напослѣдокъ, при концѣ своей жизни, предложилъ меня въ ашаманы. Разбойники согласились, съ нѣмъ, чтобы я принялъ на себя и его имя. Маэсешо умеръ, оставя мнѣ свои сокровища, но съ цѣлѣмъ дѣлствъ и невозможность, даже и тогда, когда бѣ я захопѣлъ, оставишь шайку. Ужаснѣйшая клятва привязала меня къ вѣщамъ извергамъ человѣчества. Предъ вступленіемъ въ новую обязанность, совѣщавался я съ своею совѣстію, которая съ нѣкотораго времени чаще спала наподминашь о себѣ. Я сдѣлалъ обѣщаніе, никогда не осквернишь души своей убійствомъ, никогда не допустишь до него ни одного изъ моихъ поварищей.

„Наслѣдство моего предшественника было весьма значительное и обезпечивало будущую мою участь; но крайней мѣрѣ чужое добро не могло болѣе беспокоить моей совѣсти. Ни отъ одной добычи я ничего себѣ не присвоивалъ, а все дѣлилъ между поварищами, и потому всѣ они, руководимые одною только корыстію, были преданы мнѣ душою и цѣломъ, и исполняли мои приказанія съ чрезвычайною точностію и послушаніемъ. Такимъ образомъ въ теченіе шестидѣлѣтъ, удалось мнѣ вѣщамъ одинаковымъ существованіемъ придашь нѣсколько человѣческой об-

разъ мыслей. Богъ, которому обязанъ я опеченю въ дѣлахъ моихъ, вѣдаетъ по, что я нерѣдко дѣлалъ добро, нерѣдко осушалъ справедливыя слезы, нерѣдко утѣшалъ несчастнаго, нерѣдко водворялъ въ жилищахъ довольство на мѣсто нищеты.

„Между шѣми дошли до меня свѣдѣнiя, что отецъ мой умеръ: распочинельность жены лишила его состоянiя и счастья. Я оспался одинъ въ свѣшѣ — между милліонами людей *одинъ*. Ни одно сердце не билось любовью ко мнѣ; ненавидимо, проклято было мое имя; я чувствовалъ себя несчастнѣйшимъ изъ всѣхъ, кого ни встрѣчали глаза мои. Съ годъ уже держался я съ своею шайкою въ горахъ по ту сторону Мадрита; иушь показалось мнѣ благоразумнѣе избрать другое мѣсто — и именно спрану, обитаемую шобою, моя Розаура. Съ немногими преданными мнѣ, отправился я напередъ, чтобы осмошрѣшь, можно ли въ прилегающемъ къ Виллаврозъ лѣсу найши для моей шайки пристойное убѣжище. Переодѣшый монахомъ, вошелъ я однажды — ны вѣрно еще помнишь эшо — въ шу часовню, въ которой ны молилась, Розаура! Возлюбленная души моей! Мать моего сына! Теперь испорiя моя приближается къ шой эпохѣ, когда непреодолимая спрась, когда безпредѣльная

любовь къ тебѣ побудила меня влечь и себя въ погибель. Такъ, Розаура! я люблю тебя несказанно, и буду любить до конца моей жизни. Ты дала мнѣ золотое кольцо — для меня свящину — я принялъ его предзнаменованіемъ, кошорое, во что бы ни шло, рѣшилася привести въ исполненіе. Почти ежедневно видѣлъ я тебя, передвѣаясь въ различныхъ плашья; и съ каждымъ днемъ огонь, горящій во мнѣ, угрожавшій совершенно пожрать меня, спанивился сильнѣе, горѣлъ пламеннѣе. Случай благопріятствовалъ моему намѣренію овладѣвъ побою силою или хитросыю.

„Мои поварищи ограбили, неподалеку отъ Вилламрозы, одного молодого человека — шого самого, чье имя въ послѣдшвиіи принялъ я на себя, вмѣсто кого повелѣлъ тебѣ къ алтарю, произнесъ клятву вѣчной тебѣ вѣрности, шого самого Лѣвенка, кошораго швой и его отецъ назначили тебѣ въ супруги. Случайно былъ я съ ними вмѣстѣ, и увидѣлъ изъ его бумагъ письма шараго Барона, цѣль его путешествія. Тотчасъ на эшомъ отккрытіи основалъ я планъ будущаго своего благополучія. Я ввѣрилъ шайну свою въ кошорымъ изъ преданнѣйшихъ мнѣ сподвижниковъ, и они поклялись вспомоществовать моему намѣренію. Према

всего отвелъ Барона и его слугу въ надеж-
 ное мѣсто; я принялъ на себя его имя и
 явился въ Виллаврозъ, выпросивъ напередъ
 у слуги Барона, который опъ спрѣхъ все
 расказалъ, всѣ фамильныя обстоятельство
 дома Лѣвенековъ. Успѣхъ моего обмана пре-
 взошелъ ожиданіе. Между тѣмъ, какъ я при-
 водилъ его въ исполненіе, мой пѣвникъ со-
 держался подѣ крѣпкою спрѣхюю, въ одномъ
 подземельномъ ходѣ подѣ часовнею въ дѣсу,
 куда я, не будучи никѣмъ примѣченъ, могъ
 доставлять ему пищу. Тамъ, принужденный
 моими поварщицами, долженъ былъ онъ пи-
 сать и письма къ своему опцу, чпобы под-
 держать мой обманъ. Слугу же его, помощь
 котораго не была болѣе нужна, ведѣлъ я
 отвезти подальше опъ нашего мѣстопрѣбы-
 ванія, гдѣ онъ вскорѣ, опъ послѣдшій силь-
 но подѣиспвовавшаго на него спрѣха, и
 умеръ. — Это была первая человѣческая
 жизнь, за которую я долженъ опвѣщшво-
 вать Богу. — Какъ ни счастливъ былъ я
 подѣ себя, какъ ни блаженнымъ дѣлала ме-
 ня любовь швоя, я все не могъ принудить
 къ молчанію свою совѣшь: она упрекала
 меня безпрестанно болѣе и болѣе, лишила
 наконецъ совершенно спокойствія, даже сна,
 котораго бѣжалъ прѣсшупника. — Уже во
 многомъ признался я себѣ, — о, позволя

мнѣ въ короткихъ словахъ произнести и ужаснѣйшее изъ всего содѣяннаго мною — рука моя дрожитъ, всѣ мои члены препе- щутъ, но я долженъ, долженъ открыться тебѣ и въ этомъ, какъ откроюсь въ помѣ судіямъ своимъ. — Баронъ попышался убѣ- жать — уже удалось ему ускользнуть отъ своей спражи — она нагнала его, — тогда — Розаура — по моему — ужасъ мѣшаетъ мнѣ писать — едва могу произнести — по моему приказанію — чтобы лишить его возможности вредить мнѣ — *былъ онъ умерщвленъ.*

„Отвратись отъ меня, возненавидь, прокляни меня — я этого заслуживаю! Какъ непорочная душа твоя должна содрогаться, при воспоминаніи о недостойномъ, совер- шившемъ такіа злодѣянія! Ничто не мо- жетъ извинить меня! Я не хочу извиненія! Я заслужилъ смерть, и хочу претерпѣть ее. И что мнѣ жизнь безъ тебя! А ты — ты навсегда далъ меня пошерана! Ты должна — ты будешь проливать меня. — Теперь, моя Розаура, послѣднее *прости* — послѣднее. Подѣлуй за меня дитя наше съ любовью ма- тери; дай ему свое благословеніе — мое бы- ло бы для него проклятіемъ. И когда онъ возрастетъ, то смягчи, сколько можешь, описаніе моихъ пресупленій, чтобы сынъ

не воспоминалъ объ опецѣ своемъ съ опвра-
щеніемъ. Твой опецъ будетъ проклинать
меня — онъ имѣешь на шо право, попому
что единственное дѣла его, которое одно
составляло его ушѣшеніе, которымъ такъ
справедливо онъ гордился — сдѣлалъ я на
вѣки несчастнымъ. Не осмѣливаюсь просить
его о прощеніи; и могу ли ожидать его? Но
тебя, чистая, непорочная душа, тебя умо-
ляю о помѣ! И шы не обманешь моей по-
сѣдней надежды? О, облегчи мнѣ тяжелей
душъ — ужаснѣйшій — на лобное мѣсто! —
Розаура! еще разъ прижимаю тебя мысленно
къ своему сердцу, еще разъ печально по-
цѣлуи искренней любви на ушахъ твоихъ —
назови меня твоимъ мужемъ! милая жена
моя! — — И теперь, довольно для сего свѣ-
ща! Къ Тебѣ, Всемогущій, прибѣгаю, Тебя
умоляю, о Господи! Боже! прости великаго,
но кающагося грѣшника! — И если Его ми-
лосердіе общаетъ милость и мнѣ, тогда —
тогда Розаура увижу я шамъ и тебя, и дѣ-
ла мое — шамъ, у Престола Всевышняго,
у Котораго прошу силъ къ перенесенію по-
сѣднихъ минутъ своихъ! Розаура! Прощай!
Помни швего несчастнаго супруга. — —“

Нѣсколько разъ Розаура прерывала чте-
ніе: сердце ея готово было разорваться; го-
рестъ лишала ее употребленія чувствъ. Уже

поздо ввечеру, впустила она къ себѣ Гершуду: опъ сей вѣрной прислужницы не скрывала она ничего, и на груди у ней излилася печаль ея пошокомъ слезъ. — Нѣсколько дней спустя, пришло извѣстіе, что Король ушвердилъ смершнйй приговоръ надъ супругомъ Розауры; случайно она первая получила это свѣдѣніе — и оно произвело надъ нею спранное дѣйствіе. Слезы ея изсыкли; въ ея наружности замѣшно было болѣе спокойствія, болѣе швердосши. Въ такомъ видѣ вошла она въ комнашу отца своего, изъ которой онъ, по нездоровью, не выходилъ нѣсколько дней. „У меня естѣ къ вамъ просьба, бапюшка“ — сказала она: — „и я увѣрена, что ваше доброе сердце не опкажешъ мнѣ въ ней. Я швердо рѣшилась сію же минушу ѣхать въ Мадридъ, молишь Короля о пощадѣ моего супруга, и прошу на шо вашего дозволенія.“ — Манфредо хотѣлъ перервать ея; но она продолжала: „знаю, что хошите вы сказать — просьба моя будешъ опшвергнуша; пусть шакъ; по крайней мѣрѣ я исполню свою обязанность, и увѣренность въ шомъ успокоишь меня.“

Никакія прошиворѣчія, никакія убѣжденія не могли опшвраишь Розауры опъ приняшаго его намѣренія; она швердо рѣшилась привести его въ дѣйство, и получила нако-

Мець отъ отца позволеніе отправишься въ Мадришь, но только подь однимъ условіемъ — не дѣлашь ни малѣйшаго покушенія видѣшься и говоришь съ своимъ мужемъ. Алонзо вызвался проводишь ее; черезъ нѣсколько часовъ, сидѣла уже она съ нимъ, своимъ сыномъ и Герспрудою въ повозкѣ, и спѣшила шуда, гдѣ все еще любимый ею супругъ, заключенный въ цѣпяхъ, ожидалъ послѣдней своей минушы. Безоспановочно продолжали они свой путь, и уже находились въ нѣсколькихъ только миляхъ отъ Мадриша, какъ должны были снова испыташь всю жестокость судьбы. Отъ поспѣшности, съ какою они ѣхали не смотря на дурную дорогу, повозка ихъ опрокинулась. Хотя имъ самимъ не приключилось никакого вреда; но одно переднее колесо сломалось, и чѣтбы исправить его, надобно было остановишься на нѣсколько часовъ.

Они вошли въ ближайшій шракширь, въ досадѣ на случившееся помѣшательство. Розаура сѣла въ углу подѣ своего дяди, который старался всячески утѣшашь ее, какъ дверь комнаты отворилась, и въ нее вошелъ Испанецъ, торгующій вешанпами. Желая чѣмъ нибудь развлечь свою племянницу, Алонзо велѣлъ ему показашь свой шоварь. Но какое черо въ сосшоднѣмъ изобразилъ ужасъ, объявля

шій Розауру, когда Ишалиянецъ, выхваляя многія изъ своихъ каршинъ, началъ попомоу рассказывать пронзительнымъ своимъ голосомъ: „здесь, благородная Донна, видите вы Массето, ужаснаго бандита, въ разныхъ видахъ и положеніяхъ — на вшой каршинъ предспавлено, какъ убиваешь онъ души — здесь, какъ въ присутствіи жены его, Королевскіе драбанты берутъ его подъ спражу — здесь...“ — „Бездвльпикъ!“ — прервалъ его Алонзо — „развѣ ты не видишь, что дамъ сдѣлалось дурно? Вонъ! Сію минушу вонъ опсюда!“ — Бормоча сквозь зубы, Ишалиянецъ собралъ поскорѣе товаръ свой и вышелъ изъ комнаты. — При первомъ взглядѣ на положенный передъ нею листъ, Розаура узнала очень схожій поршрешъ своего супруга. Ужась объялъ ее при словахъ Ишалиянца и сковалъ языкъ ея. Блѣдная, какъ смерть, едва могла она держаться на шуль; и какъ только продавецъ оставилъ ихъ, упала почти безъ чувствъ на руки своего дяди. Вся съ такимъ шрудомъ пріобрѣтенная ею твердость исчезла; какъ прежде, предалась она совершенно унынію, и въ такомъ расположеніи духа прибыла въ Мадришъ. На другое же утро опсправилась она къ Королю; — шщетно предспавлялъ ей Алонзо, что Король, если бы даже и хощълъ — чего никакъ нельзя предполо-

жить зная, какъ не благоволишь онъ къ Графамъ Виллаврозамъ — не можешь ничего сдѣлать противъ закона, и что следовательно во всякомъ случаѣ просьба ея къ нему будетъ напрасна.

Ничто не могло удержать Розауру; такъ твердо было ея намѣреніе. Съ беспокойствомъ и боязнію ожидалъ ее Графъ назадъ. Ея видъ увѣрило его, что онъ не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Ни одной слезы на глазахъ, безмолвна, вошла она въ комнату; глаза ея пошускли, лице поблѣднѣло, походка была медленна, все тѣло дрожало. Такъ съшла она на постель. Закрывъ лице въ подушкахъ, казалось, не замѣчала она ничего, что происходило вокругъ нее, даже не видѣла своего сына. Алонзо, любившій племянницу свою какъ отецъ, спрадалъ самъ, взирая на ея скорбь; но не осмѣливался сдѣлать ей вопроса, чтобы слова не расправить ея ранъ. Такъ заспалъ ихъ вечеръ, первый и послѣдній пребыванія ихъ въ Мадридѣ. Алонзо, погруженный въ задумчивость, прохаживался взадъ и впередъ въ сосѣдней комнатѣ; Герпруда сидѣла у постели маленькаго Манфредо, и едва слышными шонами убаюкивала его ко сну. Бригитта, дочь шрактирницы, вошла въ горницу, въ которой Розаура все еще лежала на постели, предавшись снѣдаю-

щей ее горести. Дѣвушка подошла къ окну. Уже смерклося, и въ сосѣднихъ домахъ вездѣ видны были огни.

„Такъ и есть“ — начала Бригитта, смотря на улицу: — „народъ никакъ не упернись, чтобы не собираться шуда толпами; и все изъ одного любопытства, пошому что состраданіе врядъ ли кого нибудь влечеть къ несчастному, а такое стеченіе зрителей, безъ сомнѣнія только умножаетъ душевную скорбь его.“ — Розаура вслушалась въ слова ея и приподнялась. — „О комъ говоришь ты?“ спросила она наконецъ у дѣвушки, все еще стоявшей у окошка — „О комъ, какъ не о народѣ, который стекается отовсюду, чтобы посмотреть на разбойничьяго ашанана Массету. По старинному обычаю, за недѣлю до казни преступника, осужденнаго на смерть, начинаютъ пускать къ нему всякаго, кто бы ни пожелалъ его видѣть. Изъ за рѣшетки, которою раздѣленъ онъ отъ посѣщителей, принимаетъ онъ подарки, состоящіе обыкновенно въ съвѣсныхъ припасахъ, или въ деньгахъ для отправленія, послѣ его смерти, паннихидъ объ упокоеніи грѣшной души его.“ — Розаура подозвала дѣвушку къ себѣ, и спросила у нее тихимъ, дрожащимъ голосомъ: „Далеко ли отсюда цемница? Возьмешься ли ты проводить меня

шуда?“ — Бригитта посмотрѣла на нее съ изумленіемъ, и сказала напоследокъ: „врядъ ли сошни двѣ шаговъ будешь она отъ нашего дома. Возьмусь ли я проводить васъ? очень охотно. Но какимъ образомъ вы, Сябора, при вашей болѣзни, рѣшаешься на эшо? Тяжко видѣшь спираданія несчастнаго — а кто можешъ бытъ несчастиве подобнаго человека? Право, я не понимаю васъ; шакое зрѣлище еще болѣе васъ расстроишь.“ — Розаура вспала, подошла къ двери комнаты, въ кошорой былъ Алонзо съ ея сыномъ и Гершрудю, подозвала послѣднюю къ себѣ и сказала ей на ухо нѣсколько словъ; послѣ чего Гершруда попросила Графа, позволишь племянницѣ немного опдохнуць. Такимъ образомъ заперли онѣ дверь, ведущую въ покой Графа. Едва только Розаура удостовѣрилась, что Алонзо не занимается болѣе ею, какъ позвала къ себѣ Бригитту, всунула ей въ руку золотую монету и просила сей же часъ проводить ее въ извѣстное мѣсто. Качая головою, дѣвушка побѣжала къ себѣ, чтобы на шакую дорогу одѣться нѣсколько пошелѣе.

„Боже мой! Куда хопите вы ишти?“ спросила Гершруда въ мучишельномъ безпокойствѣ. — Розаура, казалось, не слушала ея, съла за споль и на листочкѣ бумажки изъ

записной своей книжки написала слѣдующее:
 „Супругъ мой! нѣжно любимый супругъ мой!
 Ты останешься такъ и навсегда, до послѣд-
 няго моего дыханія. Надѣйся на милосердіе
 Всемогущаго! Ты чувствуешь раскаяніе въ
 своемъ сердцѣ — и Тотъ, Кто видишь твои
 внутреннія помышленія, Тотъ опшечески бу-
 дешь судить тебѣ. Я повергалась къ спо-
 памъ Короля, умоляла его о прощеніи тебѣ
 — напрасно. Спаси тебѣ я не могу; но
 любишь тебѣ, любишь съ бѣльшею еще
 нѣжноспію, это могу я, это смѣю, моя со-
 вѣсть позволяеть мнѣ это. Въ вѣрности
 — поклялась я тебѣ у алшара, и сохраню ее.
 Прощай! Тамъ, тамъ, куда ты мнѣ предше-
 ствуешь, увидимся мы опять — надѣюсь,
 желаю — скоро.“ *Розаура.*

Она свернула этошь листокъ, заколола
 его своею булавкою, которую зналъ супругъ
 ея, надѣла сальонъ, набросила покрывало на
 лице свое и, взявши Бригитту за руку, пу-
 шилась въ пущь — тяжчайшій въ ея жизни.
 Гершруда смотрѣла на нее съ безпокой-
 ствомъ, не смѣла однако жъ удержатъ не-
 счастливой, которой намѣреніе угадывала.

Трепещущими шагами вошла Розаура
 въ шемницу, въ кошорой спрадалъ супругъ
 ея. Широкая каменная лѣвшница вела ко
 входу, у кошораго сиража прохаживалась

взадъ и впередъ. „Можемъ ли мы видѣть заключеннаго и сдѣлашь ему подаваніе?“ спросила Бригишта по приказанію Розауры. Солдаты кивнули головою въ знакъ того, что это дозволено. Они вошли. Большая, слабо освѣщенная комната была раздѣлена надвое желзною рѣшеткою, въ человѣческой ростъ вышиною. Позади нее сидѣлъ заключенный, прикованный за ноги и за руки къ большой колодкѣ, съ наброшеннымъ на лице плашкомъ, опершись на столъ. Передъ рѣшеткою стояло много людей, съ любопытствомъ его разсматривавшихъ: принесенныя ими подаванія прощалакивали они между желзными прутьями, внизу коихъ сдѣлано было отверстіе, съ чешверть аршина вышиною оно лежало. Розаура прислонилась къ одному столбу, потому что не имѣла силъ держаться прямо. Едва въ трехъ шагахъ находилась она отъ своего, все еще спрасивно любимаго мужа, и не слыла ни однимъ звукомъ данъ ему знашь о своемъ присутствіи.

Мало по малу народъ вышелъ изъ комнаты; остались только двѣ, при женщины. Нѣсколько разъ покушалась Розаура голосомъ жгнкой любви произнести имя своего супруга; но страхъ возобновить въ его сердце ужаснѣйшую борьбу, сдѣлашь его еще несчастнѣе и привлечь на себя вниманіе

бывшихъ еще въ покоѣ людей, удерживала ее. Сверхъ того дала она ошцу обѣщаніе не говорить съ своимъ мужемъ; принужденная къ тому необходимостію, должна была повиноваться. — „Пойдемъ-ше, закливаю васъ, пойдемъ-ше!“ шепшала ей Бригитта: „вы не въ силахъ долѣ вынести, пойдемъ-ше домой.“ — „Сейчасъ, сейчасъ!“ — отвѣчала Розаура жалобно — скорбь подавляла ея голосъ. Въ эту минуту заключенный приподнялся и устремилъ глаза свои на обѣихъ женщинъ.

Если Розаура не желала бытъ узницею, то ей надобно было немедленно удалиться. Еще разъ взглянула она на своего супруга, потомъ съ сильнымъ напряженіемъ кинула черезъ рѣшетку на козлѣи къ нему прежде приготовленную ею записку, и бросилась вонъ изъ комнаты, схвативъ за руку свою соупутницу. „Розаура!“ раздалось за нею; но она не внимала сему призыву и удвоила шаги. Совсѣмъ почти безъ силъ добралась она до прахтира и упала на руки Гершруды, кошорая, съ помощію Бригитты, перенесла ее на постель. Всю ночь провела она въ сильномъ жару; не смотря на то, настигала, чтобы отправиться въ обратный путь. Алонзо долженъ былъ согласиться; едва начало разсвѣтать, какъ они были уже на дорогѣ въ Виллавроу. Во время поѣздки, Ре-

заура сидѣла погруженная въ глубокую думу; ни одного слова, ни одного жалобнаго звука не сошло съ устъ ея. Уже вблизи родительскаго замка, встрѣпивъ ея посланный съ извѣстіемъ, что опцу ея сдѣлалось гораздо хуже. „И это еще!“ промзнесла она со вздохомъ: „развѣ я еще не до дна выпила горькую чашу?“ — Послѣ сихъ словъ, впала она снова въ прежнюю задумчивость, кошорая и не осшавляла ее болѣе. Два дня и двѣ ночи провела Розаура у болѣзненнаго ора опца своего; шолько на прешій день, предназначенный для совершения казни надъ ея супругомъ, опшправилась она въ церковь въ лѣсу, чшобы шамъ въ глубокомъ уединеніи, въ постѣ и молишвѣ, провести ужаснѣйшій день своей жизни; служителямъ дала она строгое приказаніе опнюдь не слѣдовать за нею. Въ шоскъ и спраданіяхъ, въ умилишельнѣйшихъ мольбахъ ко Всевышнему провела она день; каждая минуша онаго могла бышь послѣднею въ жизни ея супруга. Спрашная неизвѣстность о часѣ его казни дѣлала положение ея еще опчаяннѣе; каждое мгновение сердце ея чувствовало смершельный ударъ. Такъ приблизился вечеръ. Послѣдніе лучи заходящаго солнца освѣщали багровымъ цвѣшомъ одну часть церкви, между шѣмъ какъ въ другой царшвовалъ уже сумракъ. Розау,

ра — одѣшая въ гаубокій прауръ — все еще лежала на ступеняхъ алтаря; вдругъ позади нее послышался шорохъ. Она вспала и увидѣла у входа — точно также, какъ и въ шопъ день, когда супругъ ея въ первый разъ предсталъ здѣсь предъ нею въ одеждѣ слуги-шеля Божія — монаха, котораго едва внятными голосомъ произнесъ ея имя. Испугавшись чрезвычайно, Розаура подошла къ нему ближе; тогда голосъ, незнакомый ея сердцу, произнесъ еще разъ: „Розаура!“ — „О Боже!“ воскликнула она, зашрепешавъ — одно мгновенье — и она упала на грудь сжавшаго ее въ своихъ объятіяхъ супруга.

Долго спояли они въ безмолвіи, обнявшись, наслаждаясь блаженствомъ, какого давно уже не чувствовали сердца ихъ. Наконецъ, послѣ продолжительнаго молчанія, спросила Розаура: „Но, ради Бога, скажи мнѣ, какимъ образомъ попалъ ты сюда? Какъ могъ ты убѣжать отъ своихъ судей, отъ смерти?“ — „Не могушь ли насъ застать здѣсь?“ спросилъ Вольдемаръ — мы все еще будемъ такъ называть его. — „Божь, что скоро“ — отвѣчала Розаура: „Я обѣщала ворошиться домой по захожденіи солнца; если не приду, то вѣрно спануть искашь меня.“ — „Въ такомъ случаѣ“ — прервалъ ее Вольдемаръ: — „долженъ я оп-

дошли до другаго времени расказъ о моихъ
 приключеніяхъ; себя же прошу пойти по-
 скорѣ домой, прежде, нежели тебя шамъ
 хватятся. Для меня есть здѣсь вѣрное убѣ-
 жище, никогда открытое мнѣ случаемъ; если
 ны въ состояніи снабжать меня съсланными
 припасами, такъ, чтобы вшаго никто не
 могъ замѣтить, то я надѣюсь пробить
 здѣсь до шихъ поръ, пока мнѣ можно будетъ
 безъ опасенія оставить страну сію.“ —
 При сихъ словахъ подошелъ онъ къ алтарю
 и пожалъ скрышу дружану, въ боку онаго
 находившуюся: доска повернулась и откры-
 ла пещеру, въ которой, по крушой лѣщи-
 ницѣ, былъ сходъ въ подземелье, похожее на
 то, которое извѣстно уже было фамиліи
 Графовъ Вилламарозовъ. Разрушенные гробы,
 нѣсколько старыхъ заржавѣвшихъ щипцовъ
 наполнили это пространство, такъ однако,
 что человекъ для двухъ было еще мѣста.
 Здѣсь хотѣлъ скрыться бѣглець, здѣсь рѣ-
 шился онъ ожидать своей любезной, кото-
 рая обѣщала прійти къ нему, какъ скоро
 только въ состояніи будетъ сдѣлать это,
 не опасаясь возбудить подозрѣніе. Съ Воль-
 демаромъ было еще столько припасовъ, что
 онъ могъ съ нуждою прокормиться ими нѣ-
 сколько дней; въ это время можно было
 унять снабдить его свѣжами. Когда Воль-

демаръ укрылся совершенно въ подземелья, Розаура снова бросилась на колѣна предъ престоломъ Всевышняго; и въ смѣшаннѣ различныхъ ощущеній, съ сильно біющимъ сердцемъ, произла шепчущую молитву благодарности за спасеніе чловѣка, котораго смерти — она была въ вѣдомъ увѣрена — причинила бы и ея смерть. Теперь онъ спасенъ, избѣжалъ поноснѣйшей казни — больше не думала она ни о чемъ. Ни будущее, ни прошедшее не беспокоило ея; всѣ ея мысли были обращены на настоящее — для нее довольно было того, что она соединилась съ своимъ любезнымъ такъ внезапно, такъ неожиданно, въ самую ту минуточку, когда думала поперять его навѣки. — Уже ночь распростирла покровъ свой на окружающія поля, какъ Розаура возвращалась въ замокъ.

Она нашла отца своего гораздо въ худшемъ положеніи, нежели какъ его оставила, и рѣшилась опять побыть до утра у его постели; радостью объ избавленіи ея супруга придала ей новыя силы. Уже пробилъ полночь, какъ опрядъ конницы остановилась передъ замкомъ, и командиръ требовалъ, чтобы его впустили. Когда, по приказанію Алонзо, исполнили его желаніе, то онъ предъявилъ письменное повелѣніе Короля, чтобы ему и командѣ его дозволено было шпашель-

изъшшимъ образомъ обыскашь замокъ и окрестности онаго; попому что разбойничій атаманъ Массешо убъжалъ изъ темницы, и полагаясь, что онъ долженъ бытъ въ окрестностяхъ Виллаврозы. — Такое извѣстіе не мало изумило Алонзо; невозможно было скрыть его отъ Манфредо, хотя онъ и опасался пагубныхъ послѣдствій такого извѣстія.

Розаура, которая со времени возвращенія своего изъ храма, не безъ труда старалась принимать на себя печальный видъ, до того времени ее неоставлявшій, дѣйствительно испугалась, услышавъ такое извѣстіе. Ей пришла сейчасъ мысль, какъ легко и всякій другой, споль же случайно, какъ прежде супругъ ея, могъ открытъ входъ въ подземелье. Въ общъ ея вѣсть о побѣгѣ Вольдемара произвела и радость и негодованіе. Радость, попому, что человекъ, связанный съ нимъ споль близкими узами родства, избжалъ сѣкеры палача, и такимъ образомъ фамилія Виллаврозовъ избгла поношенія, которое бы покрыло ее на вѣчныя времена. Негодованіе отъ того, что могли почестъ его способнымъ данъ укрывательство въ своемъ замкѣ человекъ, излившему сполько бѣдствій на родъ Графовъ Виллаврозовъ — родъ, въ теченіе нѣсколькихъ спольтій про-

цвѣтавшій въ Испаніи въ числѣ первыхъ и знаменитѣйшихъ. — Осмотрѣвъ весь уголъ и закоулки, какъ внушри, такъ и около замка, и не найдя ничего, незваные гости опшправились въ лѣсъ, чшобы, сходно данному повелѣнію, обыскашь и его во всѣхъ направленіяхъ. Съ ужасомъ въ сердцѣ смотрѣла имъ въ слѣдъ Розаура; она хотѣла молишься, просишь Бога о покровительствѣ ея супруга, и не могла того сдѣлать. Уста ея, пожираемая пламенемъ, препешали, грудь воздымалась въ судорожныхъ движеніяхъ, сердце гошово было разорваться, ноги опшказывались служишь. Такъ бросилась она у колыбели своего малюшки, кошорый въ спокойномъ снѣ улыбался, какъ Ангель, и никогда шоль живо, какъ шеперь, не напоминалъ ей чершами своими ея супруга. Съ сложенными руками лежала она, вперивъ взоры на небо. Ошець ея, все окружающее исчезло изъ ея памяти; всѣ ея помышленія были обращены шолько къ шому, кшо находился шеперь въ опасности, шолько за него возносились вздохи ея къ небу.

Гершпруда заняла мѣсто госпожи своей у постели больного до слѣдующаго ушра; вся ночь прошла въ безпрешанномъ шумѣ ошъ непрерывно вздввшихъ взадъ и впередъ солдашь и ошъ частой ихъ переключки. Съ

восходомъ солнца спало нѣсколько снокоймѣ. Розаура подошла къ окну. Чшо принесъ ей нынѣшній день? Блаженство или бѣдствіе? Чего должна была она ожидать, чего надѣялась? — Тушь вошла къ ней одна изъ слуганокъ и сказала, чшо недалеко живущій мельникъ рассказывалъ, какъ бывшій въ замкѣ опрядъ проѣхалъ мимо него, и солдаты съ бранью и негодованіемъ разговаривали между собою о дурномъ успѣхѣ ихъ розысковъ. Сердце Розауры чуть не выпрыгнуло отъ радости, между тѣмъ какъ по наружности должна она была казаться равнодушною, чшобы не подать никакого подозрѣнія. Тогда только, когда отъѣздъ солдатъ облегчилъ сердце ея отъ ужасной тоски и неизвѣстности объ участи ея супруга, предалась она размышленіямъ, которыя прежде не могли тревожить ее, пошому чшо страхъ за любезнаго подавлялъ въ ней всякую другую мысль. Она сокрыла его, избавила отъ справедливаго наказанія, — здѣсь не могъ онъ оставаться долѣе — и шакъ въ другую землю — и ежели онъ попотребуешь, чшобы она ему сопутствовала, оставила своего отца, послѣдовала за разбойничьимъ ашаманомъ, за убій. . . — невольный ужасъ объялъ ее; она зашрепешала, не могла окончить мысли — и не смотри на то — тайный голосъ въ ея серд-

ца говорилъ громко за несчастнаго: — и не довольно ли уже онъ наказанъ? — Не былъ ли онъ почти насильно, спеченіемъ обстоятельствъ, привлеченъ къ тому, чѣмъ сдѣлался въ послѣдствіи? Не раскаялся ли онъ съ сокрушеннымъ сердцемъ въ своихъ проступкахъ? Не намѣренъ ли всею будущею жизнію загладить ихъ, сколько можно? И не клялась ли ты ему памяшью своей матери не осмѣлять его *никогда*? Не ты ли призывала гнѣвъ Божій на клятвопреступницу? Не ты ли предъ алтаремъ, предъ служителями церкви и свидѣтелями, въ присутствіи Божіемъ, покаялась ему въ *отрности любви и покорности до гроба*? И наконецъ — не онъ ли отецъ твоего дитяти? Не можешь ли око его черны? Не говоришь ли голосъ природы чрезъ твоего сына твоему сердцу? И неужели ты въ состояніи заградить ему доступъ совершенно? Розаура! Развѣ ты *не любишь больше* человека, который *никогда* составлялъ для тебя *все*? —

Охотно внимала Розаура голосу, который говорилъ ей столь убѣдительно. „Такъ!“ говорила она, обливаясь горячими слезами: — „шакъ! я сохраню вѣрность, въ которой поклялась ему; онъ любви моей долженъ онъ возродиться вновь, долженъ выполнить тѣ намѣренія, въ которыхъ далъ обѣщъ, долженъ

успрояшь добро, загладишь зло, имъ содѣланное. Онъ долженъ дѣлать счастливыхъ, кошорые спанушь за него молишься, долженъ спарашься заслужишь милосердіе Божіе, столь явно оказанное ему чудеснымъ его избавленіемъ.“ — Теплая моливица заключила сіи размышленія. Почувствовавъ въ себѣ новыя силы, Розаура приблизилась къ постелѣ отца своего, кошорого нашла она несравненно слабѣе, но и несравненно мягкосердечнѣе вчерашняго. Увидѣвъ ее, онъ приподнялся, съ ласковою улыбкою пропхануль ей руку и спросилъ: „какова ты, Розаура? что дѣлаешь сынъ твой?“ — Въ первый еще разъ послѣ шого ужаснаго вечера спросилъ онъ объ немъ. Радостная надежда, что можешь быть теперь захочешь онъ видѣшь его, оживила Розауру. Поспѣшно кинулась она за маленькимъ Манфредо и вмѣстѣ съ нимъ упала у постели отца своего, умоляя благословить дитя ея, какъ прежде, въ дни ея счастья. Съ нѣжною улыбкою пропхануль малышка ручки свои къ дѣдушкѣ. Въ нѣмой борьбѣ съ собою, съ нѣжнѣйшими чувствами своего сердца, лежалъ спарикъ Манфредо — слезы Розауры, видѣ внука, предчувствіе скорой кончины, все соединилось и — природа воспоржесшовада. Долго сжималъ онъ въ своихъ объятіяхъ дочь и внука, наконецъ, распроганный, про-

изжесь: „благословляю тебя! Благословляю тебя ошь всего моего сердца, тебя и твою мать!“ — „И его, его, отца моего сына!“ — умоляла Розаура. — „Я не клянущ его!“ — ошвнчалъ, послъ продолжительнаго молчанія, умирающій. „Башюшка!“ вскричала, всхлпывая, Розаура, обьяшая смершною потскою — „онъ раскаялся — я простила ему — простите ему и вы — простите и мнъ — пошому чшо — о башюшка! — я все еще люблю его.“ — Съ трудомъ приподнялся умирающій, приспально посмошръл на дочь свою, долго не спускалъ съ нее глазъ, и сказалъ пошомъ мягкимъ голосомъ: „шы еще любишь его, Розаура? Если шакъ, шо за сию вѣрную любовь — да! шолько для тебя — прощаю ему и я — благословляю и его шакже, какъ тебя — шеперь — прощайте!“ — По данному имъ знаку, Алонзо подошелъ къ нему ближе; схвативъ его за руку, Манфредо продолжалъ: „милый братъ! не оставь ихъ обонкъ — будь имъ отцемъ — я . . . . глубокий вздохъ вырвался изъ стѣсенной груди его, и шраданія его кончались.

Кому Провидѣнне предопредѣляетъ жестокія горести, шому даетъ оно и силы къ перенесенію ихъ. Справедливость сего оказалась въ послѣднее время на Розаурѣ. Теперь, при пошери отца, несчастная шак-

же почувствовала, что въ мужество и твердости, которую ниспослалъ ей Творецъ, получила она лучшее доказательство Его благости; съ благодарнымъ сердцемъ признавала она то, и старалась заслужить такую милость. Алонзо радовался тому, и употреблялъ все средства, могущія въ печальномъ положеніи его племянницы, хотя нѣсколько развлечь ее.

Когда жители замка отправились на покой и приблизилась часъ полночи, рѣшилась Розаура отправиться съ съѣсными припасами по дорогѣ къ часовнѣ въ лѣсу. Ни ужасъ ночи, ни дождь, ни вѣтръ, бушевавшіе въ это время, не могли удержатъ ее. Она вышла изъ замка черезъ калитку, изъ которой у нее одной былъ ключъ. Густыя черныя облака закрывали мѣсяцъ и распространяли глубокій мракъ вокругъ нее. „Боже! буди милосердъ ко мнѣ!“ — вздыхала она, и шепечущими шагами, едва держась на ногахъ, шла далѣе. Съ сильно бьющимся сердцемъ дошла она до церкви; съ трудомъ дошащилась до алтаря; свѣтъ отъ принесеннаго ею поспѣшнаго фонаря служилъ ей пушеводителемъ. — „Вольдемаръ!“ произнесла она глухо. „Вольдемаръ!“ повторила черезъ минуту. — Нѣтъ отвѣта. — Тушь поспѣшила она сама къ извѣстному мѣсту. Удачно нашла она пружину, по-

жала ее, и входъ въ подземелье открылся. „Вольдемаръ!“ вскринула она еще разъ, и опять безъ успѣха. Едва достало у ней силы сойти по крушой, полу-разрушившейся лѣстницѣ. Наконецъ она внизу. Сильный гнилой запахъ захватывалъ у ней дыханіе; держа передъ собою фонарь, осматривалась она вокругъ себя, и съ ужасомъ увидѣла супруга своего безъ чувствъ, посреди развалившихся гробовъ, обнаженныхъ скелетовъ и праха ея предковъ. Мгновенно бросилась она къ нему, и стала употреблять все средства привести его въ чувство. Сильное шрение принесеннымъ ею съ собою виномъ и свѣжій воздухъ, проникшій въ ошверсніе, которое Розаура оставила незакрытымъ, подѣйствовало. Мало по малу Вольдемаръ началъ приходить въ себя, открылъ глаза, узналъ свою супругу, которая прежде всего стала просить его выйти поскорѣе изъ этого ужаснаго убѣжища. Увѣрясь, что бывшій опрядъ удалился уже изъ окрестностей замка, послѣдовалъ онъ за Розаурою, рассказывая ей, какъ прошедшую ночь обыскивали всю часовню, какъ онъ могъ слышать каждое слово, произносимое солдатами; какъ наконецъ страхъ, въ которомъ безпрестанно находился, и чрезвычайно душливый воздухъ въ подземельѣ лишили его чувствъ и привели въ положеніе,

*

она нашла его. Розаура также сообщила ему происшествія прошедшей ночи, прося его не скрывать опъ нее долѣе, какимъ образомъ послѣдовало его въ самомъ дѣлѣ чудесное избавленіе изъ пемницы. Вольдемаръ свѣль подлѣ нее на ступеняхъ алтаря, и началъ расказывать.

„Преступленіями достигнулъ я до обладанія побою; но едва совершилось желаемое, какъ раскаяніе и упреки совѣсти совершенно лишили меня спокойствія. Снѣ не смыкала болѣе глазъ моихъ, и только одному Всебѣдущему Богу, Ему, въ Комъ надѣюсь я обрѣсти судію милосердаго, извѣстно, какъ спрдадъ я, какъ умолялъ Его сжалиться надо мною, какъ исполненное раскаяніа сердце мое съ жадностію ловило всякій случай дѣлать добро по возможности. Снѣдающая меня печаль разсиронила мое здоровье; оно приблизилось даже къ совершенному разрушенію, когда, помнишь ны, въ одно утро вдругъ занемогъ я опасно: тогда прочелъ я въ газетахъ объявленіе, что за мою голову назначена цѣна. — Едва спалъ я оправляться, какъ наступила ужаснѣйшая минута моей жизни: меня вырвали изъ швоихъ объащій какъ обличеннаго преслупника. Я не боялся наказанія; только одна мысль, что я погрузилъ себя въ бездну злополучія; что швоего отца, швоего дядю, кошорые

любили меня, сдѣлалъ несчастными; что моего сына одно имя опца его подвергаешь вѣчному посрамленію; что я не успѣлъ еще сдѣлать всего добра, какое намѣревался исполнить — только одна мысль объ этомъ составляла верхъ моихъ бѣдствій. Такъ прібылъ я въ столицу, шакъ провелъ время своего заключенія: каждая минуша была жесточайшимъ для меня мученіемъ, въ особенности, когда высцавили меня наконецъ на показъ, какъ звѣря, для удовлетворенія любопытства народа, который всякій вечеръ толпами входилъ въ мою шемницу и дѣлалъ для меня жизнь адомъ. Такъ сидѣлъ я и въ шощъ вечеръ, когда шы, моя Розаура, была близъ меня. Не далѣе шрехъ шаговъ отъ тебя, не чувшвовалъ я швоего присушствія, и — о Боже! возможно ли это? — шы кинула ко мнѣ записку съ булавою, которую я сейчасъ узналъ; но въ шу же минушу, когда я, поднявъ глаза, произясь швое имя, шы уже исчезла. — Какъ могу описать тебѣ чувшва свои по прочтеніи начертанныхъ тобою спрокъ, увѣрившихъ меня, что я не обмануся, что шы дѣйствительно сама была шакъ близко отъ меня. И въ послѣднія минушы моей жизни, сердце мое благодарило тебя за это явное доказательство любви швоей — швое присушствіе спасло меня отъ опчальнія: съ сего

времени въ душѣ моей сдѣлалось спокойнѣе; къ мысли о себѣ и о сынѣ моемъ присоеди-
 нилось и воспоминаніе о Томѣ, предъ чье
 судилище долженъ я былъ скоро предстать. —
 Въ одинъ вечеръ сидѣлъ я погруженный въ
 пляскую думу, какъ одна знашная духовная
 особа вошла въ мою шемницу; это былъ
 мужъ почтенной наружности; его сопровож-
 дали многіе изъ важнѣйшихъ въ Мадридѣ
 людей. Онъ долго разговаривалъ со мною; не-
 обыкновенная мягкость въ его голосѣ, осо-
 бенная искренность, ласковость въ выраже-
 ніяхъ возбудили мое вниманіе, мою довѣрен-
 ность. Уходя, благословилъ онъ меня, похва-
 лилъ спокойную мою преданность судьбѣ и
 раскаяніе, которое — какъ онъ ошозвался
 — видно было изъ каждаго моего слова. Онъ
 подалъ мнѣ поцѣловать свою руку и съ шѣмъ
 вмѣстѣ — вообрази себѣ мое изумленіе —
 маленькій свернутый лоскуточекъ бумаги.
 Какъ скоро осматся я одинъ, прочелъ на ней
 слѣдующее: „Однажды спасъ ты мнѣ жизнь;
 я не забылъ этого, и помышляю о средствахъ
 воздать тебѣ шѣмъ же. Завтра, какъ толь-
 ко наступитъ утро, пошребуй къ себѣ ду-
 ховника изъ ближняго Бенедиктинскаго мо-
 наштыря; отъ него узнаешь болѣе. Старайся
 исправить будущую жизнь твою.“

Какъ пораженный громомъ сидѣлъ я, не въ состояніи связать порядочно въ мысляхъ своихъ ходъ происшествій. Я сказалъ уже тебѣ прежде, что сдѣлавшись главою разбойниковъ, спарался, гдѣ только могъ, удерживать ихъ отъ лютоши и насилій. Проходя въ умѣ своемъ всѣ приключенія, вспомнилъ я наконецъ, что однажды дѣйствительно воспрепятствовалъ я шоварицамъ своимъ умертвить одного монаха, у котораго думали они найсти большія сокровища. Удовольствовавшись тѣмъ, что онъ далъ имъ самъ, оставили они его по моему приказанію; и эпошъ послушокъ, внушенной тогда моимъ сердцемъ, долженъ былъ тебѣ принести мнѣ богатые плоды. На другое утро сдѣлалъ я, какъ мнѣ было вѣлно. Духовникъ явился, и принесъ мнѣ скрышно въ клубокъ своемъ узелъ, въ которомъ нашелъ я одежду Бенедиктинскаго монаха, орудія для распиленія моихъ цѣпей, кошелекъ съ золотомъ и записку. Въ ней сказано было, чтобы вечеру, когда народъ оставитъ меня, надѣлъ я на себя приложенную одежду, скинулъ цѣпи, надъ распиленіемъ которыхъ долженъ былъ работать въ продолженіе дня, и медленными шагами вышелъ изъ пещницы; въ помъ, что я не встрѣчу никакого препятствія, меня обладеживали.

„Въ шокѣ, молившъ и страхѣ прошекамъ для меня часы до минушы моего освобожденія — они текли по слишкомъ медленно, что слишкомъ скоро. Наконецъ остался я одинъ, сбросилъ съ себя цѣпи, накинулъ монашескую одежду и вышелъ изъ темницы. Обоиъ солдашъ, споявшихъ на часахъ, нашла я въ глубокомъ снѣ. Бенедикшинскій же монахъ ожидалъ меня. „Поспѣшайте, ради Бога поспѣшайте!“ — шепнулъ онъ мнѣ, и исподинскими шагами пошелъ передо мною; я слѣдовала за нимъ цочня безъ чувствъ. Недалеко отъ воротъ темницы, нашли мы мальчика съ муломъ. Проводникъ мой далъ мнѣ знакъ, чтобы я сѣла на него. Со слезами сердечной признашельности схватила я его руку. — „Будь добрымъ человекомъ!“ сказала онъ мнѣ — и я, обративъ взоры къ небу, обѣщала ему то. — — Розаура! Я сдержу свое слово. Велики просупки мои; сильно мое раскаянїе, и теперь хочу все загладить. Розаура! согласишься ли ты быть моимъ душеводителемъ? Позволишь ли ты мнѣ и впредъ почерпашъ жизнь изъ предеспннхъ глазъ твоихъ? Намѣрена ли ты сдержашъ слово, произнесенное тобою предъ алтаремъ Всевышняго? Или дождешь я бросаешься въ свѣщъ, кошорый одна только любовь твоя въ сосщоянїи превратишь въ рай для меня? Ха-

чешь ли бышь свидѣтельницею, какъ всѣ дѣла мои, всѣ помышленія будушь спремись къ тому, чтобы сдѣлаться добрымъ человекомъ; какъ я, посвятивъ жизнь свою тебѣ и нашему сыну, буду стараться вознаграждать безпокойство и печаль, котормя до сихъ поръ причинялъ тебѣ?"

Стоя на колѣняхъ передъ Розаурою, Вольдемаръ смотрѣлъ на нее, какъ на существо неземное; шакимъ казалась она въ самомъ дѣлѣ, сидя на верхнихъ ступеняхъ, ведущихъ къ алтарю, со взорами, обращенными къ небу, откуда ожидала совѣта и помощи. Мысль, появившійся изъ за свода, долго его скрывавшаго, бросилъ слабый свѣтъ свой на величественное, благородное лице Розауры; въ ея, крошкихъ, благочесіемъ сіяющихъ глазахъ, заключалось все блаженство для Вольдемара. Густые, темные локоны лежали волнами на ея шеѣ и плечахъ; она сидѣла, погруженная въ размышленіе, съ сложенными руками; губы ея двигались, какъ бы произнося молитву; и въ самомъ дѣлѣ молилась она въ своемъ сердцѣ: „Боже! Просвѣти меня, дабы око мое узрѣло спезю правую и напустивало меня. Дай мнѣ знаменіе, что ты одобряешь то, къ чему влечешь меня мое сердце!“ — Въ это мгновеніе голубь, укрывшійся на цокой въ шарыхъ стѣнахъ

храма и испуганный движеніемъ Вольдемара, вспорхнулъ, облетѣлъ около алтара и вылетѣлъ въ открытое окно. „Благодарю Тебя!“ вскричала въ восторгѣ Розаура — „благодарю Тебя, Всемогущій. Я принимаю это явленіе за ниспосланное мнѣ Тобою знаменіе. Теперь ясно въ душѣ моей: я поступаю, какъ приказываетъ мнѣ мое сердце.“

Съ искренностію обняла Розаура своего супруга, и голосомъ, исполненнымъ любви, сказала ему: „никогда не оставлю тебя, разделяю съ тобою бѣдствія и радости!“

Въ объятіяхъ супруги, Вольдемаръ не думалъ болѣе о прошедшемъ. Розаура подала свой совѣтъ на счетъ будущаго: они согласились, чтобы Вольдемаръ днемъ перешелъ въ фамильный склепъ Графовъ Вилламрозовъ, пока Розаура, послѣ погребенія отца своего, успеетъ приготовить все нужное, чтобы вмѣстѣ съ нимъ оставить Испанію. Въ мирныя долины Гельвеціи хотѣли они удалиться; купишь тамъ небольшое помѣстье, и въ сельской тишинѣ дѣлать столько добра, сколько позволялъ имъ ихъ кругъ дѣйствія. Ранѣе, нежели они желали, наступилъ день; съ первою зарею должна была Розаура разлучиться съ своимъ любезнымъ; она удалась,

объщаясь посещая его ежедневно такимъ же образомъ, какъ и въ первый разъ.

Розаура отдала послѣдній долгъ праху отца своего и омочила искренними слезами дѣтской любви гробницу его — назначенную имъ, еще при жизни, подлѣ могилы своей супруги, въ саду, прилежащемъ къ замку — и тогда рѣшилась она открытъ своему дядѣ, въ отеческой любви котораго была увѣрена, по крайней мѣрѣ часть своей тайны. Она шѣмъ болѣе могла это сдѣлать, что Алонзо все еще сердечно былъ привязанъ къ ея мужу, и всегда заступался за него, когда говорилъ съ покойнымъ Графомъ. Манфредо въ завѣщаніи назначилъ его опекуномъ своего внука и попечителемъ въ дѣлахъ дочери; ему могла она вѣрнѣе. Все, что случилось до сихъ поръ, исключая того, что Вольдемаръ находился въ окрестностяхъ Вилламрозы, узналъ Алонзо изъ устъ своей племянницы, которая сообщила ему и твердо принятое ею намѣреніе, впредь, подъ чужимъ именемъ въ чужой землѣ, жить вмѣстѣ съ своимъ Вольдемаромъ.

Алонзо безпрекословно одобрилъ этотъ планъ; какъ Розаура, былъ онъ увѣренъ, что мужъ ея выполнитъ принятой имъ на себя обѣщаніе и сославшись счастіе его племянницы.

Двѣ тысячи червонныхъ, найденныя въ наличной кассѣ покойнаго Графа, были уже досташочны, чтобы обезпечить будущую участь обоихъ супруговъ. Но Алонзо обѣщала чesпно и вѣрно управлять остальнымъ имѣніемъ, жить, какъ и прежде, въ Вилламорозѣ, и чтобы имѣвъ хотя какое либо утѣшеніе и развлеченіе въ своемъ уединеніи, рѣшилася пригласить къ себѣ одного стариннаго пріятеля и сослуживца, и вмѣстѣ съ нимъ останокъ дней своихъ провести въ мирѣ и спокойствіи. Гершруда должна была также озаботиться, и по прежнему завѣдывать хозяйствомъ, чтобы дядя не могъ почувствовать перемѣны въ порядкѣ, къ которому привыкъ уже издавна. Мысль о разлукѣ была пуглива для Алонзо; но этого требовало счастье его племянницы, и онъ охотно жертвовалъ для того своимъ собственнымъ; припомъ же возможность посѣтить ее въ новомъ ея опечесствѣ, хотя на короткое время, уже заранѣе доставляла ему радость, которая дѣлала для него разлуку сноснѣе.

Никогда не чувствуемъ мы сколько силы привычки, привязывающей насъ къ родинѣ цѣпями неразрывными, какъ въ шу мину, когда рѣшаемся оставить ее навсегда, не имѣя радостной надежды опяшь ее увидѣть. Въ ней сокрытъ магнитъ, который

влечетъ къ себѣ наши мысли, наши желанія. Все добро, которое мы получили намъ изъ рукъ почительнаго отца, отъ сердца ивнжнолюбящей матери, вдругъ предсказывается намъ въ испанскомъ видѣ; мы чувствуемъ это: любви отеческой, любви матерней не вознаградишь намъ ничто — ее можно сравнить съ алмазомъ, котораго яркій блескъ помрачаетъ все вокругъ себя.

Такъ и Розаура теперь только почувствовала, какъ тяжело для нее различиться съ отеческимъ домомъ. — Вольдемаръ, въ новой своей одеждѣ, имѣя апшестать отъ Римско - Каполическаго Прелата, который (единственно изъ благодарности за спасеніе жизни) способствовалъ его побѣгу, и паспортъ на имя Бенедиктинскаго монаха, отправленнаго въ Германію по порученіямъ отъ ордена — эти объ важныя бумаги нашелъ онъ въ своемъ клубкѣ — могъ выѣхать изъ Испаніи, не боясь бытъ открытымъ; онъ и исполнилъ это спустя нѣсколько недѣль, обѣщая ожидать супругу свою за границею. Еще разъ посѣтила Розаура каждое мѣстечко, которое возбуждало въ ней пріятныя воспоминанія; еще разъ помолилась въ церкви, гдѣ прежде столь часто возносила къ небу мольбы свои; еще разъ поклялась на гробѣ своей матери строго исполнять правила добродѣ-

шли и оспашься всегда ея достойною; еще разъ прижала къ своему сердцу почтеннаго дядю, обняла вѣрную кормилицу свою Герспруду, просила ея имѣть попеченіе о спокойствіи Алонзо, и сѣла въ дорожную повозку, которая вела ее къ новой цѣли жизни.

Прибывъ въ одну изъ цвѣшущихъ долинъ Швейцаріи, оба супруга ничего сполько не желали, какъ основашь въ ней свое мѣсто-пробываніе. Случай благопріятствовалъ ихъ намѣренію; небольшая мыза продавалась въ это время. Вольдемаръ купилъ ее, и уже черезъ нѣсколько недѣль, жили они беззаботно въ собственномъ имѣніи, которое имѣло особенную цѣну въ глазахъ Вольдемара швѣи, что онъ могъ здѣсь дѣлать болѣе добра, нежели во всякомъ другомъ мѣстѣ. Не говоря уже о томъ, что и мужъ и жена, всегда готовые помогать совѣшомъ и дѣломъ, наперерывъ старались пріобрѣсти довѣренность жителей долины, Вольдемаръ въ особенности, съ неупомимою дѣшельностію, старался оказывать пособіе несчастнымъ путешественникамъ, спасаъ ихъ, даже съ опасностію собственной жизни. Только шомъ, кто самъ проходилъ пустыни Гельвеціи, можешь имѣть понятіе о шомъ, какъ часто бывають шамъ случаи, гдѣ человекъ можешь быть ангеломъ спасителемъ своего собрата.

Въ такихъ случаяхъ Вольдемаръ не зналъ усталости; не взирая на собственную опасность, пускался онъ по спезямъ, въ пропасти, въ котрыхъ прежде не бывала никогда нога человѣческая. Если тогда Розаура, заботясь о немъ, остерегала его, просила бытъ осмотрительнѣе, то онъ обыкновенно говорилъ: „ахъ, Розаура! мнѣ надобно много, много сдѣлать добра, чтобы загладить прежде; а жизнь такъ корешка!“ — Они одѣвались совершенно по обычаямъ той страны, и потому ничто не могло опкрытъ ихъ происхожденія; любимые и уважаемые всѣми, кшо только ни зналъ ихъ, они могли бы почестся совершенно счастливыми, если бы только непрочное здоровье Вольдемара не причинило — въ особенности Розауръ — сильнаго безпокойства. Еще болѣе умножала скорбь супруги увѣренность, что не одни только тѣлесныя спраданія изнурили его. Какъ прежде въ Вилламорозъ, такъ и теперь, овладѣла имъ меланхолія, послѣдствіе безпрерывныхъ угрызений совѣсти, и лишала его спокойствія, котрымъ бы могъ онъ наслаждаться безъ помѣхи, среди своего семейства. Тщешно Розаура, чтобы развеселить его, употребляла всѣ средства, какія только внушала ей любовь; иногда удавалось ей развлечь его на часъ, на день; но попомъ

Снова впадалъ онъ въ прежнюю задумчивостьъ которая пакъ испощала всѣ жизненные его силы, что преждевременно сдѣлала его старикомъ. Какъ ни былъ онъ однако же слабъ, дѣятельность его не имѣла предѣловъ, коль скоро кто либо имѣлъ нужду въ его помощи.

Прошло болѣе года съ тѣхъ поръ, какъ поселились они въ долину. Въ одинъ вечеръ сидѣли они около шеплящагося камелька. Ужасная вьюга со снѣгомъ и дождемъ бушевала въ поля; погода была самая несносная. Вдругъ кто-то постучался въ окно, и они услышали знакомый голосъ поселеннина, который просилъ Вольдемара ссудить его нѣкоторыми орудіями: онъ съ братьями своими собрался итти для спасенія одвого несчастнаго, котораго, по словамъ служителей, упалъ въ пропасть, и неминуемо погибнетъ безъ помощи. Поспѣшно вскочилъ Вольдемаръ, твердо рѣшившись самъ итти съ ними. Тщешно убѣждала его Розаура, щещино предсказывая, что онъ нездоровъ, что болѣзнь его послѣ шакого напряженія, еще усилилась, что онъ имѣешь свои собственные обязанности, жену и сына, которыхъ участь должна быть для него важнѣе — все щещино. „У меня“ — сказалъ онъ ей шихонько: — есть на душѣ убійство, — тысяча человѣческихъ жизней, спасенныхъ мною, не мо-

гушь перевѣситъ одного этого преступленія.“ — Розаура знала, что въ то время, когда подобныя мысли наполняютъ душу ея супруга, убѣжденія ея бесполезны; а потому перестала, и Вольдемаръ ушелъ. Лишь только осталась она одна, какъ бросилась на колѣя и пламенно молила Творца, дабы Онъ благословилъ предпріятіе ея супруга. Съ трепетомъ ожидала она извѣстія, котораго долго не было; наконецъ одинъ изъ поселянъ возвратился, и сказалъ ей, что мужъ ея подвергся очевидной опасности, что однако жъ удалось ему наконецъ спасти заблуждающаго, и что теперь надобно уже ей спешиться пригошовить все необходимое для успокоенія и подкрѣпленія силъ какъ незнакомца, такъ и ея супруга, которые послѣ всего, ими перенесеннаго, имѣютъ въ шомъ большую нужду. Объ этомъ и прежде уже думала Розаура: спешныя постели, крѣпительное пище ожидали гостей, которые скоро и прибыли. Съ ужасомъ отскочила Розаура назадъ, увидѣвъ Вольдемара; никогда еще не поражало ея такъ исхудѣвшее, испомленное лице, его необыкновенная блѣдность, его потухшіе глаза. Добрые сосѣди принялись помогать ей; съ ихъ помощію, незнакомца положили на постель, супруга же ея только что засыпали перемѣнны

пасть, потому что онъ совершенно отка-
зался принять какое либо успокоеніе. Не-
много спустя, когда поселяне удалились,
незнакомецъ нѣсколько оправился: онъ изъя-
вилъ желаніе поговорить съ своимъ хозяи-
номъ и — какъ онъ слышалъ, несовершенно
еще потерявъ чувства — спасителемъ его
жизни. Вольдемаръ подошелъ къ нему и дру-
жески протянулъ руку, кошорую незнако-
мецъ пожалъ съ сердечною признаательно-
стію. — „Вы спасли мнѣ жизнь“ — началъ
онъ шепещущимъ еще голосомъ: — „какъ мо-
гу, какъ долженъ я возблагодарить васъ за
то? Я не имѣю дѣшей, но богашъ сокрови-
щами свѣща. Требуйте, чего хотите; ваше
желаніе будетъ исполнено. Ахъ!“ присовоку-
нилъ онъ со вздохомъ: — „у меня нѣтъ ни-
чего, кому бы богашство мое могло прине-
сти пользу. Вы простой поселянинъ“ —
продолжалъ онъ: — „въ потъ лица своего
енискиваете насущный хлѣбъ, и не смотря
на то — повѣрьте мнѣ — вы счастливѣе,
гораздо счастливѣе меня . . . . вѣдь что
вѣрно ваше дитя спитъ шеперь на груди
своей матери? Я же — у меня нѣтъ болѣе
сына — чудовище умершвило его. О, про-
клятіе, вѣчное проклятіе да будетъ удѣ-
ломъ убійцы!“ — Лишенный силъ, упалъ

онъ на свои подушки, и не видѣлъ болѣе, что происходило вокругъ него.

Съ ужаснымъ оцѣпенѣнiемъ слушала Вольдемаръ послѣднiя слова незнакомца; блѣднѣе и блѣднѣе становились его щеки, сильнѣе шептало все нѣмо; при воззванiи старца: „прокляшiе!“ упалъ онъ на спухъ, въ состоянiи будучи держась долѣе. Розаура поскорѣ положила маленькаго Манфреда на его постельку и бросилась къ своему супругу. Но сей потчасъ приподнялся и съ горячностiю спросилъ незнакомца: „какъ — заклинаю васъ всѣми святыми, скажите правду — какъ ваше имя?“

„Баронъ Левенекъ!“ — былъ отвѣтъ, какъ громомъ поразившiй Вольдемара. Ужасно вскрикнувъ, закрылъ онъ руками лице свое и опустилъ его на плечо стоявшей подлѣ него супруги. Продолжительное молчанiе послѣдовало за симъ, и незнакомецъ съ изумленiемъ смотрѣлъ на группу передъ его глазами. Розаура раньше опомнилась. „Извините“ — произнесла она: — „сильное напряженiе и ужасность — мужъ мой, онъ боленъ — позволите, я отведу его немного успокоиться.“

Она кликнула работниковъ, которые и отвезли его на постель. Сильный жаръ скоро лишилъ его памяти; въ мрачномъ

бреду провелъ онъ ошашокъ ночи и слѣдующій день. Незнакомецъ былъ видѣ себя ошъ огорченія, полагая, что одно только напряженіе при спасеніи его было причиною болѣзни его хозяина.

Лекаръ, призванный изъ сосѣдняго города, объявила, что больной безнадеженъ. Розаура съ ужасомъ выслушала это приговоръ; казалось, шоска умершвишь ее. День и ночь не ошходила она ошъ посщели нѣжно любимаго супруга: рѣдко имѣлъ онъ ясныя минушы, и положеніе его часъ ошъ часу ешановилось хуже.

Погруженный въ глубокую горестъ, сидѣлъ Баронъ въ своей комнашъ; подперши руками голову, вздыхалъ онъ про себя: „о Боже! Неужели мѣра спраданій моихъ еще не исполнилась? Для чего предпринималъ я это несчастное путешешствіе? Для шого ли, чтобы разрушишь семейственное счастье добрыхъ людей? Для шого ли, чтобы у безомощной жены ошнять мужа, у бѣднаго младенца ошца!“ — Въ эту минушу отворилась дверь, и къ нему вошла Розаура: емершная блѣдность на лицѣ — нешвердая пошупъ — сильный шрепешъ во всемъ шѣлѣ ясно показывали состояніе души ея; медленными шагами подошла она ближе. „Я пришла къ вамъ“ — начала она шрепешу-

щимъ голосомъ: — „ошъ смершнаго одра моего супруга — еще нѣсколько минушь — и спраданаіа его прекратяшся. — Хошите ли вы облегчить послѣднія минушы умирающаго? Хошите ли вы воздашь ему за шо, что для васъ подвергалъ онъ жизнь свою опасности?“ — Баронъ хотѣлъ прервать ее — она продолжала: „позвольте мнѣ докончить. — Несчастный, къ послѣдней борьбѣ кошораго съ жизнью призываю васъ, носить шлякую вину на своемъ сердцѣ. . . . Есть ли въ васъ сполько чедовѣчества, что бы простишь ему — подашь ему вашу руку?“ — „Простишь ему? — Все, все“ — воскликнулъ пронушый Баронъ: — „но я не понимаю, что я . . .“ „Простишь ему“ — прервала Розаура: — „что онъ — о Боже! — что онъ — что по его поведѣнію — сынъ вашъ — о! будьте милосерды, какъ милосердъ Тонъ, Кшо одинъ въ сосноліа измѣрить неперъ мои спраданаіа, мою горешъ, — будьте милосерды! Онъ спасъ жизнь вашу! У ногъ вашихъ умоляю, будьте милосерды, не проклинайте — убійцы вашего сына!“ —

Силы оставили ее; почти безъ чувствъ упала она на землю. Сложивъ руки, смотрѣлъ Баронъ на небо. — „Боже, Боже!“ воскликнулъ онъ: — „неисповѣдимы пупи Твои! Ты правосуденъ, сполько же какъ и мило-

сердцѣ! Въ смиреніи повергаюсь въ прахъ передъ Тобою!“ — Она наклонилась, чтобы поднять Розауру; въ эту самую минуту позвали ее къ больному. Колеблясь, вышла она изъ комнаты, чтобы, сколько возможно, влить утѣшеніе въ душу несчастнаго, котораго любила со всѣмъ жаромъ страшнаго сердца, и котораго шерла теперь навѣки.

Если бы мы чувствовали всю горечь такого мгновенія, то тщательнѣе очищали бы отъ терній путь, коимъ шествуютъ существа, связанные съ нами узами природы или обязанности. — Левенекъ медленною ступаю послѣдовала за Розаурой, и войдя въ комнату больнаго, остановилась въ нѣкоторомъ разстояніи отъ одра, на коемъ спрдаалъ несчастный. Крѣпко сжимала она въ своихъ объятіяхъ страстно любимаго супруга; вдругъ онъ приподнялся, и произнесъ пренебрежительнымъ голосомъ: „Розаура! послѣднія минуты мои приближающія можешь быть, онъ . . . ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Онъ не можетъ простить меня“ — „Онъ прощаетъ тебя!“ прервала его Баронъ: — „съ опасностію собственной жизни ты избавишь меня отъ ужасной смерти — ты жертвовала всѣмъ, не думая о женѣ и сынѣ — сдѣлалась сама жертвою своею великодушія — твое сильное напряженіе предаешь себя смерти —

и такъ — жизнь за жизнь — я вижу швое раскаяніе, и съ примиреннымъ сердцемъ подаю шебъ мою руку. Богъ милосердъ! Я буду молишь Его за шебя!" —

Съ неописаннымъ восторгомъ, въ которомъ соединились все посаданія силы умирающаго, схватилъ онъ руку Барона, прижалъ ее къ ушамъ своимъ, потомъ возложилъ ее на главу своей супруги, указалъ на своего сына, спавшаго спокойно, и душа его тихо оплещвала въ другой міръ, въ которомъ всякій подучишь праведное воздаяніе.

Кшо изъ насъ не оплакалъ уже существа, ему драгоценнаго? Кшо не испыталъ уже, какъ паляшь слезы, какъ пронзаешь насъ печаль, коцорая въ такіа мгновенія умерщвляетъ все жизненныя наши силы? Кшо не чувствовала также, какъ въ это время являешся къ намъ подпора свыше, сильная и могущественная, подкрѣпляющая насъ въ минушы скорби? Кшо не ощущала внутри себя благодати, коцорая нисходитъ на насъ въ пламенной молитвѣ, утѣщенія, коцорое ниспосылаешь намъ Христіанская Вѣра?

И Розаура молилась; и она, съ сердцемъ, облившимся кровью, возсылала вздохи свои къ небу; и она ощутила благодатныя шого послѣдствія; и ей Всемогущій ниспослалъ утѣшительный бальзамъ — во времени, все-

гданнемъ спасительномъ помощникъ вѣрующихъ въ Искупишела. Обязанности приковывали ее къ сыну; чшобы выполнить ихъ, соединила она все свои силы. Какъ только прошли первые дни жесточайшей скорби — въ которые Левенекъ не оставлялъ ее — Розаура, по желанію Барона, спала собиравшись соупрощивать ему въ его помѣсть. Собственную свою мызу подарила она одной бѣдной, но по хорошему своему поведенію, во всемъ окологкѣ любимой чешѣ. Равнымъ образомъ раздавала она значительную сумму денегъ бѣднымъ, живущимъ въ долинь, и благодарностями своими воздвигла себя прочнымъ памятникомъ въ сердцахъ добрыхъ поселянъ, которыхъ съ такою любовію приняла ее въ кругъ свой. Для приходскаго же священника положила она особый вкладъ, который значительно увеличилъ доходъ его, съ тѣмъ условіемъ, чшобы онъ сморгалъ за могилу ея супруга, и въ день его кончины, ежегодно возсыдалъ за него шеплую молитву къ Престолю Всевышняго, молитву, при которой — какъ узнала о томъ Розаура въ послѣдствіи — присутствовали все обитатели долины и даже, безъ ея о томъ просьбы, усадили цвѣтами и деревьями то мѣсто, гдѣ покоился прахъ его.

По прибытіи въ свои помѣстья, Баронъ первую для себя обязанностію пославилъ усыновить маленькаго Манфредо и испросилъ у своего Монарха дозволеніе передать ему не только имя, но и всѣ права, принадлежащія законному наслѣднику помѣстій Бароновъ Левенеконъ. Два года наслаждался еще почтенный спарецъ сообществомъ Розауры и маленькаго Манфредо, попомъ скончался на рукахъ ея.

Какъ скоро Розаура привела въ порядокъ дѣла по наслѣдству, оправила она въ свое отечество, дабы помъ, въ замкѣ опцевъ своихъ, посвятивъ будущіе дни воспитанію сына. Но прежде сердце привлекло ее къ тому мѣсту, гдѣ покоялись останки ея супруга. Не смотря на отдаленность его отъ дороги въ Испанію, она посѣтила мирную долину, служившую ей убѣжищемъ. Жители приняли ее съ восторгомъ. Три горесно-сладкіе дни провела она на мѣстѣ, бывшемъ свидѣтелемъ прежняго ея счастья, попомъ проспала съ нимъ навѣки и оправила въ свое отечество.

Душа наша наполняется какимъ-то особымъ чувствомъ унынія, когда мы, послѣ продолжительнаго отсуствія, возвращаемся въ мѣсто, гдѣ все опалось въ прежнемъ видѣ и только нѣтъ людей, съ которыми

привыкли имъ житьъ память. Кажется, сердце наше перелетъ ихъ снова; еще разъ раскрывается рана, едва только поджившая. Такъ и Розаура чувствовала вновь всѣ бѣдствія, ее постигшія, всѣ спраданія, ею претерпѣнныя. Со слезами глубокой скорби упала она на грудь своего дяди, на грудь Гершруды. — „Ахъ!“ воскликнула она: „его уже нѣтъ больше! того, кто сославлялъ все мое счастье!“

Прошли дни, недѣли, прежде, нежели утихнула буря въ душѣ ея. Ни одна чуждая нога не смѣла съ сихъ поръ коснуться помоста церкви въ дѣсу; она сдѣлалась мирнымъ святилищемъ Розауры: каждое мѣсто возбуждало въ ней сердечныя воспоминанія. Здѣсь часто съ душевнымъ умиленіемъ возносила она къ небу мольбы о спасеніи души своего любезнаго, здѣсь молилась за отца, мать, дядю; наконецъ просила Вышняго о ниспосланіи счастья на ея сына, который, возмужавъ, сражался за свое отечество и храбростію, приобрѣлъ вѣнецъ лавровый, почтно также, какъ въ послѣдствіи вѣрною любовію сикалъ добрую жену, и

здѣсь покоится она, крошечная спрадалица, благородная дочь, вѣрная супруга, нѣжная мать, здѣсь покоится она до той минуты, когда воззовешь ее къ Себѣ Господь, когда

насладився она счастьемъ свиданія,
когда получишь награду достойнѣй-
шую — вѣчное блаженство.

Ал.

И.

К Р И Т И К А

РАЗСМОТРѢНІЕ КНИГИ: Опытъ Науки Изящна-
го, начертанный А. Галичемъ.

Продолженіе статьи 1-й.

Въ прешьемъ оцѣвленіи сей I-й части,
Сочинитель разсматриваетъ Изящное въ
разнообразныхъ его явленіяхъ или въ об-
щихъ отношеніяхъ его къ чувствен-
ному міру. „Изящное,“ говоритъ онъ: въ
„значеніи *опредѣленнаго идеала* подчи-
„няется формамъ и законамъ чувственно-
„сти. Формы всякаго явленія суть *простран-*
„ство (или *мѣсто*) и *время*, а законы:
„разнообразіе, соразмѣрность и соединеніе
„въ одинъ составъ. . . . . Сіе являющееся Изящ-
„ное, въ сравненіи съ безусловною его идеей,
„есть *относительное*, и для различія опъ
„последней, можешь приличнѣе носить
„на себя названіе *Прекраснаго*, содержась къ

„ней (идея Изящнаго) почто шакъ, какъ цвѣ-
 „шны или краски содержатся къ числному,
 „ясному, ничѣмъ не возмущаемому свѣшу.“
 Сія посылка, мнѣ кажется, не вѣрна: Сочини-
 нитель, какъ мы видѣли выше, самъ сказалъ,
 что законы прекраснаго суть: разнообразіе,
 соразмѣрность и соединеніе въ одинъ
 составъ; а цвѣша или краски, взяшыя опдѣ-
 лѣльно, составляютъ часть или особенную
 игру свѣша. Слѣдовательно, сравненіе цвѣ-
 лаго, предполагающаго особое совершенство
 въ выборѣ и совокупленіи составныхъ ча-
 стей или качествъ, съ частями опдѣль-
 ными не представляетъ того прочнаго сход-
 ства, о которомъ говоришь Сочинитель.
 „Прекрасное имѣешь свою противополож-
 ность въ *Дурномъ*, которое снѣсняешь
 „1) либо самую идею, ш. е. задачу, либо
 „2) выраженіе, явля въ семь случаевъ моно-
 „тонію, произвольную разнородность въ ча-
 „стяхъ и отсутствіе органическаго един-
 „ства, либо 3) посмѣвается всѣмъ симъ за-
 „конамъ, а въ швореніи рукъ человѣческихъ
 „еще и механизму особенныхъ Искусствъ.“
 Здѣсь замѣчается неясность въ выраженіи:
 неужели Сочинитель смѣшалъ *монотонію*
 съ произвольною разнородностію въ частяхъ?
 Эпо, кажется, бышь не можешь: ибо моно-
 тонія есть, въ собственномъ смыслѣ, *одно-*

звучіе, а приймаєшся иногда въ Искусствахъ, какъ понятіе о скучномъ однообразіи. „Кра-
 „соша, въ явленіи, зміняється: 1) по разли-
 „чію складаючихъ ее частей и неровно-
 „му ихъ смѣшенію; 2) по историческому
 „различію генія народовъ, времянь и лицъ,
 „или по духу ихъ образованія; и 3) по разли-
 „чію населяемыхъ ею областей.“

Вошъ, какимъ образомъ Г. Сочинитель
 объясняєть *разности Прекраснаго, каса-*
тельно составныхъ его частей (Ошд. III.
 гл. 1.): „Истинное, доброе и пріятное, какъ
 „составныя части Изыщнаго, дають въ явле-
 „ніи: а) *красоту умозрительную*, гдѣ пре-
 „имущественно удовлетворяются *интересы*
 „*разумнія*, ошыскивающаго первоначальную,
 „божественную сущность вещей со стороны
 „вѣчнаго, безпредѣльнаго ихъ бытія; б) *кра-*
 „*соту нравственную*, въ коей преобладаетъ
 „интересъ неограниченной дѣятельности
 „свободныхъ силъ подвижающагося человѣче-
 „ства; в) *красоту чувственную*, которая
 „плываєть опосредственною гармоніей между
 „наружною (°) удобообъявительною формою и

(*) Должно *наружною*: это не опечатка: въ Опытѣ Науки Изыщнаго Г. Галича, вездѣ на-
 ходимъ *наружній, наружня, наружне*. На такую
 перемѣну окончанія нельзя пріискашь никакого

„внутреннюю значительностью существа.
 „Перваго рода красота есть *высокая*, второ-
 „раго *доблестная*, третьяго *игривая* или
 „*прелестная*.“ Тъ же слова, и въ тѣхъ же
 значеніяхъ: высокое, доброе и прекрасное,
 подведены здѣсь подъ формы красоты, и
 объяснены довольно непонятнымъ образомъ.
 Что значашь выраженія: *удовлетворяются*
интересы разумныя, преобладаетъ инте-
ресъ неограниченной дѣятельности и гар-
 монія между формой и *внутреннюю значи-*
тельностью существа? По всему видно,
 что мысль Сочинителя кружилась около
 занимавшаго ее предмета и способа выра-
 зить оный, но не нашла надлежащей середины.
 Повторимъ, что для изложенія какой бы
 то ни было Науки, пребудешся ясность и
 определенность; безъ нихъ будешь не тео-
 рія, а загадки сфинксовы.

„*Высокая, возвышенная* красота, являя
 „безсиліе чувственнаго созерцанія, являетъ
 „могущество разума и, смиряя первое, *вос-*
 „*хищаетъ* послѣдній до идей безконечнаго
 „*прощаженія*, безконечной движущей силы и

правила; следовательно, она вовсе бесполезна,
 и въ такомъ случаѣ должно руководствоваться
 употребленіемъ. Иначе всякій по своей волѣ
 будешь писашь: *надежный, важная, должное* и п. п.

„Длишельности, которыя исполняютъ не-
 „запнаго изумленія и поражаютъ однимъ ви-
 „домъ неизмѣримости предметовъ, предша-
 „вляющихся *больше въ простомъ едино-*
 „*образіи таинственной своей сущности,*
 „нежели въ разнovidной игрѣ явленій.“ То
 ешь, другими словами, что, кажешся, должно
 значить, что Высокое поражаетъ насъ не
 разнообразіемъ составныхъ частей или явле-
 ній, а малосложностію, простотою и огром-
 ностію, или неизмѣримостію оныхъ. „Есан
 „въ кругу выпрненной красоты встрѣчаемъ
 „съ одной стороны *чудесное*, возносящее
 „насъ надъ скучнымъ механизмомъ естествен-
 „наго устройства къ сверхъ-чувственному,
 „безусловному порядку вещей, съ другой ко-
 „*лосальное*, превосходящее обыкновенную
 „ихъ мѣру, и если *торжественное* ихъ по-
 „явленіе, тамъ и здѣсь, пробуждаетъ въ душѣ
 „великія надежды и располагаетъ къ благо-
 „говѣйнымъ помысламъ; но подобныя *виды*
 „Высокаго весьма натуральны тамъ, гдѣ ра-
 „зумъ не дозволяетъ ограничивать себя въ
 „созерцаніи первоначальной полноты бытія
 „и *предчувствуетъ близость божественна-*
 „*го.*“ — Deus! ecce Deus! сказано здѣсь, какъ
 съ шреножника Сивиллина, и припомъ съ
 шакою жъ ясностію, какая господствовала
 и въ ошвѣцахъ гадательницъ. Не знаю,

шакъ ли сіи послѣдніе были многорѣчивы и распянушы. Трудно въ семь наборъ словъ, добравшись до настоящаго смысла; и попому, почини на удачу, рѣшаюсь угадывать оный. Кажется, Сочинишель хотѣлъ сказать, что чудесное, ш. е. выходящее изъ обыкновеннаго порядка вещей, и колоссальное, ш. е. огромное, превосходящее обыкновенную ихъ мѣру, въ совокупленіи своемъ возносящъ духъ нашъ до созерцанія Божества. Точно ли я понялъ мысль Г. Сочинишеля? — не берусь утверждать навѣрное.

„Доблестная красота, являя не только безсиліе и ограниченія чувственной природы, но и дѣйствительные недоспашки оной и спраданія, даешь въ живої картинѣ видѣшь не всецѣлость бытія, а нравственную силу души, спасающей самостоятельность своей свободы въ бореніи геройскихъ помысловъ съ искушеніями и навѣшаніи физическаго могущества.“ Спранная логика! какъ будто безсиліе и ограниченія чувственной природы не суть дѣйствительные недоспашки. Не понимаю шакже, къ чему здѣсь пришито вѣторое отрицательное предложеніе, *не всецѣлость бытія*? Такимъ образомъ можно бѣ было сдѣлать опредѣленіе: море наполнено не сушею, а водою. Конецъ

сего опредѣленія и многословенъ; и штемень;
 а *Физическое могущество*—весьма непочное
 выраженіе. „Выспреннее и Доблестное со-
 „стояшъ въ противорѣчїи какъ другъ съ дру-
 „гомъ, такъ равно и съ чувствивенностію, ко-
 „шорую закрываютъ идеальнымъ своимъ ха-
 „рактеромъ.“ Не худо бѣ было объяснить это
 най примѣромъ, или доказательствами, а не
 просимъ, такъ сказать, намъкомъ. Безъ
 иного конечно немногіе повѣрятъ, чтобы
 Высокое и Доброе противорѣчили другъ дру-
 гу. Многіе также, вѣроятно, спросятъ у Г.
 Сочинителя объясненія, какимъ образомъ
 Высокое и Доброе *закрываютъ* чувствен-
 ность *идеальнымъ своимъ характеромъ*?
 „*Красота и гривая*, какъ относительное рав-
 „новѣсіе предъидущихъ, раскрывается въ лег-
 „кихъ и стройныхъ, но по себѣ значитель-
 „ныхъ формахъ видимаго шворенія со всеми
 „очарованіями *натуральной его жизни*; раз-
 „мьренныхъ очертаній и плавныхъ движе-
 „ній, и для того, не поражая и не волнуя
 „души никакими сильными спрастями, вле-
 „кущими къ чему либо отдаленному, чуждо-
 „му, питаешь въ ней чистѣйшее чувство
 „*земнаго блаженства*.“ Какъ должно знать,
 природу и душу человека, когда принимаешь-
 ся писать о дѣйствїи первой изъ нихъ на
 шпорую! какъ должно быть осторожну въ

способъ изъясненія, говоря о сихъ предметахъ! Не входя въ подробное разсмотрѣніе сказаннаго здѣсь *о красотѣ игривой*, замѣтимъ только, что самое названіе, которое Сочинитель даетъ здѣсь *красотѣ*, освобождаетъ ее отъ условія *плавныхъ движеній*, которому Сочинитель ее подвергаетъ. Движенія живыя, быстрыя, иногда даже смѣлыя, составляютъ прелесть красоты, въ собственномъ смыслѣ *игривой*: одно только условіе — чтобы сіи движенія одушевлялись пріятностію и ловкостью, и не были слишкомъ рѣзки. Сочинитель конечно не спанетъ спорить въ томъ, что *восторгъ* есть самое сильное возбужденіе, самая сильная *страсть* души; а что удобнѣе можетъ возбуждать сей восторгъ, какъ не *красота игривая*? *Отдаленное и чуждое*, о которомъ здѣсь упоминаетъ Сочинитель, вовсе не чуждо для души: ибо цѣль духовнаго ея стремленія, даже и въ земной жизни, всегда составляетъ *Высокое и Доброе*; и въ семь состояніи, ощущенія ея гораздо торжественнѣе, но тише и спокойнѣе, нежели въ чувствованіяхъ земнаго блаженства, ибо тогда порывы страстей плесныхъ не вмѣшиваются въ ея наслажденія. „Игривая красота *миловидна*, когда сочетавается съ мелкими (?) *формами рацѣвѣтающей жизни* и *простосердечія*, когда обнаруживаетъ

„натуральныя чувствованія и мысли невинной, доврчивой и доброхошной души . . .“ Французское слово *le naïf*, въ подражаніе кошорому сего рода красота здѣсь названа *простосердечною*, заключаешь въ себѣ понятіе о невинности и чистотѣ безусловной; слово *простосердечная* сего не выражаетъ.

„...Есть случаи, въ которыхъ и по себѣ Низкое, Немошное и Дурное можешь еще нравиться образованному чувству, а именно тамъ, гдѣ оно либо представляется безвреднымъ, либо не знаешь ничего о себѣ, — даже считаешь себя за прошивное, либо, наконецъ, гдѣ поражаетъ насъ великостію въ другихъ отношеніяхъ.“ Въ семъ послѣднемъ случаѣ, мы совершенно отдѣляемъ недоспашки природы видимой, физической, отъ совершенствъ природы духовной, нравственной, занимаемся исключительно сими послѣдними, и такъ сказать, вовсе не замѣчаемъ первыхъ: посему они, какъ будто для насъ не существуютъ. — Вообще же низкое, немошное (или безсильное) и дурное не *нравится* образованному чувству, а забавляетъ и занимаетъ его именно своими недоспашками и сравненіемъ, которое мы внутренне отдѣляемъ между имъ и совершенствами противоположными. „*Смѣшное*, основываясь не на гармоніи явленій, а на разстройствѣ

„оныхъ, т. е. на несовершенствахъ, и прибо-
 дя одну чувствительность въ прямое раздраже-
 ніе, само по себѣ не имѣетъ эстетическаго
 достоинства, а получаетъ оное отъ ис-
 кусственного изображенія. . . . Сія коми-
 ческая красота, принадлежащая только ис-
 кусству, состоящая болѣе въ формѣ изобра-
 женія, нежели въ матеріи, и преимущест-
 венно удовлетворяющая требованія чувст-
 венной природы, есть производная. . . .“ Смѣш-
 ное въ Искусствахъ, есть подражаніе тѣмъ
 отступленіямъ отъ идеала прекраснаго и
 совершеннаго, которыя замѣчены въ самой
 природѣ: если бы въ ней не встрѣчалось
 иногда сихъ отступленій, то конечно бы
 смѣшное не существовало въ произведеніяхъ
 человѣческихъ. Но посмотримъ далѣе. „И для
 „того (комическая красота) направляется
 „по разностямъ прямой, превращая либо
 „стройныя формы природы, либо произве-
 „денія доблестныхъ усилій человѣческаго
 „духа, либо даже весь великолѣпный поря-
 „докъ конечныхъ вещей въ міръ. Первое есть
 „дѣло Гротеска, второе Пародіи, третье
 „Юморизма.“ Выше я сказала, что смѣшное
 (по крайней мѣрѣ, по человѣческому поня-
 тію) существовало въ Природѣ, и въ подра-
 жаніе оной, перешло въ Искусства: это дол-
 жно разумѣть не объ одной природѣ естестве-

ской, но и объ нравственной. Притѣрь дѣ-
 тѣ сіе докажешь. Пока Живопись, Ваяніе и
 Музыка еще не были изобрѣшены, уродли-
 вость въ лицахъ и пѣлахъ и оштрашенель-
 ные звуки и крики уже существовали; урод-
 ливость нравственная (т. е. глупость и
 безуміе) также существовала до порывовъ
 Поэзіи и до правилъ Краснорѣчія. Часто,
 какъ и теперь мы видимъ, уродливость фи-
 зическая живешь въ совокупности съ урод-
 ливостію нравственною: таковы, напр.,
 крепнины и другіе уроды-безумцы. Слѣдова-
 тельно Гротескъ, Пародія и Юморизмъ при-
 няли источникъ свой ошъ природы физиче-
 ской, нравственной и смѣшенной, а не были
 собственнымъ изобрѣщеніемъ ума человѣче-
 ского, который подвелъ только ихъ подъ
 идеалы, равно какъ высокое, доброе и пре-
 красное.

„Гротескъ... посмѣвается въ сво-
 „ихъ арабескахъ какъ бы педантизму са-
 „мой природы, коей установленныя формы
 „тварей кажутся ему еще слишкомъ однооб-
 „разными... Пародія — усмрмляющая про-
 „шивъ всякихъ явленій умственной и свобод-
 „ной дѣятельности, которая умвѣтъ, со
 „стороны внутренняго существа, находить
 „ограниченными, малыми, нелпыми, или, по
 „крайней мѣрѣ со стороны формы, недостой-

ными предмета. „Сочинитель, относя карикатуры къ разряду пародій, называетъ ихъ странными или смѣшными идеалами искаженій духовной жизни. Каррикашуры болѣе изображаютъ природу вещественную, опыскивая физическія сходства тварей съ качествами человѣка посредствомъ формъ подражательныхъ; а гдѣ идешь дѣло о формахъ наружныхъ, тамъ искажается не духовная, а тѣлесная жизнь творенія. „Юморизмъ... комическимъ взглядомъ объемлешь „и природу и человѣчество и даже самого „себя, ш. е. всю вселенную“ (?). „Для юмориста весь свѣтъ есть позорище обаяній, „кошорья онъ однако, по высокости своихъ „помысловъ и добродушію, находить не столько „смѣшными, сколько жалкими и прогашельными. Естественное слѣдствіе такого „расположенія духа есть горькая улыбка... „Юмористъ разрушаетъ *вокругъ себя* очарованіе земнаго величія, находя для себя блаженство въ одной безпечности и независимости своего генія.“ Англійское слово *humour*, отъ коего произведено здѣсь родовое названіе *Юморизмъ*, означаетъ приливъ веселости, въ кошоромъ человѣкъ находить все смѣшнымъ или забавнымъ. Въ такомъ расположеніи духа, шупки, возбуждающія не горькую улыбку, но непри-

творный смѣхъ, льющся въ рѣчахъ или изъ подъ пера юмориста: здѣсь побудительныя причины не *добродушіе* и не *высокость помысловъ*, а просто — охота посмѣяться надъ свѣпомъ и дѣлами человѣческими. Не знаю, откуда Г. Сочинитель *Опыта Науки Изящнаго* взялъ такое опредѣленіе Юморизма.

Въ главѣ *о разностихъ Прекраснаго, происходящихъ въ Исторіи стѣ духа народнаго образованія*, Сочинитель хотѣлъ показашъ различіе духа древнихъ и новѣйшихъ народовъ, въ отношеніи къ пояшю объ Изящномъ. Здѣсь, къ сожалѣнію, ша же плодовишность въ словахъ зашемяетъ смыслъ: Сочинитель спарался все высказашъ и мѣстами же досказалъ нужнаго. Напримѣръ, въ §. 51. онъ говоритъ: „А какъ раскрывающееся со-
„знаніе духа въ юности народовъ ощущаешь,
„видишь и представляешь себѣ Божествен-
„ный самообразъ (*) Изящнаго, а слѣдова-
„тельно и всего Истиннаго и Добраго, спер-
„ва въ самой внѣшней природѣ и въ нераз-
„рывной связи съ нею, а въ послѣдствіи вре-
„мени внѣ природы и отъ ней отдѣльно; по-
„сей необходимый ходъ развитія *оттѣляется*

(*) Самообразъ или первообразъ — шакъ Г. Сочинитель называетъ иногда *идеаль*. Ни шо, ни другое названіе не выражаетъ сего значенія.

„и Прекрасное древняго міра' существеннымъ,
 „характеромъ *ощутительнаго, пластичес-*
 „каго, *простодушнаго, а Прекрасное новыхъ*
 „*временъ — характеромъ романтическаго.*“
 О семь различіи говорили уже до него многіе
 знаменитыя Писатели, и большая часть изъ
 нихъ, различающа живніями въ подробностяхъ,
 соглашались въ главномъ, ш. е., что поня-
 ція Древнихъ объ Изящномъ основывались
 на природу чувственной, а понятія новѣй-
 шихъ — переносили ихъ въ міръ духовный,
 постигаемый, или правильнѣе, создаваемый
 только воображеніемъ. „Далѣе — если оч-
 „щенное отъ грубой примѣси состояніе дѣй-
 „ствительныхъ вещей и естественныхъ яв-
 „леній даетъ идеалы пластическому искус-
 „ству Древнихъ; то для него все *настоящее*
 „есть благо, есть исполненіе, и составляетъ
 „цѣль жизни, въ которой легко *успокоива-*
 „*ются* желанія, ограниченныя минутными
 „наслажденіями и не простираемыя въ ошда-
 „ленную *будущность*. Совсѣмъ иначе бываешь
 „при высшемъ художественномъ образованіи
 „новоЕвропейскаго духа, который не прильп-
 „ляется къ *тщетъ* земнаго бытія и скоро-
 „печныхъ радостей, а усpreмляется нравств-
 „венные свои помыслы и желанія къ беспре-
 „дѣльной и вѣчной существенности, будучи
 „оживляемъ *надеждой*, которая слѣдуетъ къ

„чему изъ *небѣдомаго* края, — волшебницей —
 „*душой*, которая безмолвно *увлекаетъ* его,
 „за собою въ *минувшее*, и *предчувствіемъ*,
 „которое понятно говорить о *небесномъ*, о
 „*святомъ*, и, подьема *покрывало*, манить
 „его въ *далекое*. . . (*). Наконецъ въ класси-
 „ческомъ стилѣ преобладаетъ мужесшвенный
 „характеръ силы, строгой правильности и
 „благородной простоты, въ новомъ Европей-
 „скомъ — женскій характеръ мечтательной
 „любви и изъной чувствительности, кото-
 „рая удобно прогаеетъ *многообразнѣйши-*
 „*ми*, случайными впечатлѣніями и побу-
 „ждаетъ Художника *вездѣ изливать* свою
 „*душу*.“

(Продолженіе впрѣдъ.)

(*) *Таинственный посылитель*, Стихи В. А. Жу-
 ковскаго.

III.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

I.

Взглядъ на военное состояніе Турецкой
Имперіи.

„Sous un roi, sous un dieu, je viens la reunir ;
„Et, pour la rendre illustre, il la faut asservir.“
Mahomet.

Долгое время Восточная Имперія, озаренная славою минувшихъ дней, боролась съ сосѣдними своими врагами, кон, увлекалась безпокойнымъ воинскимъ духомъ и алчно-стью къ грабежамъ, еще въ царствованіе Алексѣя I (1081), въ видѣ грозной пучи явились предъ Византіею. Двадцать различныхъ народовъ ополчились на Имперію, и счастье, превратно служившее Грекамъ, оставило ихъ знамена. Изъ ущелій Алтайскихъ горъ, пришли грозныя орды Турокъ, въ VI вѣкѣ изгнали Аваровъ изъ опечесства своего и, завоевавъ многіе народы, на развалинахъ Аравійскаго Царства основали свое величіе; ихъ нашествіе привело въ движеніе весь Западъ Европы; болѣе 200 лѣтъ они сражались съ войнами Крестоносцами, удерживали владычество свое въ Палестинѣ, и наконецъ оружіемъ Магомета II (1453) сокрушенъ былъ

престолъ Греческихъ Императоровъ. Съ сего времени возникло на Востоку сильное Государство; между Христианскими племенами поселились послѣдователи ученія Магомета, который въ VII столѣтіи, поработая большую часть древняго міра Исламу, оставилъ завѣщъ съ жизнію своею, обращая народы посредствомъ Алкорана и меча. Сіи дикіе завоеватели одержали верхъ надъ народами просвѣщенными, и въ политическомъ отношеніи Европейскихъ Государствъ, едва ли они составляютъ народъ, но войско, швердо расположенное въ Европѣ, коему жезвѣштво воспретящивуешь соединиться съ народами, ими побѣжденными. Они суть всѣ Янычары, всѣ включены въ составъ всеобщаго ополченія, всѣ готовы выступить и слѣдовать по повелѣнію своихъ предводителей. Истинные обитатели Турціи суть Греки и Болгары, кои работаютъ, занимающа земледѣліемъ и имѣющъ свои поселенія. Турки суть въ Европѣ иноплеменные солдаты, содержащіе ихъ подъ военнымъ управленіемъ, равномерно какъ некогда Мамелюки, извѣстные своимъ мужествомъ, угнетали Египтянъ. Таковыя вооруженные люди представляя смѣсь воинскихъ добродѣтелей и пороковъ въ высочайшей степени, необразованность въ военномъ дѣлѣ и осла-

являющій фанатизмъ, совершенно въ многихъ видахъ представляющъ образъ войны, не менѣе опасный и требующій большой предусмотрительности. Они не могутъ быть покорены, какъ другіе Государства; ибо войска не покоряются: но побѣдить и изгнать Турокъ всегда можно изъ Европы.

Въ просвѣщенныхъ Державахъ, Военное Искусство почти вездѣ одинаково: если и существуетъ между ними какое либо различіе: то оно, по своей маловажности, не даетъ рѣшительнаго преимущества однимъ предъ другими, и всякое новое изобрѣшеніе имѣетъ вездѣ своихъ подражателей. У Турокъ, напрошивъ того, воинскія учрежденія имѣютъ свою оригинальность, въ каки упрежденную; они весьма мало заимствовали отъ Европейцевъ, и не смотря на многія усилія Султановъ, мало успѣли въ усовершенствованіи своей шакшики: ибо при всякомъ нововведеніи, Янычары готовы возмутиться. Можешь быть, примѣръ Египетскаго Паши, Могамеша Али, въ образованіи своихъ войскъ по вліянію Французовъ, надъ ними подвѣсивуешь, хотя, впрочемъ, предрасудки у непросвѣщенныхъ людей всегда сильно вкоренены, противъ коихъ трудно и опасно вооружаться и, можешь быть, самая полишка Сарая требуетъ поддержанія сихъ предрас-

будковъ: на нихъ утверждены власти, воинскій духъ и характеръ Турокъ, кои, въ началѣ XVII вѣка, въ числѣ 200,000 человекъ, осаждали Вѣну и были опасными завоевателями въ Европѣ.

Исторія объ устройствѣ военныхъ силъ въ Азій, вообще покрыта мракомъ неизвѣстности. До паденія Имперіи Халифовъ, нѣтъ основательнаго свѣдѣнія о воинскихъ учрежденіяхъ Арабовъ, Мавровъ и всѣхъ народовъ, явившихся на сценѣ послѣ набѣговъ Гуновъ въ V вѣкѣ. Лангле, описавшій жизнь Тамерлана, объясняетъ военную Исторію Татаръ Монгольскихъ, завоевавшихъ половину извѣстнаго міра и непрестанно бывшихъ въ войнѣ съ Турками. Касательно же Опшомана, въ позднѣйшія времена Марсиаи, Бусбекъ, Робертсонъ и другіе новѣйшіе Писатели сообщали любопытныя разсужденія о воинскихъ ихъ пошановленіяхъ, кои донынѣ оплачуются, бѣльшею частію, незачинностью.

Воинскія силы у Турокъ состоятъ изъ сухопутныхъ и морскихъ: изъ нихъ первыя были усовершенствованы Амурашомъ, котораго, во время своихъ набѣговъ на Европу, взялъ въ плѣнъ великое множество людей всякаго возраста, а особенно младенцевъ. Военное правленіе имѣло подеченіе о воспи-

шанимъ сихъ послѣднихъ, и сослѣвило изъ нихъ корпусъ пѣхоты, подъ названіемъ *Янычаръ*. Начальникъ оныхъ Аджи-Бикпашъ, о коемъ они и нынѣ съ благоговѣніемъ на мѣлищахъ, воспоминають какъ оубъ основателемъ своемъ, пріучалъ ихъ въ юности умерщвлять Христіанъ и шѣмъ ихъ сдѣлалъ къ нимъ свирѣпыми и несострадательными. Морская же сила, взявшая верхъ въ XVI вѣкѣ надъ Венеціанами и Генуэзцами, была заведена Магомешомъ II (*). Пуши, по коимъ до шого ве-

---

(*) Первые суда Турки купили у Христіанъ для переправы изъ Азіи въ Европу. Магомешъ II положилъ основаніе флоту, который Селимъ усовершенствовалъ, построилъ 500 судовъ и учредилъ корабельныя верфи и арсеналы, для коихъ преимущественно была избрана Галаша. Морскую силу Турокъ должно разсматривать въ двухъ отношеніяхъ: 1) *Суда*, кои раздѣляются на суда съ парусами и веслами (гребная флотилия) и суда съ одними парусами. Одни изъ нихъ содержатся на счетъ Султанской казны, другія на счетъ провинцій, сопредѣльныхъ къ приморскимъ берегамъ Имперіи, или вооружены Княжествами, платящими дань Портѣ. 2) *Морская прислуга*, которая составляетъ особенное войско. Морскіе служители сушь: 1) *леванты*, подчиненные морскому Пашѣ, и караулящіе суда; 2) *менсугамы*, охраняющіе приморскіе берега; каждый изъ нихъ, вмѣсто себя, можетъ безъ опасенія

ли торговлю Европейцы съ Востокомъ, бы-
ли преграждены, и сіе заставило Европей-
цевъ искать другаго пути въ Восточную
Азію — около мыса Доброй Надежды. Та-
ковы слѣды военнаго сущестованія Ту-
рокъ въ Европѣ. Турецкая пѣхота раздѣ-
ляется на *капикюловъ* и *серратюловъ*. Первая
изъ нихъ почитается почешнѣйшею, соста-
вляется спражу при Султанскихъ воро-
пахъ (*) и до временъ Солимановыхъ, была
на собственномъ Султанскомъ иждивеніи (**).

посылашь на службу другаго; 3) *матросы* упра-
вляющіе парусами и снастями; 4) *гребцы*, со-
стоящіе изъ Христіанъ, осужденныхъ Турками
на капоржную работу; и 5) *мастеровые люди* для
починки и исправленія, за исключеніемъ пѣхъ,
кои работающъ въ арсеналѣ, и называющъ
Азаппы, кои по словамъ Марсильи, въ 1731 году
составляли 150 ротъ, въ коихъ самыя молодые
люди шеноретически обучались всему, относя-
щемуся до Морскаго Искусства. Нынѣ Турки за-
имствовали отъ Англичанъ въ усовершенствованіи
флота, и имѣющъ, такъ какъ и въ прочихъ
родахъ службы, много Европейскихъ офицеровъ.
Примѣръ Египетскаго Намѣстника, конечно, въ
скоромъ времени надъ Поршою подѣйствуешь.

(*) Капи значить ворота.

(**) Въ его время она лишилась многихъ правъ.
Ага былъ назначенъ Визиремъ, что прежде за-
висѣло только отъ Султана. По смерти сего

Въ сіе названіе включаются также Се-
раальскіе люди: Капиджи, Босшанджи и др. ;
кои вздѣтъ въ походъ за Султаномъ. Войско
капидуловъ раздѣляются на *Янычаръ*, на
Аджемоглановъ или *новыхъ Янычаръ*, *То-
пеевъ* или *пушкарей*, *Джебеджы* или ру-
жейныхъ мастеровъ, и *сакка* или водонос-
цевъ, кои составляютъ послѣдній родъ сол-
датъ; воду они возятъ въ кожаныхъ мѣхахъ
на крестьянскихъ лошадяхъ, не только для
пищи, но и для умовенія предъ молитвою,
по Турецкому обычаю. Они служатъ для
прислуги прочимъ солдатамъ и офицерамъ,
подчинены командиру ротою, находящейся
въ презрѣннѣи, неопряжны, и носятъ кожанное
плащѣ.

Чтобы утвердить Янычарское войско
въ порядкѣ и сдѣлать оное способнымъ къ
воинскимъ предпріятіямъ, Амуратъ поста-
новилъ слѣдующія правила, кои съ нѣкото-
рыми ошмѣненіями и нынѣ существуютъ:

1) Служатъ офицеровъ и главныхъ, хо-
тя бы они были и изъ невольниковъ. 2) Все
должны состоятъ въ одномъ корпусѣ и
жизнь на одномъ мѣстѣ совокупно. 3) Не

Государя, войско сіе было умножено и отдѣлено
нѣкоторыя перемѣны во внутреннемъ управле-
ніи его.

имѣть имъ ничего излишняго, которое привлекало бы ихъ къ роскоши. 4) Подвергать за преступленія смертной казни. 5) Касательно моливъ, исполнять съ послушаніемъ все, приказанное Аджибиктасомъ. 6) Никого не принимать въ ихъ корпусъ, какъ только изъ Версемееъ, (плавающихъ подашъ), или изъ бывшихъ Аджемоглановъ.

Роты ихъ называются *одами*, т. е. казармами, гдѣ они вѣдуть и живутъ вмѣстѣ. Казармы сіи имѣютъ разныя удобства для покойной жизни, и сіе наблюдаютъ они и походомъ, употребляя большія круглыя палатки.

Янычарскія оды составляютъ три корпуса: *Ябеевъ*, имѣющихъ привилегіи берегашъ пограничныя мѣста и города; — офицеры ихъ пользуются правомъ вѣдуть на лошадяхъ предъ Генералами, что запрещено офицерамъ другихъ разрядовъ; *Болуновъ* и *Сейменовъ*, въ коихъ всѣ чины имѣютъ меньше привилегій. Ошборнѣйшіе изъ всѣхъ Янычаръ *Кориджи*, охраняютъ Императорскія резиденціи, Константинополь, Адрианополь и Брусу. *Отурани* уволены отъ дѣйствительной службы, но получаютъ плату, и *Фодлакораны* (хазбовды), только за службу ошцевъ имѣютъ отъ Султана небольшую плату. Всѣ они подчинены главнымъ Начальни-

камъ и офицерамъ, командующимъ одами. Янычары соспавляють также придворный шпашъ, почему оды имѣють различное названіе. Напримеръ, по словамъ Марсельи, каждая рота *Загарджи*, состоящая изъ 600 человекъ должна сперечь — ловчихъ собакъ Султанскихъ; и хопя Капишанъ оной, не имѣеть другаго дѣла, однако жъ онъ не въ маломъ почтеніи, вбо имѣеть шакой чинъ, что всегда можеть находишься при лицѣ Султанскомъ и скорве произойти, нежели прочіе, въ чинъ *Кіалбел* (спрешій главный начальникъ въ войскѣ). Подобнымъ образомъ и другія оды имѣють названіе и свою спепень: почешнѣ изъ всѣхъ одъ сушь *Дебеджы*, потому что ихъ Капишаны занимають мѣсто Губернаторовъ въ шѣхъ городахъ, гдѣ находясь гарнизоны и *Канеджилары*, гдѣ на счепъ Правительсва, молодые Янычары обучаються дѣйствию оружія и службы.

Узы военнаго порядка не основаны на испинныхъ законахъ. Янычары всегда почишали спрашнымъ совершеное подчиненіе своимъ офицерамъ, и сіе служило поводомъ къ часпымъ возмущеніямъ, шѣмъ болѣе, что офицеры недовольно уважены Визиремъ. *Янычаръ-Агаси* или *Ага* еспъ верховный глава надъ Янычарскимъ войскомъ: обязанностью спспавляется, чтообы на поклонъ къ нему

приходились все главные начальники, находящиеся в действительной службе, и паша, у коих опяшны мѣста. Самъ Верховный Визирь, при посвященіи его, всшаешъ съ мѣста, и въ знакъ уваженія подчиваешъ шербежомъ, кофеемъ и благовонными яспвами. Ага можешъ даже своего невольника производить въ *Сейменъ-баши* и *Кіая-бен*, изъ коихъ первый, во время выступленія Аги, дѣлаешся Намѣспникомъ Конспаншинопольскимъ, прикладываешъ собственную печать къ указамъ, и командуешъ всеми *Сердерами* или Полковниками. Въ Аги Султанъ обыкновенно жалуешъ одного изъ невольниковъ своихъ, полагая, для своей безопасности имѣшь, въ немъ надежнаго чловѣка, и на немъ лежишь вся шягосшь военного правленія. По истинѣ власшь его опасна Султану, ибо, располагая гарнизонами на границѣ, онъ, подъ видомъ защищенія, можешъ привести къ бунту весь корпусъ, шѣмъ паче, что, управляя самовласшно, онъ учаешъ каждаго изъ подчиненныхъ опдѣлать опъ верховной власши своего Государя. *Янычаръ-Эфенди* ешъ судья надъ всей ропою. *Мусуръ Агаси* находится при Дворѣ Великаго Визиря, чшобъ просишь за Янычаръ; а *Кіая-еръ* служишь дворецкимъ при Агѣ. Вообще возвышеніе вѣчины, болъшею частію, основано на личныхъ

*

заслугахъ и на милости Визиря; простой воинъ можетъ надѣяться быть главнымъ начальникомъ, и сіе не мало усугубляетъ ихъ равность къ службѣ. Самые же начальники въ сраженіяхъ подають личный примѣръ храбрости, отъ чего зависитъ сохраненіе мѣста и почестей. Но притомъ имъ нужно снискивать благосклонность Визиря, ибо, при всѣхъ заслугахъ, ихъ участь отъ него совершенно зависитъ. Сіе заставляетъ Турокъ быть разбѣспшующими, въ одно время гордыми и низкими, коварными, мстительными и скрытными въ поступкахъ и намѣреніяхъ своихъ.

Лучшихъ Янычаръ, какъ надежное войско, изъ Константинополя отправляютъ для гарнизона въ пограничные города, въ вѣрности коихъ сомнѣваются. Хотя во время осады, они не служатъ къ защищенію, но наблюдаютъ за поступками осажденныхъ войскъ и жителей, подчинены своимъ офицерамъ, обыкновенно пребывающимъ въ чинѣ Команданшовъ, подъ начальствомъ Пашы или Губернатора провинціи.

Великій Султанъ Амуратъ, желая на прочномъ основаніи учредить сіе войско, составилъ школу для новыхъ Янычаръ или *Аджемоглановъ*. Тяжкими трудами и работою укрѣпляютъ ихъ силу, нужную для во-

енныхъ занятій ; тамъ ихъ учатъ различныя мастерства и ремесла, наиболее соотвѣтствующія для военнаго званія, и употребляють ихъ на галерахъ для доспавленія матеріаловъ къ строенію серала и Судшанскихъ мечешей и въ корабельную верфь. Нерѣдко они посщупаютъ во флотъ на службу и, по воли Начальника, употребляютъ въ разныя должности : сядуя за Агою, носятъ палку, шо есть, дерево, въ коемъ крепятъ ноги тому, кого наказываютъ палками. Они раздѣляются на *Оттураковъ* и *Мутефарика-Агаси*, изъ коихъ начальникъ первыхъ, *Истамболъ-Агаси*, есть Константинопольскій Комендантъ, и снабжаетъ сераль покупными припасами, за исключеніемъ собираемыхъ подающею съ крестьянъ. *Топен* или *пушкарн*, сражающіеся въ полѣ подъ знаменемъ, на коемъ изображены пушка и ядро, имѣють обязанностью дѣйствовать и изгонять артиллерію ; они составляютъ претью часть пѣхотнаго корпуса, и раздѣлены также на оды и роты. Богатые запасы и арсеналы устроены въ разныхъ мѣстахъ Опидоманской Имперіи. Въ Турціи, порохъ и огнестрѣльное оружіе употребляются со времени Амурата и Магомета II, почтившаяся національнымъ изобрѣтеніемъ, и для дѣйствія

бомбами, имѣется особенный корпусъ *Ком-параджіевъ* или бомбардировъ. Артиллерія вообще у Турокъ въ большомъ уваженіи, хотя далеко отстала отъ совершенства Европейской. На всѣ издѣлія обращаютъ большое вниманіе, такъ, что не иначе расплавляется металлъ для литья орудій, какъ въ присутствіи Визира и главныхъ Начальниковъ Порты: сіе, болѣею частію, происходитъ отъ недовѣрчивости въ характерѣ, внушенной самою слабостію Правленія.

Въ число *Топеевъ* включены минеры и инженеры и разные мастерскіе арсенальнаго, кузнечнаго, сполярнаго дѣла и пр. Изъ всѣхъ сихъ разрядовъ воиновъ, *Янычары* составляютъ самое почешное, ибо *Янычара* за пресупленіе не иначе предадутъ смертной казни, какъ по просьбѣ роши, выключивъ его изъ списка и разжаловавъ въ простое званіе: сей корпусъ почитаетъ, что онъ освобожденъ отъ безчестія казни (*).

(*) Первое наказаніе *Янычарамъ* есть арестъ; поварь, по приказанію *Лейтенанта*, сажаетъ виновнаго на поварню въ желѣза; тѣлесныя же наказанія дѣлаются по приказанію *Капидана*, и *Лейтенантъ* ихъ исполняетъ. Публичное наказаніе палками совершается послѣ вечерней молитвы, и двое шарыхъ *Янычаръ*, держа винова-

Недосташокъ Янычарскаго войска къ защищенію предѣловъ и пограничныхъ городовъ Имперіи, побудилъ къ соспавленію особеннаго корпуса пѣхоты, подъ названіемъ

пьянаго за ноги и голову, увѣщавающъ, чшобы не повредили ему соспавовъ и не сдѣлали его неспособнымъ къ пѣхотной службѣ. Наказаніе продолжается иногда нѣсколько дней сряду, ибо болѣе 80 ударовъ въ одинъ разъ не даюшъ. Въ Четверщокъ и первый день Рамазана, ихъ пошпа, они опъ сего освобождены.

Рамазанъ еспъ девятая луна, успановленъ въ память шого, чшо въ сію луну, по словамъ послѣдовашелей Лжепророка, алкоранъ данъ Магомешу съ неба. Опъ восхожденія до захожденія солнца, они ничего не ѣдашъ и съ женами не видяшся. Но послѣ сего времени до ушренной зари, пища и свиданіе разрѣшаюшся. Турки въ шеченіе Рамазана, не шолько не женяшся, но если поймаюшъ пьянаго, шо смершію казяшъ. По окончаніи сего пошпа, начинаешся праздникъ Магомешанскій *байрамъ*, какъ о семь пишешъ Тевенонъ.

Молишвы ежедневно опшправляюшъ въ лагерьѣ, за полчаса предъ захожденіемъ солнца. Начальники выходяшъ изъ палашокъ и, сидя на скамьѣ, читаюшъ молишвы, а окружныя войска повшоряюшъ: Алла (о Боже)! Сіе восклицаніе дѣлаюшъ при выспрѣлѣ изъ пушки и ружей; молишвы оканчиваюшся желаніемъ благополучія Сулшану, Верховщому Визирю и прочимъ военачальникамъ.

Серрашкуды, содержимыхъ на счетъ каждаго Беглербаша или Княжесива. Сей корпусъ, сославая вшорую амнiю ихотны, чтобы въ военное время подкрѣплять Капшкуды, содержишя для помощи Янычарамъ, и въ дваъ опредѣляющъ солдаты на порошнiя Янычарскiя мѣста; съ сими послѣдними ихъ часно смѣшивающъ, хоша они и не имѣющъ съ ними равныхъ преимуществъ и ушава. Серрашкуды не учреждены ошъ Государственнаго правленiя, но зависящъ ошъ Пашей провинцiй, кои вѣвряющъ ихъ по пристрастию своимъ любимцамъ или богатѣйшимъ людямъ, а сiя одни пользующешя почестями и наградами до ихъ норъ, пока самъ Начальникъ у Султана въ милости. Паша опредѣлена сими войскамъ, во время дѣйствительной службы, монешю шой области, гдѣ они находяшяся.

Сiя пѣхота также раздѣляется на пять частей, изъ коихъ: 1) *Авапы* сославаяющъ небольшiе корпуса, зависящiе одинъ ошъ другаго по раздѣленiю предѣловъ или округовъ Опшоманской Порты. Въ своихъ земляхъ состоящъ изъ степелькихъ одаъ, сколько дней въ недѣлѣ, и каждыиъ днемъ именующа. 2) *Исарелы* служатъ въ пограничныхъ городахъ, при артиллерiи, вмѣсто щопеевъ, или въ помощь онымъ, и раздѣляющя не по ро-

шамъ, но по пушкамъ, полагая по одному человеку къ малому орудію и по два къ большому. 3) *Сеймены* составлены во время нужды, изъ крещанъ, и находясь въ презрѣніи. Принимають въ сей опрѣдъ безъ разбора изъ Турокъ, Грековъ и Кашоалковъ, желающихъ освободиться отъ плашеа подашей. Ихъ называли также *Яя* (пѣшіе) и давали имъ, во время двѣнадцатилѣтней службы, умѣренную плату. Они раздѣляются на *Байтяковъ* (знамена), по же значенію чшо и оды. 4) *Лагуджы*, составленные изъ Армянъ, Грековъ и вообще Хрещанъ, суть *минеры*. 5) *Мусселимы* же суть Хрещане, даки неплащащіе и посылаемые, подъ надзоромъ избранныхъ Янычаръ, предъ авангардомъ, для исправленія дорогъ, мостовъ и переправъ по всему пушк оудованію арміи, почему ихъ называютъ *лопатниками*. Подобно саперамъ, вооружены они шопорами, кирками и пр. Ихъ употребляютъ иногда при артиллеріи и для веденія траншей, и за сіе получаютъ они большую плату, въ чемъ завидуютъ имъ Янычары, всегда сребролюбивые и необузданные воины. Надлежитъ при семъ замѣтить, что Хрещане, не взирая на ненависть, оказываемую къ нимъ Магометанами, у Турокъ преимущественно употребляются во флотѣ, артиллеріи и по другимъ частямъ, гдѣ наж-

болѣе нужно имѣть свѣдѣніе въ Математическихкихъ Наукахъ : въ насъ же дѣла, Турки малую имѣюшъ къ нимъ довѣренность. Противъ ихъ обыкновенія, при осадѣ Вѣны находилось много Христіанъ въ Турецкой пѣхотѣ; и даже составили изъ нихъ резервный корпусъ, который сильно сопрошлялся при Каммбергѣ.

(*Продолженіе впрѣдъ.*)

2.

ИСТОРИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ
ПРОИСШЕСТВІЙ 1825 ГОДА.

(*Продолженіе.*)

Америка. Изъ опчета Президента, сложившаго съ себя нынѣ сіе званіе, которымъ 7 Декабря 1824 года открыты были засѣданія Конгресса Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, явствуешь, что доходъ оныхъ снова превъшалъ расходъ шрема милліонами долларовъ, что Государственный долгъ, въ 1817 году еще составлявшій 123,401,965 долларовъ, простирается не болѣе, какъ на 79 милліоновъ, и сверхъ того имѣлся капиталъ, для погашенія долговъ, въ 10 милліоновъ долларовъ. Расходъ на армію про-

спирался только до 994,430, а на флотъ до 783,550 долларовъ; не смотря на то, послѣдній значительно увеличивается. Новые военные корабли суть мастерскія произведенія кораблестроительнаго искусства, и даже Англичанамъ служатъ образцами, и строящаяся въ огромнѣйшемъ размѣрѣ: недавно спущенъ въ Филадельфiи линейный корабль о 152 пушкахъ, который болѣе всѣхъ, доселѣ плававшихъ по морю, и фрегатъ о 76 пушкахъ; вскорѣ будешь изготовленъ и другой линейный корабль о 120 пушкахъ. Американцы справедливо называютъ каналы свои *великими жилами* общественнаго благоденствiя; но какъ въ заложенiи оныхъ, такъ и во всѣхъ великихъ общепользныхъ предпрiятiяхъ, отличаетъ предъ всѣми прочими область Ньюйоркская, которая, подъ управленiемъ мудраго Губернатора де-Виттъ-Клинтона, восходитъ все выше и выше по лѣсвицѣ благосостоянiя и торговаго богатства; столица оной достойна носить названiе Лондона новаго Свѣта; она въ расширенiи предѣловъ своихъ и въ умноженiи народонаселенiя, быстро шествуетъ по стопамъ сего исполинскаго города Бришаннiи. 20 Октябрю, окончанъ былъ большой Ньюйоркскiй или Эрiйскiй каналъ, соединяющiй великiя озера сѣвера и запада съ Атлантичес-

скикъ Океаномъ, и образующій нынѣ внут-
реннее водное сообщеніе на пространствѣ
500 миль. Къ огромнымъ національнымъ пред-
пріятіямъ принадлежитъ также большая до-
рога изъ Вашингтона въ Мексику, которая,
проходя чрезъ Новый Орлеанъ, соединитъ два
города, оплодотворитъ одинъ оныя другаго на 3300
Англійскихъ миль. — Флорида, гдѣ вновь
построенъ главный городъ Талагасси, спя-
новилась значительнѣе; и такъ какъ она со-
держитъ въ себѣ уже болѣе 50,000 жителей,
то скоро будетъ причислена къ Союзу, въ
видѣ отдѣльной области. Къ важнѣйшимъ
постановленіямъ Конгреса принадлежитъ учре-
жденіе военныхъ постовъ въ Орегонскомъ
округѣ, по рѣкѣ Колумбій, до которыхъ
вскорѣ протянется обширная область Сое-
диненныхъ Штатовъ; ибо шеперь уже за-
падные области ведутъ сухимъ путемъ важ-
ный торгъ съ Мексикою, и охотники ихъ,
спремаясь за добычею, доходятъ до береговъ
Тихаго моря. Другое важное постановленіе
касалось населенія Индійцевъ въ особенной
области; но сіе переизмѣненіе приводимо бы-
ло въ дѣйство не только со всевозможнымъ
уваженіемъ ихъ правъ, но и съ благоразум-
нымъ спусхожденіемъ къ ихъ предразсудкамъ;
при семъ случаѣ, главное Правительство
сильно оповѣствовало на дерзкое требова-

ніе Губернатора Георгія, чтобы оно не из-
 шалось въ дѣла сей области съ Индійцами,
 которые одного изъ начальниковъ своихъ,
 Макъ-Иншоша, за противную правамъ ихъ
 уступку части ихъ области, казнилъ смер-
 тнью. Законодательная Палата сей области
 оказала уваженіе свое къ главному Прави-
 тельству тѣмъ, что отсрочила свои за-
 сѣданія, не обращая вниманія на предложенія
 Губернатора, поощрявшаго оную къ явному
 сопротивленію. Президентъ Монро, кото-
 рый, во время управленія своего поднялъ
 Республику Сѣверо-Американскую на высо-
 кую степень могущества и благоденствія,
 сложилъ съ себя въ семь году сіе званіе, и
 предъ оставленіемъ сей должности, выпро-
 силъ, чтобы наряжена была коммисія, для
 изслѣдованія его управленія. Голоса Шша-
 цовъ каждаго въ особенності, при выборѣ
 его преемника, были раздѣлены: 102 голоса
 были поданы въ пользу славнаго Генерала
 Джексона, 82 въ пользу Статсъ-Секретаря
 Адамса, 41 въ пользу Г. Кроуфорда и 36 въ
 пользу Орашора Палашы Депутатовъ, и по-
 шому сей послѣдней, слѣдуя кореннымъ уста-
 новленіямъ, предоставленъ былъ выборъ ме-
 жду шремя первыми, имѣвшими большее чи-
 сло голосовъ, точно такъ, какъ случилось
 въ 1801 году, при соперничествѣ Джефферсонъ

на и Бурра. Южные и западные Штаты держали спорную герю Ново-Орлеанскаго; не смотря на то, въ день выбора, 9 Февраля, 13 Штатовъ подали голоса въ пользу нынѣшняго Президентша Джона Квинси Адамса, сына находящагося еще въ живыхъ, бывшаго Президентша того же имени, между тѣмъ, какъ въ пользу Генерала Джексона подали голоса только 7 Штатовъ. Вице-Президентомъ избранъ былъ Г. Калгоунъ. Можеть быть, что представители охотнѣе желали вручить бразды правленія въ Государствѣ, процвѣтающемъ во всѣхъ отрасляхъ мирныхъ искусствъ и пользующемся всемирнымъ уваженіемъ, опытному полицику, чѣмъ смѣлому воину; однако же сей выборъ не прервалъ дружескихъ связей между обоими соперниками, и Джексоунъ первый поздравилъ Адамса съ возложеннымъ на него достоинствомъ. — 14 Марта, новый Президентъ вступилъ въ управленіе дѣлами. Сѣверо-Американскій флотъ продолжалъ съ успѣхомъ очищать Западно-Индійскія воды отъ морскихъ разбойниковъ. Съ Колумбією, 3 Октябрия, заключенъ былъ дружескии и торговый договоръ. Плаваніе на паровыхъ судахъ, изобрѣшенное и доведенное въ сей странѣ до высшей степени совершенства, весьма удобно для большихъ рѣкъ Новаго

Свѣша, почему и число пароходовъ тамъ чрезвычайно велико; сей способъ мореплаванія такъ сблизилъ Европу съ Америкою, что нынѣ въ 416 часовъ, можно перѣхатъ изъ Ньюіорка въ Ливерпуль. — Къ достопамятностямъ сего года принадлежитъ основаніе Еврейской области на острову рѣки Ніагары, въ Ньюіоркской области. Верховный Судья Израильскій избралъ мѣстомъ пребыванія своего новый городъ Арарашъ, и наименовалъ своихъ уполномоченныхъ въ различныхъ городахъ Европы; однако же верховный Раввинъ въ Парижѣ ошклатилъ ошъ себя шаковое избраніе.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

IV.

С О В Р Е М Е Н Н А Я   Р У С С К А Я Б И Б Л И О Г Р А Ф І Я.

Н О В Ы Я   К Н И Г И.

1 8 2 6.

И с т о р і я.

97. *Жизнь Святаго Апостола Павла*, составленная на основаніи достовернѣйшихъ свидѣтельствъ, съ присовокупленіемъ по мѣспамъ археологическихъ и нравственныхъ замѣчаній, въ С. Пешербургской *Духовной Академіи*. П. въ шип. Медиц. Деп. М. В. Д., 1826, съ гравированнымъ изображеніемъ Св. Апостола Павла и каршою путешествія Святаго мужа, въ 8, 243 стр.

98. *Исторія Россійско-Австрійской кампаніи 1799 г. подъ предводительствомъ Генералиссимуса Князя Италійскаго Графа Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго*, изданная Е. Фуксомъ. Печатаема по Высочайшему повелѣнію. П. 1825 и 1826, въ Военной тип. Главнаго Штаба Е. И. В., въ 8, три части; въ первой: описаніе войны, извлеченное изъ подлинныхъ актовъ и оціанальныхъ бумагъ (XII, XVII и 413 стр. съ двумя картами); во второй и третьей подлинныя акты и оціанальныя бумаги, XXIX и 717, XXXIV и 667.

(См. NNo 63, 65 и 66 Съв. Пч.)

Политическая Экономія.

99. *Nouvelle théorie de la balance du commerce*, par N. Demidoff, Conseiller d'Etat actuel, attaché au Ministère des Finances, membre de la Société économique de St. Pétersbourg etc. etc. П. 1826, въ тип. А. Плюшара, въ 4, 29 стр.

(См. No 64 Съв. Пч.)

Духовное Краснорѣчіе

100. *Слово по случаю пренесенія чрезъ Новгородъ тѣла въ Бозѣ почившаго и вѣчной памяти достойнаго Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Перваго*, сказанное по окончаніи литургіи, предъ совершеціемъ панихиды въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, Моисеемъ, Епископомъ Старорусскимъ, Викаріемъ Новгородской Митрополіи, Февраля 24 дня 1826 года. П. въ тип. Мед. Деп. М. В. Д., въ 8, 58 стр.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1826. N° X.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ:

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ.

(*Повѣсть, соч. Крузе.*)

Счастливыи день! точно счастливыи для меня день, любезнѣйшая мапушка! — Вы покачаете головою; но я все еще держусь вѣры покойнаго башюшки в счастливые и черныя дни — держусь тѣмъ болѣе, что по своему о томъ думаю. Мнѣ кажется, точно есть дни, въ кошорые сосредоточиваются разныя ниши жизни, и образуютъ легкую шкаль, могущую доставить намъ счастье или несчастье, смотря по тому, достанетъ ли насъ на то, чтобы проникнуть въ нее, или нѣтъ. Довольно иногда одного смѣлаго, быстраго взгляда, чтобы разсѣять туманъ поглощенныхъ уже временемъ случаевъ и обстоятельствъ, постигнуть ихъ значеніе и бодро послѣдовать душевному предчувствію: оно не обманетъ. Но многимъ людямъ недостаетъ смѣлости, присущствія духа, ясно-

ещи мыслей, замѣчашь такіе рѣшительные часы; иные же, хотя и замѣчаютъ, но по недоспашку провицательности, увлекающа еще въ худшія обстоятельства. Какъ часто мы слышимъ: „Если бѣ я прежде о томъ подумалъ!“ или: „если бѣ я то и то сдѣлалъ!“ Того бы не было, когда бѣ всякому удавалось во время вникашь въ происшествія всѣми внутренними чувствами и тѣмъ пользоваться. — Но для того надобно, чѣшобъ на сердце было легко, чѣшобъ душа могла свободно чувствовашь: шаково мнѣ сегодня, милая мапушка! Съ какою радостію воображаю себѣ удивленіе ваше, когда получише отъ меня шажеловѣсную посылку и будете чашать это письмо; — я забываю однако, чѣшобъ надобно рассказывать порядочнѣе. Слушайте же:

Одинъ изъ Университетскихъ моихъ пріятелей, малый добрый, и притомъ богатый, долженъ былъ чѣшбъ нибудь опланишь себя, чѣшобы получишь мѣсто, которое со временемъ конечно бы и доспалось ему, если не по праву, то по связямъ его въ свѣшѣ. Дѣло въ томъ, чѣшобъ ему хотѣлось доспашь его ранѣе. За полгода передъ симъ, прішель онъ ко мнѣ и, рассказавъ, чѣшобъ ему хочется написать разрѣшеніе задачи одного Ученаго Общества, и чѣшобъ онъ уже сдѣлалъ начало,

просилъ меня пересмотрѣть его тетрадку, переправить и передѣлать ее, какъ мнѣ вздумается. За это обѣщаль онъ мнѣ отдать, въ случаѣ выигрыша, назначенную Обществомъ за разрѣшеніе задачи плату, съ пѣтью шолько, чшобъ я предоставилъ ему право воспользоваться именовъ Сочинишела. Въ скудной моей Университетской жизни каждый выигрышъ былъ для меня пріятень, и еще пріятнѣе, когда я могъ шрудами своими услужить другу. Я принялся за работу — писалъ и написалъ скоро; и вошь, дней за пять передъ симъ, пріятель мой прибѣгаетъ въ восхищеніи ко мнѣ въ комнату, съ извѣстіемъ, что выигрышъ достался намъ. Тутъ-то было у насъ радости, ма-шущка! Тотчасъ долженъ я былъ собраться и опрравиться съ нимъ сюда, въ столицу, которую давно уже хотѣлось мнѣ посмотреть, и теперь живу здѣсь въ славной го-спиницѣ на его счетъ — живу лучше, нежели живаль когда нибудь. Но скоро возвращусь опять въ свой маленькій городокъ, гдѣ ожидающъ меня не Университетскія лекціи, которыхъ кончиль уже я полный курсъ, но уроки по домамъ, которыми достаю себѣ хлѣбъ; скоро, пошому что сегодня выданные намъ отъ Общества 20 лудировъ уже лежатъ у меня передъ глазами. Это первая

значительная сумма, какую заслужилъ я прудами, и она тогда только доставитъ мнѣ истинное удовольствіе, когда вы, любезная машушка, согласишесь принять и употребить ее на свои надобности. — Вы живете въ бѣдности, можете быть въ крайности: я это знаю, хоть вы и не хотѣли говорить мнѣ о томъ въ письмахъ. Я знаю васъ: пусть вамъ извѣстно, что я могу кое-какъ перебиваться своими прудами, но вы все присылали бы мнѣ хоть понемногу, если бы могли доставать и немногое. Что вы не въ состояніи были дѣлать этого, и что я не могъ ничего отъ себя удѣлать вамъ — ахъ, Боже мой! какъ часто отъ одной мысли о томъ, навершывались на глазахъ моихъ слезы; но тѣмъ яснѣе блестятъ на нихъ теперь слезы радости, теперь, когда я могу послать вамъ, машушка, значительное пособіе, и радость моя такъ велика, что вы вѣрно не захотите оправить мнѣ ее отказомъ. Нѣтъ! вы не захотите! радостное предчувствіе говоритъ мнѣ, что сегодня все мнѣ удастся. О, какъ люблюсь я блескомъ этого золота, зная, что и на вашихъ глазахъ опраится онъ! — Но я долженъ кончить; скорѣ буду опять писать, любезная машушка!

Вашъ Константинъ,

„Никогда не воображала я, чтобы эти свѣтлые золотые кружечки могли такъ меня радовать“ — говорилъ юноша, складывая письмо и смотря на лежащiе передъ нимъ луидоры, съ улыбкою живѣйшаго восторга. „Какъ мнѣ легко, какъ прiятно! Жаль, что послѣ прекраснаго ушра, небо такъ обложилось тучами: нельзя выйти въ поле помечтать на свѣжемъ воздухѣ. Но прежде всего надобно опрaвить письмо.“ Онъ запечаталъ его, сдѣлалъ надпись и лишь только взялся за луидоры, вошелъ прiятель его въ комнату.

„Ксшаши!“ вскричалъ Конспаншинъ ему на встрѣчу: „Проводи меня пожалуйста на почту; да скажи, какъ мнѣ опрaвить это золотио?“

— „Вѣрно посылаешь къ себѣ на родину? — Добрый ты малый! Но гораздо бы дешевле и удобнѣ послать вексель.“

„Нѣтъ!“ сказалъ Конспаншинъ съ усмѣшкою: пусть получаешь тамъ золотио.“

— „Ты можешь и такъ сдѣлать, чтобы по векселю выдали тамъ золотиомъ. Я берусь лишь это устроить.“

Конспаншинъ покачалъ головою. „Нѣтъ! пусть это самое золотио получаешь тамъ“ — продолжалъ онъ. „Посмотри, оно блестяще еще отъ моей радости. Меня огорчила бы мысль, что взоры доброй моей мащери упа-

душъ не на ту самую монету, кошорую сынъ приобрѣлъ ей прудами. Тогда, мнѣ кажешся, и вся посылка ничего бы не сшюла.“

— „Ну, какъ хочешь!“ отвѣчалъ пріятель: „полюко, если посылашь сегодня, надобно поспѣшишь; шеперь самая пора. Пойдемъ, лучше заплащи гроша два лишнихъ, чшюбъ тебѣ тамъ завернули лундоры: ихъ же вѣдъ станушь счишашъ. — Пойдемъ!“

Пошли оба на почщу, но было уже поздно.

„Ну, не печалься же шакъ, мой милый!“ сказалъ пріятель: „вѣдъ волошо не убѣжишь отъ тебѣ. Чшо жъ намъ шеперь дѣлашь въ такое дождливое время? еще долго дожидашся спектаклей. — Послушай: ты должень хорошенько узнашь городъ, въ кошоромъ я родился. Я поведу тебѣ въ шакое мѣшо, о кошоромъ намъ и не снилось въ нашемъ Университетскомъ гвздѣ.“ Коншаншинъ пошелъ съ нимъ, не спрашивая.

Они вошли въ кофейный домъ, гдѣ множество молодыхъ людей сидѣли и ходили, смотря съ учаспиемъ на играющихъ въ бѣлиардъ. Велѣли дашь себѣ шоколаду и выпили по чашкѣ; пошомъ пріятель Коншаншина взялъ его подъ руку, а между тѣмъ шепнулъ слова два на ухо маркеру, кошорый кивнулъ головою, давая знакъ за нямъ слѣ-

довашъ и вышелъ въ боковую, едва прижмънную дверь. Погодя съ минушу, цошли они шуда же, никѣмъ незамѣченные; черезъ нѣсколько узкихъ корридоровъ введены они были въ довольно большую залу, кошорая сперва показала имъ, пришедшимъ съ дневнаго свѣща, шемноватою, потому что окна были совершенно засавлены; однако на потолкъ висѣла большая зажженная люстра; на огромномъ столѣ, въ срединѣ комнаты, ешало множешво горящихъ свѣчей. Хотя вокругъ стола шѣснились въ нѣсколько рядовъ люди, но во всей залѣ царствовала мертвая шишина; слышались только слова: *gagné — perdu* — и спраннымъ звукомъ раздирали слухъ вошедшихъ; къ тому присовокуплялся еще звукъ бросаеыхъ золошыхъ монешъ. — Необыкновенно превожное чувство проникло въ сердце Констаншина: въ первый разъ увидѣлъ онъ себя въ наспоащемъ игорномъ домѣ.

Очень вѣрояшно, что подобныя шайныя сборища бывали и въ Университетскомъ гнѣздѣ, какъ выразился пріятель Констаншина. Но сей послѣдній такъ мало зналъ о нихъ, что ему даже не приходило въ голову ихъ остерегаться; никогда не вступалъ онъ въ близкія опношенія съ людьми, кошорыхъ поведеіе было не совсѣмъ чисто; при вступ-

пленіи въ Университетъ , единственна
 спрасить его, если можно пакъ назвашь, была
 ша, чшобъ угождашь своей машери, оправды-
 вать надежды ея, спремисься всѣми силами,
 посредствомъ успѣховъ своихъ , доставившъ
 ей беззаботную старость. Впрочемъ былъ
 онъ веселаго нрава, гошовъ былъ даже дѣлать
 дурачества ; легко приводилась въ движеніе
 кровь его, когда случалось ему бытъ свидѣ-
 телемъ благороднаго или гнуснаго поступка;
 друзьямъ преданный душою , раздѣлялъ онъ
 ихъ шалости ; иногда впадалъ и въ заблуж-
 денія, но при томъ умѣлъ сохранить непо-
 рочность души, хорошія правила и ничѣмъ
 не запятнанное воображеніе. И если въ юно-
 щескомъ легкомысліи попускалъ онъ себя
 испытать по и другое въ жищейскомъ, по
 всегда удерживался во-время отъ всякаго ис-
 кусенія, какъ скоро въ душѣ своей находилъ
 его пагубнымъ. При мысли о своей машери,
 какъ объ Ангелѣ хранившемъ, рѣдко обманыва-
 вался онъ въ истинномъ благѣ , и шеперь,
 хотя никогда не бывалъ за каршочнымъ
 столомъ, но почувшвовалъ , что духъ ма-
 шери оскорбился, увидѣвъ его участвникомъ
 въ игрѣ. Казалось однако, что огромная ку-
 ча золопа предъ банкиромъ , какой прежде
 не видывалъ онъ , и кошора съ шакою лег-
 костью по умножалась , по опять по ру-

камъ расходилась — казалось, что это новое зрѣлище получило для него неизъяснимую предессть съ шѣхъ поръ, какъ маленькая доля подобной кучи еще въ сей день поупру доспавила ему споль чрезмѣрную радосшь.

Онъ посмаприваль шо на золошую груду, шо на окружавшія ее лица, большею частію блѣдныя, угрюмыя, изнуренныя. Только одно изъ нихъ показалось ему заслуживающимъ особенное вниманіе. Прямо пропивъ него сидѣлъ человекъ, очень опрятно и рачительно одѣтый, въ серпукъ немнософраго цвѣша; по виду казалось ему лѣтъ за шридцашь; голова нѣскольکو сжашая, но хорошей формы; волоса, корошко и гладко обшриженныя, едва касались лица, длиннаго, сухаго и блѣднаго; ве всѣхъ черсахъ его опражалось уныніе; голубые, лищенныя огня, глаза, впрочемъ по самой мрачности своей казавшіеся пронцашельными, посмапривали на всѣхъ вокругъ, между шѣмъ какъ самъ онъ равнодушно, почти безпечно поншировалъ, и, какъ замѣшилъ Конспаншннъ, всегда выигрываль. Особенно же страннымъ показался ему нѣмой разговоръ незнакомца съ банкиромъ, при случаяхъ, къ копорымъ шакая игра подаешъ рѣдко поводъ. Когда послѣдній обращался къ нему съ вопросомъ, онъ взгля-

дываль полько на споящаго за нимъ небольшо-
шаго ростомъ, спараго и очень шучнаго че-
ловѣка, почши шакже, какъ и онъ самъ, одѣ-
шаго, хопя, по приемамъ судя, очень ему
подчиненнаго. При шакомъ взглядѣ засшуль-
ный маленькій человекъ обыкновенно опвѣ-
чалъ за сидящаго незнакомца, чшó конечно
было для него очень легко, потому что онъ
былъ внимательнѣе къ игрѣ, нежели самъ
играющій.

„Ахъ!“ думаль про себя Конспаншинъ :
„если бъ хопъ половина кучки, которую
вшопъ человекъ шакъ равнодушно скапли-
ваешъ, была швоя, шы могъ бы удовлетвори-
ришь хопъ нѣсколько швоему сильному же-
ланію посшраншвовашъ въ свѣтъ!— Чшо жъ?
ешóишь испышашъ счастья!“ — блеснуло
на умъ его. „Вѣдь сего дня“ — шепшаль въ
немъ внушрешній голось : „счастливыій для
шебя день, швое предчувешвіе говорило ше-
бъ!“ — Почши механически сунуль онъ ру-
ку въ карманъ и обхвашилъ горшью малень-
кій свшокъ ; но при шпомъ прикосновеніи
по всѣмъ жиламъ его разлился холодъ : „уже
вши деньги принадлежатъ швоей машери!“—
Горшъ судорожно сжалась около свинка,
будшо онъ желанія крѣиче держашъ его.

Тушъ вдругъ шоварищъ его впшснулся
къ сполу между нимъ и сосѣдомъ его, схва-

шилъ колоду картъ, выбралъ одну, положилъ на нее золотую монету и шепнулъ на ухо Констаншину, что будешь учишь его правиламъ игры. Онъ выигралъ нѣсколько лундоровъ. „Хочешь ли со мной въ половину?“ сказалъ онъ на ухо своему другу. — Констаншинъ, взглянувъ опять на золотую гору, почши нѣхотя кивнулъ ему головою. Такъ играли они съ четверть часа съ переменнымъ счастьемъ. Тутъ кто-то ударилъ поварища по плечу; онъ обернулся и узналъ одного спараго своего друга, съ которымъ давно не видался. „Сю минушу!“ закричалъ онъ шоропливо; выигралъ еще лундоръ, бросилъ бѣглый взглядъ на весь свой выигрышъ, ошдѣлалъ часть изъ того — пару золотыхъ монетъ, Констаншину, и сказалъ опять на ухо: „Возьми твою часть — мнѣ надобно говорить съ пріятелемъ. — Тебѣ счастье: одинъ я никогда не выигрываю; поиграй, пока я возвращусь.“ И онъ вышелъ изъ залы.

Слова его ошозвались въ груди Констаншина. Бодро сдѣлалъ онъ спавку; выигрывалъ, проигрывалъ — вскорѣ исчезли оставленные пріятелемъ лундоры. Между шѣмъ онъ разгорячился; тысячи золотыхъ кружковъ, какъ блистающіе глаза, проникли въ его душу. „Еще ты не свое счастье пробоваешь!“ говорилъ ему внутренній голосъ: „зо-

лото машери пивей, ея благословеніе должно принести тебѣ счастье!“ Почти судорожное сжатіе руки разломило между пѣмъ свитокъ въ его карманѣ; пальцы шарили въ златшѣ. Вдругъ онъ вынулъ одинъ лудоръ — и шощасъ проигралъ его. „Случай!“ ошозвался вздохъ сердца, сжатаго спрахомъ и желаніемъ прибышка. „Нельзя же всякой разъ выигрывать! это проба надменной кучи испытывать мою бодрость, или даже запугать меня — мнѣ надобно же дополнить мой свитокъ.“

Онъ поставилъ еще лудоръ, и выигралъ; еще одинъ — опять выигралъ; оба — и еще выигралъ. — Тутъ вдругъ какъ будто ошуманился, ошупывъ разсудокъ его; какое-то восхищительное чувство овладѣло имъ — смѣсь шоски, надежды, радости, упоенія; юношеская пылкость просшерлась до дерзости; не спало смысла и памяти; онъ игралъ и игралъ, все съ бо́льшею надеждою при каждой потерѣ; съ бо́льшею ошважностію при малѣйшемъ выигрышѣ; но не прошло и получаса, какъ карманъ его опустывалъ. — Мрачное, убійственное ошчаяніе овладѣло имъ; онъ пробудился, какъ бы ошъ сна. Едва столько разсудка ошпалось въ немъ, чшобъ не привлечь на себя бо́льшого вниманія игроковъ. Онъ сполалъ недвижимо, какъ прикованный

къ мѣсту; поухшій, но еще жаждущій взоръ обращенъ былъ на золошую, беспрестанно умножающуюся горку равнодушнаго игрока, прошивъ него сидящаго. Наконецъ почувствовалъ онъ, что кто-то схватилъ его руку. Эшо былъ пріишель его. „Что жъ такъ праздно сшоишь?“ спросилъ шомъ съ усмѣшкою.

— „Я ужъ кончилъ!“ отвѣчалъ Конспаншинъ опривисшо и невняшно.

„Какъ же тебѣ шло?“

— „Такъ, ни шо, ни сѣ.“

Не могъ онъ другу, знавшему назначеніе его золоша и бывшему свидѣтелемъ его радости, признаться, какимъ посшыннымъ образомъ потерялъ добро свое; между швѣмъ и смущное чувство, что богатый товарищъ, можешь бышь, шанецъ думать о средствѣхъ вознаградишь ему потерю, безъ того заставило бы его молчашъ. Расперзанный въ душѣ, онъ не потерялъ еще голову. Сколько могъ, принуждалъ себя казашъся равнодушнымъ.

„Ну, поидемъ же“ — сказалъ пріишель : „пора въ Театръ — смотрѣшь Шиллеровыхъ *Разбойниковъ*.“

Въ безушѣщномъ, почши въ опчаянномъ расположеніи духа, въ какомъ находился Конспаншинъ, эта Трагедія, всегда увлекаю-

щая коность, должна была или ни сколько на него не подѣйствовать, или подѣйствовать слишкомъ сильно. Онъ и прежде зналъ ее, но шущь необыкновенно хорошее предсавленіе проникло въ немъ всю внупренность; лице Карла Моора не только возбудило въ немъ живѣйшее участіе — оно заняло все его мысли, сроднилось, такъ сказать, съ нимъ всеми чувствами, всеми помышленіями.

Когда спектакль кончился, ему хотѣлось разсвѣять себя, какъ онъ всегда дѣлалъ, въ уединенной прогулкѣ; но пріятель, замѣтившій въ немъ что-то необыкновенное, не покидалъ его, — спазъ уговаривалъ провесши оспашокъ вечера въ домашнемъ его кругу, и когда уже увидѣлъ непобѣдимое упорство Конспаншина, по пощазилъ его къ нему домой, съ тѣмъ, чшобъ ужинашь вмѣстѣ съ нимъ за общимъ столомъ въ шракширѣ. Хотѣ и это было не совсѣмъ по мыслямъ Конспаншина, однако ужъ онъ никакъ не могъ ошговориться.

За столомъ сидѣло не много, но тѣмъ живѣе былъ разговоръ, еще болѣе оживляемый хорошимъ виномъ хозяина. Конспаншинъ ошошно бы молчалъ, но внимательный пріятель не сводилъ съ него глазъ, и это засшавило его принять участіе въ разгово-

рь. На душѣ его кипѣла скорбь и досада; вѣномъ разгорячилось воображеніе; онъ спалъ говоришь, не помня умеренности и приличія. При общихъ замѣчаніяхъ о данномъ спектаклѣ, какой-то пожилой и сухой человекъ, невидный собою, ошозвался съ большимъ сожалѣніемъ о томъ, что въ Германіи все еще представляють такіа зрѣлища, въ которыхъ пороки изображены съ извинительной, даже привлекательной спороной, и пошому легко возбуждаешь юность къ подражанію.

„Пустое!“ воскликнулъ тогда Констанцинь, едва имѣвшій перлвнне выслушать: „не подражаніе, если дѣло идетъ объ юность не совсѣмъ глупомъ, а ужасъ возбуждается, когда подумаешь, какъ близко доброе къ злему! Съ извинительной спороной, говорише вы? Но не по ли самое и превосходно въ Пловзіи, что она преклоняетъ душу къ состраданію, къ снисходительности тамъ, гдѣ глупая толпа безъ толку и безъ разбору кричишь: казнише! вѣшайше! И неужели пошому кажешся вамъ пороки представленныхъ привлекательно и соблазнительно, что даны средства видѣшь почти непримѣнныя спези, по которымъ веденъ былъ несчастный къ гибели — видѣшь такъ близко, что мы въ глубинѣ души должны чувствовашь, какъ, не себя, а единственно

благому Провидѣнію обязаны за то, что не подпали подобнымъ искушеніямъ, ошъ кошорыхъ вдались бы въ погибель, можешъ бышь, еще скорѣе, нежели шощъ несчастливецъ? Или думаете вы, государь мой, что шолько шѣ несчастные, кошорые въ предсавленіи и въ самой жизни присуждены къ висѣлицѣ и онѣ кошорыхъ знашннй классъ людей опираешъ превршительно свои взоры, когда передъ нимъ проводяшъ ихъ къ вшафону — что шолько они одни гнусные прешунники? или что они, въ своемъ облченіи, когда мы знаемъ и по, что служилъ къ ихъ извиненію, не могутъ бышь шакъ уважены, какъ шѣ, съ кошорыхъ не снята еще личина? Думаете ли вы, что въ общешвѣ, шонко образованномъ, всѣ свободны ошъ грубыхъ прешупленій, даже ошъ убійшва, пошому шолько, что между ними болѣе средшвѣ, друзей, проныршва, даже внутрешней испорченности, чтошбы скрываетъ шайныя дѣла ихъ? Есть много родовъ убійшва: не шолько желѣзомъ, убилъ можно однимъ словомъ, погубилъ одною картою. Тушъ бываешъ даже и умысль — желаніе вреда не ешъ ли покушеніе на пагубу? — Почему же не смошршъ съ участіемъ, какъ великая душа въ жестокихъ борьбахъ совращаетъ съ прямого пути жизни, когда шм-

сячи покаряюшся спрашямъ своимъ безъ всякой борьбы? Нѣтъ!" — продолжалъ онъ, и глаза его случайно обратились на нѣмого игрока, который завладѣлъ частію денегъ его и сидѣлъ шупъ же на концѣ стола: „Нѣтъ, совсѣмъ не опасно видѣть пайныя западни, разсаваемыя сѣти искушенія въ жизни, но по для насъ опасно, чего мы не видимъ, мало ли зла шаишся въ людяхъ; грудь каждаго закрыта передъ глазами нашими. Почему знаешь! можешь быть, даже за шпимъ споломъ, гдѣ сидишь едва ли двадцать человѣкъ — можешь быть, даже между нами есть убійца?"

Ошъ шпихъ безразсудныхъ словъ сдѣлалась какъ бы всеобщая размолвка. Каждый пошупилъ глаза въ землю, считая обидою сказанное, если не для себя, по для другихъ. Последовало совершенное безмолвіе, копорое въ самомъ Конспаншинѣ возбудило неприяшныя чувства, и шѣмъ болѣе, что въ шпо время взоръ его упалъ на незамѣченнаго имъ прежде человѣка, наискось прошивъ него сидѣвшаго, копорый, казалось, болѣе прочихъ былъ пораженъ его восклицаніемъ. Наружность шшого человѣка показалаь ему шакъ замѣчательна, что онъ не могъ уже ошвесить ошъ него глазъ. Не шарь и не молдъ; одѣшь очень богашо, хоша почти съ

циническою небрежностію ; весьма дорогой солиперъ на груди и множество брилліаншовъ на пальцахъ ; черпы лица незначипельны, почши, если можно сказать, разорваны, какъ сѣшь, сквозь которую выскользнули или выбились всѣ спраспи; глаза хотя уклонялись робко отъ всякаго быспраго на него взора, однако блуждали вокругъ, съ выраженіемъ какого-то упрямаго самочувствія, съ одного предмета на другой. Всего же болѣе цвѣшь лица его, обыкновенно смугложелтый, при словахъ же Констаншина измѣнившійся въ свинцовую близну, дополнялъ ужась, разливавшійся болѣе и болѣе по членамъ смопряцаго на него молодаго челоувѣка. Съ перваго взгляда, казался онъ Креоломъ, какимъ и самъ выдавалъ себя; но чѣмъ долѣе кто смопрѣлъ на него — а къ этому побуждалъ всякаго невольный внутренній ужась — тѣмъ болѣе удосновѣрялся, что лице его обыкновенное Европейское, обпьянуное только какою-то прозрачною корою, какъ бы гробовымъ плѣніемъ. Возспавшаго изъ гроба мертвеца, духа Банко, явившагося на пиру Макбетовомъ, нельзя вообразить себя похожѣе.

Между тѣмъ Констаншинъ едва успѣлъ сдѣлать подобныя наблюденія, какъ пренійшій тощій мужчина, который собственно и на-

чалъ такой разговоръ, сказала сурово и отрывисто: „Государь мой! я пошребую отъ васъ ближайшихъ въ семь случаевъ объясненій?“

— „Какъ шакъ?“ спросила Констаншинъ, удивясь.

„А шакъ“ — подхватилъ шомъ, принимая на себя важный видъ: „что я, по должности моей въ здѣшнемъ городѣ, имѣю право на распросы; и имѣю болѣе, что ваша опшывъ, если не въ шомъ состояла цѣль его, чтобы оскорбить наше общество, долженъ быть оправданъ не иначе, какъ откритіемъ какого нибудь злодѣйства, которому представите вы конечно дѣльные доказательства.“

— „Извольте!“ вскричалъ Констаншинъ, вспыхнувъ: „если только вы, какъ и я, подъ убійствомъ разумѣете то, что какое нибудь живое существо лишено было жизни?“

„Да, да!“ опшвчалъ первый: „конечно я то разумѣю.“ — Все общество, хотя и огорченное неосторожными словами Констаншина, но за всѣмъ шѣмъ неодобрявшее нападки на него полицейскаго чиновника, обратилось боязливо и въ удивленіи къ юношѣ, ожидая съ неперпнѣемъ, что онъ скажетъ.

— „Хорошо же!“ продолжалъ Констаншинъ сколько могъ равнодушіемъ, хотя взоръ

его съ невольнымъ шрепешомъ усстремленъ былъ на шуское; безпрерывно болѣе измѣняющееся лице сидящаго передъ нимъ незнакомца. „Я самъ убійца. Въ прошедшую ночь въ этомъ самомъ домѣ убилъ я одного упрямаго комара.“

Что въ другое время могло бы показаться плоскою шушкою, шупь послужило почти оправдоу для всего испуганнаго общества, и внезапно раздался громкій всеобщій смѣхъ. Пріятель Констаншина, комоу рый съ болѣею робосшію, нежели всѣ другіе, принималъ участіе въ разговорѣ, схватилъ шощасъ свою рюмку и съ веселымъ духомъ предложилъ выпить за здравіе убійцы; всѣ согласились, смѣясь опъ души, что дѣло взяло такой оборотъ. Присыженный полицейскій чиновникъ умолкъ.

„Ты славный малый!“ сказалъ Констаншину пріятель его, когда, спустя часъ послѣ того, они разшавались. „Хорошо, что ты шакъ ошдѣлался! Но скажи пожалуй, какой чортъ внушилъ тебѣ шакія слова? И мнѣ стало страшно, хошь я никогда не могъ даже видѣть крови, и свѣдѣшвенно совѣсть моя чиста. — Другіе, чаю, струсили еще болѣе; этошь господишь съ большимъ солшмеромъ на рукъ смошрѣлъ при этомъ, право, какъ дѣволъ. Какое лице! какое лице!“

Конспаншинъ, лишь только освободился отъ внутренняго спѣшенія, какое раздѣлялъ вмѣстѣ съ другими собесѣдниками за ужиномъ, какъ собственное безутѣшное положеніе, на минушу заглушенное, спало опять давить грудь его. „Вошь мой счастливый день!“ восклицалъ онъ: „какъ легко ослѣплялъ себя пустыми мечтами! Не только проигралъ я свою радость, свой покой— едва не подвергся было суду, какъ клеветникъ.“

Ночь не дала покоя разспроенной головѣ Конспаншина; лишь только на зарѣ сомкнулъ онъ упомянутые безсонницею глаза, какъ появившееся солнце опять пробудило его. Самъ не въ себя, вскочилъ онъ съ постели и пошелъ прогуляться. Совсѣмъ не паковы, какъ вчера, показались ему прелестныя окрестности города. Онъ не могъ уже восхищаться: все предсавлялось въ шукломъ видѣ предъ блуждающими его взорами. — Но мало по малу, чувствуя его, столь близкія къ природѣ, спали освѣжались вліаніемъ чистаго воздуха и живыхъ картинъ. Досада на сдѣланное дурачество уступила мѣсто, въ возмущенной душѣ, унынію скорбному, но крошккому, нешагошащему совѣсти. „Нѣтъ!“ сказалъ онъ наконецъ, ободряя себя: „не буду больше играть; до-

вольне заплашиль за науку — убилъ свою, шакъ давно желанную радость; кспаша бы мнѣ было вчера ошвѣчать: я убійца собсвенныхъ, лучшихъ своихъ ощущеній!“

Медленно возвратился онъ домой. Было уже не рано: въ эту пору обыкновенно заходилъ за нимъ пріятель его. Онъ снялъ ключъ отъ своей комнаты съ нумерованной доски (*) и пошелъ къ себѣ, еще все въ разстройствѣ, какъ человекъ, не совсѣмъ проспавшій свой хмѣль. Взоръ его шопчасъ упалъ на лежащій на столѣ пакетъ съ надписью на его имя. Онъ взялъ пакетъ, взвѣсилъ его на рукѣ — нѣтъ сомнѣнiя! въ немъ были деньги. Неужели пріятель узналъ объ его потерѣ? Невозможно! — да и надпись не его руки. Но откуда же? кто зналъ здѣсь его имя, извѣстное только въ кругу друзей его и записанное только въ счешной книгѣ хозяина? Онъ поспѣшно распечаталъ.

По крайней мѣрѣ до пятидесяти новыхъ и свѣжыхъ червонцевъ заблнспало передъ его глазами. При томъ было письмоцо, написанное крупными, прямыми буквами, ка-

---

(*) Во многихъ гостиницахъ Германiи, ключи отъ горницъ жильцовъ подвѣшиваются къ находящейся въ хозяйской комнатѣ доскѣ, на кошорой означены номера всѣхъ кварширъ въ домѣ. *Перев.*

залось, поддѣльною рукою и не совсѣмъ правильно. Онъ прочишалъ:

„Молодой человекъ! печаль, возмущающая душу, ошагчающая сердце, не можешь скрываться отъ взора, который, измѣряя глубину собственной груди, проникаешь столь же глубоко въ грудь посторонника. Какое ужасное положеніе того, кто, при обстоятельствахъ, которые давятъ грудь, какъ убійство, долженъ еще сносить мелочныя заботы жизни! Я очень спрадаю отъ избытка — вы, вѣроятно, также спрадаете, отъ недоспашковъ. — Вы дали мнѣ урокъ: что шайлось смущено въ груди моей, пронесено устами вашими. Пускай же приложенное при семъ, заключающее въ себя несравненно менѣе того, безъ чего я могу обойтись, послужитъ знакомъ признательности моей! Я уважаю, какъ и вы, состраданіе, но припомъ и *молчаніе*.“

Константинъ прочишалъ нѣсколько разъ эти удивительныя строки, и не могъ себя расшолоковать ихъ. Казалось, смысломъ ихъ руководило не дурное побужденіе, даже какое-то глубокое чувство, но за всѣмъ шѣмъ считалъ онъ, какъ будто писавшій хотѣлъ подкупить его, чтобы заставилъ молчанъ — какъ будто предполагали въ немъ знаніе какой-то шайны, о которой не имѣлъ онъ ни-

какого понятія. Нельзя было сомнѣваться, что эпошь пакешь доставленъ ошъ кого нибудь изъ гостей вчерашняго вечера; но ошъ кого же? и какъ попалъ ошъ къ нему на споль?

Ошъ споль припоминашъ себъ всѣхъ, бывшихъ за споломъ; шолько двое изъ нихъ были ему особенно памяшны: шоль, котораго видѣлъ ошъ и прежде въ игорномъ домѣ, но который шоль же не принималъ ни въ чемъ учасшя, не произнесъ ни одного слова; и другой, сидѣвшій наискось прошивъ него, котораго спранный цвѣшъ лица возбуждалъ въ немъ ужась, и по большимъ блестящимъ бриллианшамъ котораго можно было по крайней мѣрѣ почешъ его за человека, очень богатаго. Констаншинъ содрогнулся при мысли, что, можешъ бышъ, ошъ сего послѣдняго доставленъ ему подарокъ; однако эта мысль овладѣла имъ совершенно — какъ будто она открыла ему глаза, и шѣмъ рѣшишельнѣе вознамѣрился ошъ не принимать подарка.

Ошъ позвонилъ; вошедшій пракширный служитель ничего не могъ сказать ему; шакъ же ничего и самъ хозяинъ, который случайно проходилъ мимо растворенной двери. Послѣдняго Констаншинъ зазвалъ къ себѣ и съ бысшрымъ переходомъ въ разговоръ спросилъ его, кто шакъ бывшій вчера за ужиномъ

господинъ съ большимъ солиперомъ на рукѣ, шакъ и шакъ одѣшый.

„А, шошь?“ ошвѣчалъ хозяинъ: „Вы вѣрно говорише о богашомъ Индѣйцѣ, г-нѣ Шшок-вель? Да, да! онъ разжился, шоргуя бриліаншами, которые и шеперь блестяшь у него со всѣхъ пальцевъ. Эшо препочтенный челоувѣкъ; онъ хочешъ ошпахъся жишь въ нашемъ городѣ и помѣспился у меня, пока не устроишся. Я желалъ бы, чшобъ онъ подолѣе у меня прожилъ. Даже невѣрояшно, какъ много дѣлаешъ онъ добра, и все шайно, и все черезъ меня, все черезъ меня! Онъ знаешъ, чшо я умѣю молчашъ. И какое великодушіе! Вопшь видише: онъ нѣсколько вспылчивъ и сердитъ ошъ природы; но если вырвется у него брань, или покажешъ кому нибудь шолько хмурое лице свое, шо ужъ не обойдешся безъ шого, чшобъ не вознаградилъ щедро; шри, чешыре червонца для него ничего не спояшъ, а бѣдняку шо и на руку. Онъ у себя ошнимаетъ, да выскиваетъ бѣдныхъ, чшобъ было кому помочь.“

— „Могу ли я говоришь съ нимъ?“ спросилъ Коншаншинъ, который словами хозяина еще больше ушвердился въ своемъ предположеніи.

„Почему не шакъ?“ ошвѣчалъ прошакъ-мо шракширщикъ съ испышующимъ взоромъ:

„Или вы можете поручить мнѣ. — Да, я таки могу. . . . пошому, что самъ онъ всегда очень угрюмъ и задумчивъ, и если бы не по дѣламъ, то въ цѣлый день никому бы въ свѣтъ не показался. Только вечеромъ приходятъ онъ къ сполу; при огнѣ несчастная наружность его, какъ онъ говоритъ, не такъ замѣтна. Она-то и дѣлаешь его робкимъ и мрачнымъ — онъ самъ признавался мнѣ. Ну, конечно, у всякаго своя бѣда на плечахъ, а жаль добраго человѣка! — Такъ угодно вамъ, сударь, чтобы я...“

— „Нѣтъ, нѣтъ!“ сказалъ Констаншинъ поспѣшно: „я самъ хочу говорить съ нимъ.“

„Ну, такъ я васъ поведу къ нему: — Если онъ только можетъ кому оказать услугу — извольте же идти за мною, сударь.“

— „Сей часъ!“ отвѣчалъ Констаншинъ, спрятавъ между стѣмъ къ себѣ пакетъ и письмо. Они вошли еще повыше на лѣстницу. Хозяинъ постучался, сказалъ, кто и за чѣмъ, и когда изнутри отперли, онъ отошелъ, говоря, что Г. Штоквель не говоритъ иначе, какъ одинъ на одинъ.

Лишь только вошелъ Констаншинъ и увидѣлъ хозяина кварширы, какъ оба почти ошеступили другъ ошъ друга: послѣднй ошъ неожиданности видѣнй молодаго человѣка; первый ошъ того, что тошъ въ своемъ

Весель-Индскомъ блзломъ упреннемъ илашь показался ему еще болзе похозимъ на мершвеца, нежели вчера; однако скоро Констаншинъ оправился и со свойственною ему смѣлостію сказалъ: „Государь мой! я пакъ много слышалъ ошъ хозяина этого дома о вашей добротѣ и благошворительности, что уже ни сколько не сомнѣваюсь, чтобъ не вы были шомъ благодѣтель, который...“

— „Чѣмъ могу я“ — прервалъ его богашый бриллианщикъ съ дружескимъ, но смущеннымъ видомъ: „чѣмъ могу вамъ служишь? — Я помогаю охотно, гдѣ могу, но“ — прибавилъ онъ съ пронцашельнымъ взглядомъ: — „я долженъ знать тѣхъ, кому помогаю.“

„Вы и не зная меня“ — ошвѣчалъ Констаншинъ: — „хотѣли мнѣ сдѣлать благодѣяніе, котораго однако я приняшь не могу; я бѣденъ — это правда, если шолько это унишительное прозвище даюшь тѣмъ, кто долженъ шрудомъ пріобрѣтать свой кусокъ хлѣба; но я богашъ, пошому что у меня всегда ешь, сколько мнѣ надобно. Эти пятьдесять червонцевъ“ — продолжалъ онъ, вынувъ пакешъ: — „которыя вы шайно ко мнѣ доставили...“

— „Какъ! что?“ возразилъ Индѣецъ въ примѣшномъ замѣшательствѣ: — „я — вамъ?

да мы и не знаемъ другъ друга, государь мой!
— или... вы, можете быть, меня знаете?"

„Зачѣмъ не говоришь откровенно, когда мы навѣрное понимаемъ другъ друга?" — продолжалъ Констаншинъ искренно: „я нашла сегодня у себя это золото съ маленькой запиской, адресованной на мое имя. — Вы, какъ я слышу, богаты и щедры, — меня никто не знаетъ въ этомъ городѣ, спало бытъ и вы; — причины, васъ побудившія, мнѣ неизвѣстны, но почему бы вамъ не сказать откровенно: вы нравитесь мнѣ, и это заставило меня оказать себѣ благодеяніе?"

„Пятидесять червонцевъ?" прервалъ его опять Индѣецъ съ такимъ видомъ, кошорымъ какъ будто хотѣлъ сказать, что Констаншинъ ему не совсѣмъ-то понравился.
„Что жъ? поздравляю! въ ваши лѣта, я не заставилъ бы просить себя въ другой разъ; право, я бы тогда на все согласился за такой кладъ." Онъ схватилъ пакетъ, взглянулъ на деньги и спалъ читая письмо, сначала громко, потомъ вдругъ понизилъ голосъ и ошановился. „Прекрасно!" продолжалъ онъ, подумавъ: — „Тутъ и причины очень ясны, и за всѣмъ тѣмъ еще вы не рѣшаетесь принять?"

„Кажешся, я угадалъ, ошъ кого подарокъ — кажешся, я изъясилъ благодарность свою, кому слѣдовало“ — сказала Конспаншинъ, ошходя.

— „Вы не хошите принять? спрашно!“ продолжалъ Шшоквель, окидывая быспрымъ взоромъ молодаго челоувка. — „По какой же причинѣ? Эшо не ошъ меня, говорю вамъ. — Положимъ“ — примолвилъ онъ просяжно: — „если бъ я и выдалъ себя за прежняго владѣльца вшихъ денегъ, чшобы вы чрезъ шо выиграла? Какія были бы послѣдствія?“

„Никакихъ!“ ошвѣчалъ Конспаншинъ, еще немного въ досадѣ ошъ прежнихъ возраженій Индѣйца, которыя, какъ ему казалось, еще болѣе ушверждали его предположеніи: „Никакихъ; пошому что я неспособень къ двумъ вещамъ: не дамъ подкупить себя къ молчанію, ни въ какомъ случаѣ, не могу быть и донощикомъ.“

Шшоквель, примѣшно пораженный, пошупилъ глаза: „Чшо хошите вы шѣмъ сказать?“ возразилъ онъ, не давъ никакого шона своему голосу, слишкомъ нешвердому, и бросивъ на него проицашельный, бѣглый и робкій взглядъ. „Я васъ не понимаю — со-всѣмъ не понимаю.“

— „Я ошвѣчаю на собшвенныя ваши слова, или, если угодно, на шо, чшо здѣсь

написано, и что, конечно, для васъ гораздо понятнѣе.“

„Шпоквель посмопрѣлъ на него съ изумленіемъ: — „Что здѣсь написано?“ — пошпорилъ онъ, поспѣшно, отдавая ему письмо, какъ будто оно загорѣлось въ рукахъ его: — „Прочтите мнѣ, что здѣсь написано — я дурно вижу безъ очковъ. Все для меня загадка, какъ и для васъ, государь мой; прочтите мнѣ!“

Въ этомъ случаѣ было въ немъ что-то непришворное, такъ, что Конспаншинъ и самъ сжалъ сомнѣваться. Онъ началъ читать письмо вслухъ; въ это мгновеніе тайный смыслъ письма, вблизи такого человѣка, какъ будто вливалъ въ него ужась, но еще небольшой, въ сравненіи съ тѣмъ, какой обнаруживался въ Индѣйцѣ при чтеніи каждаго слова. И едва только сей послѣдній, съ примѣсно колеблющеюся швердоспію, выслушалъ письмо до конца, какъ онъ сжалъ и смѣлъ его въ рукѣ Конспаншина, восклицая: „Убійство — молчаніе! да, да! Богъ знаетъ, чего не хопите вы наклепать на меня этими словами и этимъ тономъ! Подише, сударь! Развѣ хопите накинуть мнѣ петлю?—Что значить это? Въ самомъ ли дѣлѣ думаете, что такое письмо ошъ меня? Говорите прямо! Конечно гнусное

лице мое внушило вамъ такія мысли? — Да, да! я знаю: это пятгопяющее на мнѣ проклятіе, которое дѣлаетъ меня всѣмъ людямъ подозрительнымъ, оправляетъ мнѣ всѣ радости, навлекаетъ мнѣ“ — продолжалъ онъ, схватясь за снурокъ и сильно звоня въ колокольчикъ: „поклепы, оскорбленія, насмѣшки; потому-то называюшъ меня Голшпеншпомъ, дьяволомъ, пугалой, ошъ котораго бѣжишъ весь свѣшъ. О, я знаю, это очень хорошо! Я вовсе одинокъ въ мѣрѣ; за какое преступленіе, за какое тяжкое прешупленіе моихъ родителей дано бытіе такому чудовищу? — Хозяина, позови хозяина!“ закричалъ онъ вошедшему слугѣ: — „Оспавьте меня, сударь! я такъ распржеженъ — благодарите Бога, что я васъ такъ оппускаю — или нѣшъ, подождите — пусшъ придетъ хозяинъ — подождите!“

Константинъ не могъ устоять противъ этого, не бывъ распрганъ въ душѣ; уже исчезло въ немъ чаяніе убійства, слишкомъ опрометчивое; сильное, чувство споль небыкновеннаго несчасія, выразавшееся въ словахъ богатаго человѣка и на глазахъ его, омоченныхъ слезами оскорбленія, привели и его въ умиленіе. Онъ подошелъ послѣшно къ нему и взялъ его за руку.

„Не сердись на меня“ — сказала онъ тихо: „я былъ увлеченъ обстоятельствомъ. Повѣрьте мнѣ, горячее человѣческое сердце подъ всякою оболочкою будетъ умѣть дать себѣ цѣну: это видите вы на моемъ раскаяніи. — Клянусь Богомъ! я не имѣлъ намѣренія васъ обидѣть.“

Тронутый Индѣецъ смотрѣлъ на него въ изумленіи: „Повѣрьте и мнѣ“ — сказала онъ — „что я не золь, что я не злодѣй; лице мое лжетъ, но изъ этой лжи ополкнули меня опъ себя люди, еще въ такое время, когда все злое, написанное на лицѣ моемъ, не могло бытъ даже естественно. Я люблю золото и драгоценные камни — это правда; я стараюсь приобрести ихъ, потому, что бездушныя вещи остаются мнѣ вѣчны, а на людей давно уже я не полагаюсь — они всегда опъ меня бѣгаютъ.“

„Вы вѣрно попадали только на легкомысленныхъ глупцевъ, каковъ былъ и я“ — сказала Констанція, сжимая его руку.

— „Всѣ судили только по наружности“ — продолжалъ Индѣецъ: — „и потому судили жестоко. Если бъ вы, молодой человекъ, могли окинуть взоромъ всю мою прошекшую жизнь, вы ужаснулись бы, какъ теперь ужасаетесь лица моего; — спали бы за меня ненавидѣть людей.“ — Онъ умолкъ

на мнѣшу, смотря испытующимъ взоромъ на юношу, который опиралъ на вернувшуюся слезу. „На васъ“ — продолжалъ опять Индвѣць: — „не могу я положиться, какъ и на другихъ, но мнѣ уже все равно. Только одно существо проливало слезы о судьбѣ моей, но эти слезы, окаменѣли на глазахъ отъ ужаса, когда я даль увидѣть свое лице, и мое сердце тоже окаменѣло. Хочу рассказать вамъ кое-что о себѣ: можешь быть, въ эпоху часъ небо ниспосылаетъ счастье и научить хоть одного человѣка думать обо мнѣ снисходительнѣе, — Я родился богатъ и вмѣстѣ бѣденъ или жалокъ, потому что съ собою принесъ цвѣтъ могилы на бѣлый свѣтъ. Даже кормилица съ ужасомъ клала меня къ своей груди. Ко всемъ простиралъ я руки, но все меня опшлкивали. Тогда жедчь, какую назито было мое лице, раздллась и въ моемъ сердць. Въ досадѣ бросалъ я все, даже богатство, пока наконецъ не вразумился изъ тысячи опчаянныхъ опытовъ, что жизнь не можеть имѣть другихъ для меня радостей, кромѣ шѣхъ, какія достаются за деньги. Любовь — высочайшее счастье людей — въ моей груди сдѣлалась мученіемъ, потому что ее нельзя было купить. Я румянился, чтобы не быть пропивнымъ, но и румяны не держались на щекахъ моихъ. Вмѣ-

што соспрананія возбуждалъ я смѣхъ. — Дру-
зей, искреннихъ друзей пріобрѣсть я не могъ;
со скрежемъ зубовъ смолрълъ я на сча-
стіе другихъ, для меня недоступное. Нако-
нецъ нашелъ я двушку; наученный опытомъ,
я обмануль ее на счепъ лица моего, и не му-
дрено было, по ея молодости и полношѣ
чувствъ. Къ шому же помогли мнѣ общоя-
пельства: я показывался ей шолько въ су-
мерки и при лунномъ свѣтѣ, котораго об-
манчивые лучи одни мнѣ благопріятствова-
ли. Она полюбила меня; я воспоржештво-
валъ. Слишкомъ рано! Когда явился ей при
дневномъ свѣтѣ, видъ мой возбудилъ въ ней
невольный ужась, кошорый убилъ возродив-
шуюся любовь въ насъ обоихъ. — Только
золото, шолько блескъ драгоценныхъ камней,
къ кошорымъ съ шѣхъ поръ обращилъ я всю
свою любовь, оспавались мнѣ вѣрны; пошо-
му-шо и распавашься мнѣ съ ними всегда
не легко“ — примолвилъ онъ глухимъ голо-
сомъ.

Тупъ вошелъ хозяинъ, и вдругъ увлекаю-
щій жаръ, съ какимъ говорилъ дошоль Ин-
двецъ, перемѣнился въ мершвенную холод-
ность, покрывшую, какъ бы шуманомъ, лице
его. „Хорошо, что вы пришли“ — сказала
онъ недовольнымъ шономъ хозяину: — „будь-
ше моимъ свидѣтелемъ. Скажете, поручалъ

ли я, вамъ, или кому нибудь изъ домашнихъ вашихъ, опнеси письмо въ комнату этого господина? ходилъ ли я самъ шуда? спрашиваешь ли я, въ какомъ номерѣ живешь онъ? ешь ли у меня поддѣльные ключи? такой ли я благодѣтельный гаунецъ, который бы по пустому бросалъ свои деньги?" — Все это произносилъ съ возрастающею горячностью; попомъ, самъ себя перерывая, прибавилъ: „Я не хотѣлъ, а все таки разгорчился отъ досады; желчь опять разрисовала лице мое, какъ у сняшаго съ висѣлицы. Возмите эти червонцы для бѣдныхъ, г. хозяйинъ! — Мешалъ всегда равнодушень; онъ не годится тому, кто не умѣетъ сохранять равнодушiя. — Поди же съ Богомъ, государь мой! — Мнѣ дѣла нѣтъ до вашихъ секретовъ; прошу васъ только уважить мою опкровенность. Я васъ не знаю — вы меня тоже — это прошу объявить въ присутствiи вашихъ этого шрестьяго.“

„Объявляю“ — сказалъ Конспаншинъ, весьма удивленный всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ — „что я въ самомъ дѣлѣ въ васъ ошибся.“

Тутъ ушелъ онъ поспѣшно въ свою комнату, болѣе нежели когда-либо ушвержденный въ своемъ мнѣнiи, что подарокъ полученъ точно отъ этого страннаго человека;

еще болѣе убѣждался онъ въ вѣдомъ при чтеніи письма и соображеніи со всѣмъ случившимся, особаииво, когда пришло ему на умъ слово *молчаніе* опнеспи къ своему опрометчивому вчерашнему поступку. Въ то же время размышляя онъ, что хотя смыслъ письма очень загадоченъ и страненъ — странный, какъ самъ Индѣецъ — но что въ немъ есть что-то очень благородное. Тогда спалъ онъ считаясь подаркомъ знакомъ только признательности за то, что онъ своими вдохновенными рѣчами потрясаетъ сердца людей, заставляя ихъ быть снисходительными къ подобнымъ себѣ. Въ вѣпихъ мысляхъ подковалъ уже онъ поступки Индѣйца при свиданіи съ нимъ — при шворсшвомъ, хотя также весьма страннымъ, но принятымъ, какъ онъ думалъ, для того, чтобы опклонить благодарности и не быть принужденнымъ взять подарокъ назадъ. Въ такомъ расположеніи духа былъ онъ немало обрадованъ приходомъ запоздавшего своего пріятеля, и тѣмъ, что сей потчасъ напомнилъ ему о письмѣ, кошорое должно было послать на почту; пусть показалось Констаншину, что посылать часть денегъ къ машери, онъ воззовешъ на дашеля благословеніе Неба; однако вчерашняго письма, уже запечашаннаго, не хотѣлъ онъ послать — сълъ писать другое,

и написалъ корошка и привѣшливо, но уже не съ такою искренностію, какъ прежде, кошорое оспавиль нераспечашаннымъ въ своемъ бумажничкѣ. Потомъ со вздохомъ опсчишалъ онъ деньги и подѣ какимъ-шо предлогомъ попросилъ пріятеля взять у Банкира вексель на 20 луидоровъ. — Въ швердомъ намѣреніи забышь все случившееся, опсправился онъ съ пріятелемъ осмашривашъ до-спопамятноспи города, а вечеромъ случилось имъ опяшь прійти къ ужину въ шу же геспинницу.

Тамъ нашли они почши шо же общеспво, какъ и вчера, за исключеніемъ полько Индѣйца. Нѣсколько лицъ было новыхъ; всѣ они вспрѣшили Коншаншина съ примѣшнымъ учаспиемъ — знакъ, что вчерашній разговоръ обрашилъ на него вниманіе бывшихъ при шомъ геспей и ихъ пріятелей. Такая внимашельноспъ лѣспила самолюбію молодого человека, и онъ провелъ нѣсколько пріапныхъ и веселыхъ часовъ, въ продолженіе которыхъ познакомился со многими своими собесѣдниками. Они просили его прійти и на другой день къ обѣду.

Коншаншинъ дѣйспвишело явился въ назначенный часъ, но въ шо же время хозяйнъ съ смущеннымъ видомъ далъ ему знакъ слѣдовашъ за собою, и когда вришли они въ

его горницу, ожидавший шумъ полицейскій чиновникъ предъявилъ ему повелѣніе Правительствa, черезъ двое сутокъ выѣхать изъ города, при чемъ въ короткихъ словахъ приговорила, что для собственной пользы не прощившись онъ этому и не вывелъ какой нибудь испорки. Такимъ дружелюбнымъ средствомъ хотѣли отъ него избавиться, съ тѣмъ, что онъ, показавъ себя разъ неосторожнымъ въ рѣчахъ, не навлекъ себя въ послѣдствіи еще большихъ непріятностей.

Онъ молчалъ, но внутри его кипѣла твердая рѣшимость не слушаться приказанія. Возвращаясь къ столу, прочиталъ онъ на лицахъ многихъ собесѣдниковъ, что хозяинъ пражскаго не скрываетъ отъ нихъ происшедшаго; но между тѣмъ замѣтилъ и то, по ихъ ласкамъ и усугубленной внимательности, что они, какъ и онъ, приписывали это мщенію оскорбленнаго имъ незадолго полицейскаго чиновника.

Уже наступала вечеръ. Конспаншинъ сидѣлъ въ углу своей комнаты и разсуждалъ о несносномъ днѣ, который почти готовъ былъ послѣдить на ряду съ несчастными для себя днями, тѣмъ болѣе, что съ самаго утра былъ онъ не въ духъ — недоволенъ собою и другими. Вдругъ кто-то постучался у дверей, и на опозывъ Конспаншина

двинулся маленькій полстый челоуѣкъ, въ которомъ легко было узнать помощника того нѣмага игрока, что выигралъ часшъ изъ завѣшанныхъ 20 лундоровъ.

„Извинице, государь мой“ — сказала онъ, вошедши: — „что совсѣмъ не имѣя чести васъ знать, я долженъ сдѣлать вамъ спранный предложеніе. Господинъ мой жадаешъ васъ видѣть у себя. — Угодно ли вамъ будете къ нему пожаловать?“

— „Кто жъ этошъ господинъ?“ спросилъ Конспаншинъ.

„Лордъ Эгдешонъ. Вы можете быть замѣтили его: высокій, худошавый мужчина, который всегда садится на концъ стола. Хотя онъ очень щихъ и не жадаешъ быть замѣченнымъ, но самъ не пропускаешъ ничего, достойнаго вниманія. Вы ему очель подлюбились, и онъ конечно изъявилъ бы вамъ прежде свое участіе хоть нѣсколькими словами, но онъ вовсе нѣмъ.“

— „Нѣмъ?“ повпоришь Конспаншинъ.

„Такъ шочно, сударь! внезапная печаль ошнела у него языкъ. — Я“ — примолвилъ слуга, подумавъ и съ поклономъ: — „я сдѣдался, шакъ сказашъ, его органомъ.“

Завлеченный любопытствомъ, Конспаншинъ не задумался послѣдовать за проводникомъ своимъ.

Они вошли въ прекрасную небольшую залу, недалеко отъ Конспаншиновой комнаты. — Лордъ, во всемъ черномъ, какъ обыкновенно, приподнялся съ дивана, оподвинулъ сподвѣшій передъ нимъ столикъ, съ наложенными на немъ книгами и бумагами, сдѣлалъ слегка дружескій поклонъ и, подавая Конспаншину съ ласковымъ взоромъ листъ бумаги, попросилъ знакомъ прочесть.

Конспаншинъ, не слишкомъ знакомый съ Англійскимъ языкомъ, взялъ листъ не безъ замѣшательства, но съ большою радостью увидѣлъ вдругъ, что на немъ написано по-Нѣмецки и весьма четкимъ, даже красивымъ почеркомъ. Вошь, въ чемъ состояло содержаніе :

„Говоряшь про насъ, Англичанъ, что мы любимъ странности; знають также, что мы ничего для нихъ не щадимъ. Я говорю это прямо, желая именно того, чтобы между нами чѣмъ нибудь лучшимъ, нежели мои гинеи, упрочили союзъ дружества. Вчера за столомъ говорили вы, что хотѣлось бы вамъ посмотрѣть свѣтъ. Я поже не все въ немъ еще видѣлъ, и мнѣ нуженъ — ну-женъ, говорю я, — веселый, умный сопутникъ. Вы кажешесь мнѣ такимъ, какого я предспавлялъ себѣ, хотя еще и не искалъ. Здѣсь задержала меня какая-то сонливость

духа. Сегодня вдруг узнаю, опъ нашего сполько же скрышнаго, какъ и болшливаго хозлина, какимъ образомъ озлобленная ничтожность желаетъ надъ вами пошѣвшися; пошчасъ пригошовилса я къ опъѣзду, съ шѣмъ шолько, если ваша веселая молодость согласится наложить на себя нѣмое бремя, человекъ, которъй съ своей спороны будешъ спарашьса доставишь вамъ сполько же удовольствія, сколько надѣешся получишь въ сообществѣ вашемъ.

„Мнѣ нужны: ваши живыя юношескія чувства, ваша непринужденная веселость, и, что еще дороже — ваша дружба, короче все, чего недостаетъ мнѣ, что вы мнѣ доставишь можете. Путешествіе — куда вы захошите назначишь; образъ жизни, кругъ знакомства — будущъ зависѣшь опъ васъ же. Безмолвно и ни мало не мѣшая вамъ, буду я всѣмъ наслаждаться, все перенося въ сообществѣ вашемъ, такъ долго, какъ вамъ вздумается; за то не оставляйте сообщати мнѣ всѣ ваши виды, всѣ помышленія — лучшее, доспояніе ваше. Что я не упошребляю во зло ни довѣренности вашей, ни времени, въ эшомъ положишесь на меня. Хошше — шогда скажише мнѣ корошко и ясно: да! Въ шакоемъ случаѣ не мудроно бу-

дешь ошсторонишь маленькiя препяшствiя, которыя могушь встрѣишься.“

Конешаншинъ, прочишавъ и виъ себя ошъ удивленiя, а можешь бышь и ошъ радости, опушилъ руку, въ которой держаль дискъ, Лордъ подалъ ему шощасъ свою, съ вопрошающимъ взглядомъ. Громко раздадось швердо произнесенное да! Лордъ обнял новаго своего друга.

„А препяшствiя?“ написалъ онъ на лежашей шущъ же аспидной доскѣ.

— „Никакихъ!“ ошвѣчалъ Конешаншинъ, „Я напишу только къ своей мапушкѣ, а еще лучше, если мы сдѣлаемъ небольшой объездъ къ нашему Университету, а попомъ въ городокъ, гдѣ живешь она. Тамъ, въ своихъ объшiяхъ благословишь она меня къ вышшимъ назначенiямъ жизни, и шогда уже я весь вашъ.“

„Хорошо же“ — написалъ Лордъ: „завтра, въ 11 часовъ пошпру, коляска будешь гошова; шеперь до свиданiя!“ — И все шакъ и было. Конешаншинъ забыль, чшо его выгоняюшь изъ города; повидался съ прiяшелемъ своимъ, и очень его обрадовалъ; когда же двое путешешвенниковъ, или лучше, шрое, пошому чшо шарикъ Вудъ, вѣрный слуга Лорда, его дворецкiй, камердинеръ и расходчикъ, былъ съ ними неразлученъ — когда

всѣ прое заѣхали въ бѣдную хижину Констанциновой матери, умная женщина подъ радостною улыбкою скрываетъ свои слезы, проливъ ихъ уже послѣ разлуки въ теплой жолѣбѣ о счастіи сына.

Лордъ умѣлъ изъ непринужденныхъ, веселыхъ разговоровъ Констанцина угадывать, гдѣ больше хочется ему побывать, и путешествіе дѣлалось дѣйствительно по желанію молодого спутника, хотя самъ Лордъ назначалъ его. Около двухъ прешей года ходили они по свѣцу, довольные всегда собою и занимательными приключеніями, которыхъ мы не спанемъ однако рассказывать: гораздо важнѣе для насъ ихъ взаимныя дружескія отношенія и все, что къ тому относится. Для посторонняго наблюдателя могло бы конечно показаться, что вдушь вмѣстѣ молодой человекъ, жаждущій наслаждаться жизнью, и угрюмый меншоръ, которому шопъ подчиненъ съ дружескою, почти съ дѣтскою преданностію; но внимательность доказала бы, что такихъ отношеній не можешь бытъ между людьми, считающими разницу возраста меньше, нежели десятию годами. Хотя же нѣмоща старшаго и потому самому сугубо нѣжная понечительность о немъ младшаго опдавали мысль о шѣсномъ союзѣ ихъ; но напрасно думаютъ,

что вольное обращение необходимо между друзьями; оно не только не усиливает дружества — гораздо чаще вредит ему, особенно, когда друзья споятъ не на одной степені гражданского быта.

Между пѣвмъ Лордъ Эгдешонъ въ дружескомъ сообществѣ Конспаншина, казалось, молодѣлъ съ каждымъ днемъ; по крайней мѣрѣ спановился не такъ уныль, не такъ задумчивъ, а изрѣдка выказывалъ даже необыкновенную живость, кошорую однако, какъ будто одумавшись, спарался пошчасъ обуздашь. Старый Вудъ радовался такой перемѣнѣ, и часшо, въ добродушной болшавности, къ кошорой впрочемъ не всегда былъ склоненъ, изьявлялъ благодарность Конспаншину за то, что онъ сдѣлалъ господина его доступнѣе къ жишейскимъ удовольствіямъ. За всѣмъ пѣвмъ ближайшія отношенія Лорда все еще осшавались шайною для молодого друга его, да онъ и не позволялъ себѣ никакого на счетъ шого вопроса или намѣка, опасаясь возбуждѣть какія нибудь шягосшныя воспоминанія. Только однажды случилось Конспаншину спросить шарика Вуда: „Давно ли находишься Лордъ въ шакомъ положеніи?“

— „Съ шѣхъ поръ, какъ не спало Миледи“ — было ошвѣшомъ.

„Такъ онъ очень любилъ ее?“

— „Не шо, чшобъ очень любилъ“ — отвѣчалъ Вудъ, спараясь ошклонить дальнѣйшіе вопросы.

„Что же?“ возразилъ Конспаншинъ, не обраща вниманія на замѣшательство Вуда.

— „Она убита!“ отвѣчалъ спарикъ почпи сквозь зубы и просилъ не спрашивать болѣе, говоря, что ему вельно молчать на счешъ этого.

Конспаншинъ и не спрашивалъ; пустаго любопытства онъ не перпвлъ. Довольно ему было и шого, что его спаранія дѣйствовашь на увнлую душу добраго спушника, котораго любилъ опъ души, были не бесполезны. Уже могъ Лордъ по цѣлымъ часамъ и съ веселымъ духомъ, слушать его сужденія, хопя не всегда новыя, но всегда свѣжія, о разныхъ случавшихся съ ними происшествіяхъ; иногда и самъ оживлялъ разговоръ короткими, но рѣзкими письменными замѣчаніями. По вечерамъ Конспаншинъ съ охотою читалъ ему книги, хопя Лордъ всегда гналъ его изъ дому, чшобы онъ въ другихъ, болѣе веселыхъ обществвахъ, спарался вознаградишь себя за наложенные на него оковы; случалось даже, что онъ и самъ ему сопуществовалъ, и не смошря на свое безмолвіе, умѣлъ живою игрою лица возбуждашь участие во всѣхъ присущивующихъ. Иногда

бывало и то, что Констанцинь, увлекаемый живою юности, вдался в шалости; Лордъ и въ томъ не отставалъ отъ него, хотя юный другъ его часто самъ раскаивался, представляя себѣ, что могъ вовлечь въ неприязннсти. Но до того никогда не доходило; вообще такіе случаи были рѣдки, и то Лордъ не всегда являлся въ обществѣ подѣ собственнымъ своимъ именемъ, а болѣею частію слылъ за Констанцинова гувернера, къ немалому огорченію старика, Вуда.

Между тѣмъ случилось происшествіе, которое подало поводъ Констанцину бросить быстрый взглядъ въ глубину души его благодѣтеля. Это было то достопамятное время, когда надъ всею Германіей носилась грозная туча, спиравшая воздухъ для каждой груди, свободно дышащей — когда чужія войска, подѣ видомъ друзей, проходили чрезъ чуждыя имъ страны и занимали своими гарнизонами всѣ крѣпости — когда сыны Германіи подѣ мундирами, насильственно на нихъ надѣвшими, скрывали враждебныя чувства, и когда наглые властелины хотя и не подозрѣвали измѣны, однако не упускали никакихъ мѣръ для предупрежденія оной. — Наши путешественники, пробѣгая чрезъ одну крѣпость, остановились въ ней на мѣ-

сколько дней, для отдыха, а еще больше потому, что Констаншинъ нашелъ тамъ одного изъ своихъ Университетскихъ приятелей, кошорый, по обстоятельству, принужденъ былъ переменить свое мирное назначеніе на ремесло военное.

Одинъ изъ сихъ дней, назначенъ былъ для воинскихъ маневровъ, къ кошорымъ молодой офицеръ пригласилъ обонхъ путешественниковъ, имѣя случай дать имъ мѣсто близъ назначеннаго для него поста, откуда могли они насладиться вполне зрѣлищемъ воинскихъ упражненій. По окончаніи ихъ, пошъ же офицеръ зазвалъ ихъ и многихъ поварищей къ себѣ на успроенную имъ съ немалымъ трудомъ и издержками пирушку. Все шло какъ нельзя веселѣе, пошому что все было въ цвѣтѣ юности; но съ закатомъ солнца надлежало распаться: военный порядокъ требовалъ, чтобы тогда никто изъ постороннихъ не оставался въ крѣпости. Не смотря на то, приятель Констаншина все удерживалъ путешественниковъ посидѣть у него подольше, говоря, что онъ позаботился о безопасномъ ихъ выходѣ. „Ты завтра ѣдешь, Констаншинъ“ — шепталъ онъ ему по-дружески: — „а мы не успѣли еще и поговорить хорошенько; кто знаешь, когда опять свидимся. Сегодня же, изъ одно-

го челоуѣколюбія надобно пособишь мнѣ про-
вести длинный, безъ васъ очень скучный ве-
черь, шѣмь больше, когда я буду воображать,
что вы близко, а я здѣсь одинъ въ караулѣ.
Будьте покойны! я все шакъ успрою, что
никто объ васъ не узнаешь.“

Константинъ посматривалъ на Лорда
и видя на лицѣ его согласіе, оспавался. Ча-
сы лешали, и когда ударило девять, офицеръ
самъ призналъ нужнымъ оппустить ихъ
прежде, какъ говорилъ онъ, нежели придеши
рундѣ. „Я хощѣлъ“ — продолжалъ онъ: —
„дашь вамъ проводника, но шеперь шолько
узналъ, что меня посѣпиши самый взыска-
пельный офицеръ, почему и должно, чтобы
всѣ мои люди были на лицо. Но будьте по-
койны. Мѣсяць свѣпиши ясно; вы не собь-
шесь съ дороги. Я надѣну на васъ военныя
шинели и офицерскія фуражки. Вамъ прохо-
дишь мимо двухъ шолько часовыхъ; оба спа-
нушь окликашь. Пароль у насъ“ — шепнулъ
онъ на ухо: *Парижъ*. Не забудьте же это-
го слова!“ воскликнулъ онъ громко и смѣю-
чись: „а не шо вѣдь наши молодцы не шу-
пяшь: шотчасъ засвиспишь пуля.“

Друзья въ спокойномъ духѣ пошли до-
мой. Вечеръ былъ прекрасный. Прелести
окрешной природы, веселящее душу вино,
заманчивыя воспоминанія юности, возбуж-

денныя живымъ разговоромъ пріѣхавъ, все пакъ дѣйствовало на Константина, что онъ предавался сильному восторгу, въ кошоромъ Лордъ чрезвычайно любилъ его видѣть. Юноша, знавшій вшо и справившійся всегда чѣмъ нибудь заставивъ своего друга забыть о его несчастіяхъ, предавался совершенно вліянію своего пылаго воображенія, изливая размягченную душу въ начертаніи живыхъ картинъ его. Вдругъ раздалось, совсѣмъ неожиданно: кто идешь?

Идучи, ошвѣщивовалъ Константинъ бѣгло: „свой!“

— „Спой! говори пароль!“ воскликнулъ топъ же голосъ. Константинъ остановился, пораженный шѣмъ болѣе, что слово, кошорое хотѣлъ уже онъ произнести, вдругъ ускользнуло изъ памяти. Прѣжнее вдохновеніе зашмило его шакъ, что оно, какъ говорится, вершѣлось на языкъ, но не давалось.

„Ошвѣчай, или выспрѣаю!“ закричалъ часовой еще разъ. Константинъ вдругъ сдѣлалъ движеніе, какъ будио въ опчаяніи хочешъ защитишь грудь своего друга; но сей сильно опшолкнулъ его и, пошачиль за собою, вскричавъ шоропливо: *Парижъ!* — Все вшо было мгновенное дѣло.

Оба молча пошли далѣе. Константинъ былъ какъ въ шуманъ: онъ не могъ еще опо-

мнишься ни ошъ страха опасности, въ какую вовлекло было ихъ его легкомыслие, ни ошъ изумленія, что другъ его произнесъ роковое слово. Не прежде, какъ пройдя и впо-рую спражу, при чемъ юноша не забылъ уже выговорить таинственное слово, почувствовалъ онъ, что получилъ опять употребленіе языка и памяти. „Милордъ!“ вскричалъ онъ тогда: „я все еще виъ себя ошъ изумленія. Зачѣмъ вы молчите? дайше мнѣ опять услышать вашъ голосъ! Уже я почти радовался, вспомнивъ старинный расказъ и думая, что онъ подтвердился: говорашъ, что кто-то, лишась языка ошъ испуга или печали, заговорилъ опять ошъ новаго испуга. Какъ бы я сталъ благословляшъ свою неосторожность, если ошъ нее точно произошло такое же дѣйствіе. Говорите со мною, Милордъ, не мучьше меня!“

Но Бриганецъ молчалъ. Онъ пожалъ только руку своему товарищу и покачалъ головою. Въ первый разъ почувствовалъ Констанцинъ какой-то скрытый ужасъ въ присущствіи своего спутника, и шѣмъ болѣе усиливалось это неприятное чувство, чѣмъ пристальнѣе смотрѣлъ онъ на благородныя черты лица, которое ошъ сумрачнаго свѣта луны казалось еще угрюмѣе и блѣднѣе. Почти невольнo выпустилъ онъ руку

друга изъ своей и опдалися опъ него на шать разстоянїи.

Лордъ Эглешонъ гаубоко вздохнулъ и бросилъ на Констаншина смущенный, почти дикїй взглядъ, въ которомъ было что-то столь непонятное и вмѣстѣ столь разительное, что разлившїйся въ юношѣ ужасъ попрыска въ немъ всѣ члены. Теперь казалось уже, что голосъ спутника сдѣлалъ неммымъ его самого. Тишина вокругъ не была уже нарушаема говорливою веселостїю Констаншина; только шопотъ идущихъ опдался въ пустынной окрестности. Такъ пришли они домой. Констаншинъ былъ почти въ помѣшательствѣ: пайная, мрачная игра его необузданнаго воображенїа вскружила ему голову.

Когда вошли они оба въ хорошо освѣщенную комнату, Констаншинъ бросилъ боязливый взглядъ на Лорда и былъ удивленъ, увидѣвъ на лицѣ его обыкновенное спокойствїе. Еще было не слишкомъ поздно, но встревоженный юноша имѣлъ нужду въ уединенїи; онъ сдѣлалъ движенїе, чтобы удалиться; казалось, что онъ или все еще не могъ говорить, или не зналъ, что говорить ему должно. Но Лордъ, еще въ первый разъ съ повѣдительною миною далъ ему знакъ сѣсть на диванъ, а самъ между тѣмъ писалъ что-

*

шо и опдалъ пошомъ Вуду. Такъ просидѣли они съ чешверть часа другъ подѣ друга въ глубокомъ молчаніи; Бришанецъ погруженъ былъ въ думы, а Конспампинъ поглядывалъ на него скоса, въ ожиданіи, что будетъ. — Едва ли когда нибудь прежде два невинные слога, дающіе названіе доброму городу Парижу, возбуждали такую сумашоку въ чувствахъ двухъ друзей, или служили къ такому внезапному разрыву споль пѣсныхъ и дружескихъ отношеній.

Наконецъ вошелъ Вудъ съ небольшою чашею кипящаго пуншу, и поставилъ его на круглый сполькъ передъ диваномъ. Лордъ подалъ ему знакъ, чшобъ онъ вышелъ, вспалъ пошомъ съ быспрымъ движеніемъ, заперъ на замокъ двойныя двери, между которыми былъ порогъ въ аршинъ шириною, и возвратился къ сполу. Тушъ налилъ онъ спаканы и сдѣлавъ порядочный глотокъ изъ своего, вынулъ часы, положилъ ихъ на споль, внимательно посмошрѣлъ на спрѣлку — сълъ и началъ хорощимъ Нѣмецкимъ языкомъ говорить слѣдующее:

„Не природа, а обшпъ сдѣлалъ меня нѣмымъ; непредвидѣнная необходимостъ нарушила его, такъ некспаши, что я — съ горестію, но безъ удивленія вижу эшо — я могу подвергнушъся недовѣрчивости своего

друга, если не разгадаю ему загадку, копорая дѣлаешь меня ненавистнымъ чудовищемъ въ глазахъ его. Послѣ я снова наложу на себя оковы, копорья, хопя бы обѣщъ мой была и глупосшь, не должны еще, по мнѣнію моему, бышь сняшы. — Вы, любезный Конспаншинъ, единспвенный изъ живущихъ существъ, копорому доселѣ измѣнена моя пайна. Я принимаю это знакомъ того, что *долженъ* вамъ опкрышься; — въ помъ, что могу безопасно это сдѣлать, я давно уврениъ. Могъ бы я вамъ сообщитъ все, что услышите, письменно, но надобно, чтообы каждое слово исчезало, какъ скоро произнесено будешъ, и сохранялось только въ вашей вѣрной груди. Припомъ же свободная рѣчь изъ души въ душу убѣдитъ васъ болѣе, что мой обѣщъ, хопя и вамъ даже можешъ онъ показашся пустою игрушкою, для меня очень важень. Время, какое упопроблю на расказъ“ — примолвилъ онъ, взглянувъ еще разъ на часы: „замѣню послѣ, если Провидѣнію угодно будешъ, чтообъ когда нибудъ рѣшилась судьба моя. И пакъ прошу васъ не прерывашъ меня, или какъ можно рѣже.“

(Продолженіе впрѣдъ.)

Ф И Л О С О Ф И Я

О неовходимости предположеній въ умозрительныхъ Наукахъ, и о способъ правильно мыслить.

Всемогушій Богъ, для познанія шворенія Своего, надѣлилъ людей разными способностями. Однимъ далъ силу изображенія, другимъ способность изслѣдованія, инымъ искусство описанія. Первые, наблюдая природу въ общемъ объемѣ, выдумываютъ предположенія къ объясненію главнѣйшихъ законовъ естественныхъ; вторые, разсматривая съ ббльшею подробностію какую, либо отдѣльную часть природы, выводятъ заключенія изъ самыхъ опытовъ и наблюдений; послѣдніе поподняютъ Науку шерминологією и подробными описаніями.

Такимъ образомъ ббльшая часть нашихъ познаній начально образуется въ мысляхъ или предположеніяхъ, доказывающа повѣркою съ природою или изслѣдованіемъ, и распространяюща описаніями въ различныхъ видахъ. Въ періодъ древняго языческаго просвѣщенія, когда Естественныя Науки начали только образоваться, примѣнно было болѣе

предположеній, нежели настоящихъ познаній. Древніе Философы, основавшіе Іонійское, Италійское и Елейское училища, при общемъ возрѣніи на природу, поражены были главнѣйшею мыслию : кѣмъ, изъ чего, и какимъ образомъ произведена вселенная? Но не имѣя предварительныхъ къ тому познаній, выдумали разныя системы или предположенія, кошорыя и оспались предметами споровъ и изслѣдованія для учениковъ и послѣдующихъ Философовъ.

Здѣсь не мѣсто разсуждать, до какой степени совершенства образовались Естественныя Науки въ древности, какія пошомъ были причины къ ослабленію и даже къ испреобленію любви къ Наукамъ, и въ какомъ жалкомъ состояніи находился умъ челоѳическій, до новаго возрожденія Наукъ въ Европѣ; довольно замѣшшь, что и въ періодъ нашего просвѣщенія Естественныя Науки образовались почти такимъ же порядкомъ, и что главнѣйшія открытія въ познаніи земли и неба явились прежде въ предположеніяхъ Коперника, Колумба, Невтона и прочихъ изобрѣшашедей, а пошомъ уже пояснились изслѣдованіями и распространались описаніями. Но теперь, когда умъ челоѳическій насытился, такъ сказать, познаніями, и когда для возбужденія двашель-

ности нашей къ дальнѣйшему усовершенствованію Наукъ Естественныхъ нужнѣ всего предположенія, родилось общее мнѣніе, что предположенія бесполезны въ Наукахъ, и что одни опыты и наблюденія руководствуютъ насъ къ настоящимъ познаніямъ.

Сіе мнѣніе есть также предположеніе, основанное на ложныхъ понятіяхъ и несогласное съ природою человѣческою. Если выкинушь изъ Наукъ предположенія, то что останешся для опытовъ и наблюденій? Самыя опыты могутъ ли производиться безъ предварительныхъ предположеній? Можно сказать, весь образъ жизни человѣческой основанъ на предположеніяхъ, образующихся безпрестанно въ мысленной способности. Даже безсловесныя животныя имѣють предположенія, когда сперегушь или гонящая за своею добычею.

И такъ, не почитая нужнымъ доказывать необходимость предположеній въ Наукахъ, надобно однако жъ оплечить предположенія, основанныя на соображеніи съ общими законами природы, ошъ предположеній, выведенныхъ ошъ причинъ часпныхъ, и ошъ шѣхъ, кошорыя происходятъ ошъ невѣжества, предразсудковъ и ошъ многихъ другихъ слабостей ума человѣческаго. Первыя; какъ молнія, освѣщаютъ Науку и проника-

юшь въ сокровеннѣйшія тайны природы; вшорыя, какъ вѣтры для корабля на морѣ, возбуждаютъ нашу дѣятельность; послѣднія, какъ ужасные ураганы, разрушаютъ все зданіе ума человѣческаго, и, по неизяснимымъ еще законамъ Предвѣчнаго, всегда неразлучны съ образованностію, и всегда, какъ злой духъ, преслѣдуютъ ясныя понятія. Можно написать цѣлую книгу въ доказательство на такіе примѣры. Не говоря о Анаксагорѣ, Сократѣ, и о многихъ другихъ древнихъ и новѣйшихъ Философахъ, пострадавшихъ за вѣрность своихъ предположеній, всѣмъ извѣстно, съ какимъ пренебреженіемъ принято было предположеніе Колумбово, открытыя на западѣ новую землю или Восточную Индію; а Галилея силою приневолили отказаться отъ тѣхъ предположеній, въ истинѣ коихъ никто нынѣ не сомнѣвается.

Благодареніе Всевышнему, мы живемъ въ такомъ вѣкѣ, кошорый очищенъ отъ сей пагубной заразы въ умѣ человѣческомъ, и благошворныя Правительсва одно передъ другимъ ревнуютъ о водвореніи на землѣ справедливыхъ понятій; за всѣмъ тѣмъ умъ человѣческій, даже и въ ученыхъ, зараженъ еще многими предразсудками и, можно сказать, что всякій вѣкъ посвященія имѣетъ какую нибудь особую склонность къ какой

либо опдѣльной Наукѣ, почиая прочія не заслуживающими большаго вниманія. Такъ во времена Парацельса, мысли ученыхъ обращены были на открышяе Философскаго камня и на средство дѣлать золото; въ процломъ вѣкъ до Лавуазьера, особенно принадлежали къ Машемашикъ и Геометрїи, со времени Лавуазьера, къ Химїи; а нашъ вѣкъ, кажется, преимущественнѣе любить заниматьсѣ терминологїею и частными изслѣдованїями, почиая все шо заблужденїемъ, что не входилъ въ составъ какой либо Науки, или что не подтвержено, полченїю, расщвору и выкладкамъ.

Такимъ образомъ, когда я въ мысляхъ о происхожденїи и образованїи міровъ осмѣлился предположить нѣсколько новыхъ предположенїй къ объясненїю важнѣйшихъ законовъ естественныхъ, шо предположенїя мои названы плодомъ размышлений, неуправляемыхъ опытами и наблюденїями (*). Но какъ предположенїя мои шакого рода, для которыхъ не изобрѣшены еще ни опыты, ни наблюденїя, кромѣ общїихъ познанїй, шо я обязанно-

---

(*) Указатель открышїй по Физикѣ, Химїи, Естественной Исторїи и Технологїи, издаваемый Николаемъ Щегловымъ. Томъ I. No 5. 1824 года стр. 675.

снью кочащаю пояснись здѣсь, на чемъ основаны мои мысли, и съ благодарностію приму наставленіе, если укажешь мнѣ лучшіе способы правильнѣе мыслишь о столь ошвлеченныхъ матеріяхъ.

О первомъ предположеніи моемъ, изъ чего сошворена вселенная, хотя почтенный Издашель Отечественныхъ Записокъ говоришь (*), что мысль моя извѣстна уже была древнимъ, и особенно изъ новѣйшихъ Гершелю; но я думаю, ни древніе, ни Гершелъ не предсхавили тѣхъ доказательствъ, на которыхъ я основалъ мое предположеніе. Оно не было ни мыслию, ни плодомъ одного размышленія, но слѣдствіемъ разложенія всей природы. Желая сколько возможно яенѣе поспигнуть столь ошвлеченную матерію, я разсмотрѣлъ напередъ весь міръ по существующимъ нынѣ познаніямъ; замѣнилъ величину ихъ и пространства, въ которыхъ они обращаются; пощомъ обратился къ земному шару и, взглянувъ вообще на поверхность, приступилъ къ разсмотрѣнію составныхъ частей того вещества, изъ котораго сложенъ шаръ земной, до такой глубины, до какой простираются наши свѣдѣнія, по

(*) Отечественныя Записки. Мартъ, 1821 года, стр. 343.

есть, до шрехъ тысячъ сажень ошь поверхноспи. Не оставилъ безъ замѣчанія и составъ расшеній и живошныхъ. И когда сія изслѣдованія показали, что всѣ существва земныя, разными способами разложенія, превращающся въ паровыя, газообразныя и вѣрныя жидкости, а сія сводящся еще на прошѣйшія начала, шо по сравненію проспраншвъ съ величиною міровъ и заключилъ, что первобытное вещество предъ началомъ шворенія состояло изъ шакой жидкости, копорая понкостію и легкостію равняешся со свѣшомъ, и копорую мы только мысленно постигаемъ можемъ. Припомъ же нѣшь вѣрныхъ доказательствъ, что сія жидкость вѣчно существовала (*); для всемогущества же Божія все равно было, какъ единымъ словомъ дашь ей бытіе, такъ и единымъ закономъ образовашь изъ оной вселенную (**).

Вшорое предположеніе мое: какимъ образомъ сія пончайшая жидкость могла разло-

---

(*) Такихъ доказательствъ и бышь не можешь: ибо вѣчность несвойшвенна веществу, а жидкость есть вещество.

(**) Мысли о происхожденіи и образованіи міровъ въ 3-хъ часяхъ, 1820 года. Въ первыхъ шести ошдѣленіяхъ описаніе и изслѣдованіе, авъ седьмомъ, на стр. 119, заключеніе.

жишься на многіе роды проспыхъ, веирныхъ и газообразныхъ пѣлъ и, смѣшавъ ихъ въ разныхъ содержаніяхъ, сосставишь швердые, огромные міры съ безчисленными на оныхъ произведеніями, сообразно съ примѣченною наспилкою веществъ на земномъ шарѣ по сущеспвующимъ нынѣ познаніямъ. И мнѣ кажется, нѣтъ возможности выдумашъ другое предположеніе, которое бы вѣрнѣе изобразило сіе великое происшествіе (*).

Третіе предположеніе мое, о движеніи міровъ, шопъ же почтенный Издашель Ошечественныхъ Записокъ опшвергаешъ (шамъ же стр. 345), говоря, что опшкрытія Невтона и Кеплера и шруды новѣйшихъ Аспрономовъ довольно ясно показывающъ причину движенія міровъ. Даже въ Физикѣ Г. Спойковича, на стр. 75 и 76, находимъ мы, что сила центроспремишельная влечешъ безпрерывно планешы къ ихъ центру, къ солнцу; сила же центробѣжная заспавляешъ ихъ удаленіемъ опъ него; однако жъ я не могу предспавишь другимъ предположенія моего по нижеспвдующимъ причинамъ. Во-первыхъ, ни Кеплеръ, ни Невтонъ не опшкрыли первой причины движенія міровъ, а показали шолько: Кеплеръ, что площади, описываемыя

(*) Тамъ же, глава 1 и 2 седьмого опшдѣленія.

Планетами въ пущи, временамъ соразмѣрны; а Невтонъ, что притягательная сила солнца дѣйствуетъ на планеты въ обратномъ содержаніи квадратовъ разстоянія. Относительно же первой причины движенія міровъ, мнѣніе Невтона было таково, что планеты, волею Всемогущаго единосѣды извлеченныя изъ мѣсьцъ происхожденія, не перестануть двигаться, доколѣ въ пущи не получаютъ претягствія; а чтобы не бысть сему послѣднему, предполагалъ совершенную пустошу въ пространствѣ. Во-вторыхъ вышеприведенные законы Кеплера и Невтора о дѣйствіи притягательной силы относящяся только ко времени и разстоянію между планетами; но почему сія планеты обращающяся вообще вокругъ солнца ни скорѣе, ни шибше настоящаго времени, того по законамъ ихъ отккрыть не можно. Равнымъ образомъ и труды новѣйшихъ Астрономовъ ничего по сей часши не объяснили. Всѣ исчисленія ихъ, относительно движенія міровъ, производящяся по сіе время безъ всякаго соображенія со временемъ супочнаго обращенія солнца, и я даже слыхалъ отъ извѣстныхъ ученыхъ особъ, что для вычисленія пущей планетныхъ все равно, хопя бы солнце обращалось, колыхалось или стояло неподвижно. У меня, напротивъ того, показано, что вре-

Мя годового обращенія планетъ сошлѣт-
ствуесть, по тѣмъ же Невшоновымъ, законамъ,
времени супочнаго обращенія солнца; а время
обращенія спутниковъ супочному обращенію
тѣхъ планетъ, вокругъ копорыхъ они обра-
щающся. А въ доказательство справедливости
сего предположенія показано, безъ по-
мощи наблюденій, время супочнаго обращенія
Сатурна и Урана, и даже замѣчены ошибки,
происшедшія по наблюденіямъ въ измѣреніи
разстояній (*). Если бы столь важное для
усовершенствованія Астрономіи предполо-
женіе открыто было прежде меня, то, безъ
сомнѣнія, вошло бы въ употребленіе, и Г.
Шубершъ не преминулъ бы упомянуть объ
немъ въ Астрономіи своей, напечатанной
въ Карманныхъ Календаряхъ съ 1812 по 1819
годы. Но не видя и свидѣствъ къ такимъ
соображеніямъ, я въ правѣ почишаю мысль
о движеніи міровъ мнѣ принадлежащею.

Наконецъ и четвертое предположеніе
мое о происхожденіи неровностей на поверх-
ности земной, основано не на одномъ вообра-
женіи, но на самомъ событіи. Конечно, по-
слѣ пространныхъ разсужденій иносран-
цевъ о сей машеріи, многимъ спранно по-
кажется видѣть происхожденіе машериковъ

(*) Тамъ же, перваго отдѣленія главы 8, 9 и 10.

земныхъ ошъ самой простой причины ; но расположеніе Спараго и Новаго Свѣла на поверхности земной , со всѣми на взглядъ неправильностями, ясно доказываешъ, что они поднялись не ошъ какой либо другой причины, кромѣ мною показанной (*). Сверхъ того всѣ главнѣйшія предположенія мои согласуются одно съ другимъ, объясняющъ частныя происшествія и содержатъ въ себѣ запасы свѣдѣній для времени грядущихъ.

Я не спорю, что ешъ и ошибки въ описаніяхъ моихъ, ошъ недоспашка свѣдѣній на Русскомъ языкѣ, ошъ невозможности прочитать всего, что напечатано, и ошъ самаго несовершенства Наукъ. Но сіи ошибки не имѣютъ вліянія на главнѣйшія предположенія мои, и даже, когда самыя Науки измѣняющяся, предположенія мои останутся непреложны.

Послѣ сего будетъ ли согласно съ справедливостію, почитать предположенія безпольными въ Наукахъ, и можно ли избрѣсть другой способъ, яснѣе и доказательнѣе, мыслить о споль отвлеченныхъ матеріяхъ?

И. Ертовъ.

(*) Тамъ же, вшораго ошдѣленія глава 5, и седьмого глава 3.

К Р И Т И К А

РАЗСМОТРЕНИЕ КНИГИ: ОПЫТЪ НАУКИ ИЗЯЩНАГО, НАЧЕРТАННЫЙ А. ГАЛИЧЕМЪ.

Окончаніе статьи 1-й.

Какъ? и въ швореніяхъ Гете, Шиллера, Байрона и нашего Державина, и въ произведеніяхъ славнѣйшихъ Живописцевъ и Ваятелей новой Европы господствуетъ женскій характеръ? Признаюсь, въ новомъ Опытѣ Науки Изящнаго, я ни какъ не ждалъ найшесоль спрогаго приговора новымъ Поэтамъ и новымъ Художникамъ.... Но шворенія ихъ служашъ лучшимъ на оный отвѣтомъ и опроверженіемъ шоль ошибочнаго предположенія. „Совершеннѣйшее откровеніе безъусловной красоты возможно шолько въ Романтической пластикѣ, кошорая предметамъ лучшаго, неземнаго міра, умѣетъ давать явственныя, опредѣленныя очерпанія. Но сей родъ искусства, предугаданный нѣкошорыми геніями Италіянскихъ Живописцевъ и Нѣмецкихъ Поэтовъ, естъ идеаль, кошего осуществленіе предославлено будущему періоду счастливѣйшаго человѣче-

ства.“ Здѣсь Сочинитель Опыта и самъ себя явно противорѣчитъ. Если опроверженіе безусловной красоты дослупно только Романшизму, то сила или характеръ сего послѣдняго ни какъ не долженъ и не можетъ быть извѣженнымъ: ибо безусловная красота не можетъ допустить сего качества. Впрочемъ, предсказаніе о будущемъ, счастливѣйшемъ періодѣ человечества, есть дѣло мечшательности; а кто пишетъ о Наукѣ, тотъ долженъ говорить тономъ болѣе положительнымъ и обращать вниманіе на относительное усовершенствованіе своего предмета въ эпохѣ современной и предшествовавшихъ. Картины Рафаэля Санціо, Тиціана, Корреджіо и другихъ знаменитыхъ Живописцевъ являютъ намъ образцы красоты идеальной; и мы не знаемъ и не можемъ отгадать навѣрное, явятся ли въ послѣдующихъ вѣкахъ осуществленные на полнотѣ или въ мраморѣ идеалы красоты, удобные записать тѣ, которыми сіи великіе гени обогатили міръ Изящныхъ Искусствъ.

„Почему въ границахъ дѣйствительно совершившейся уже Исторіи человѣческаго Искусства, къ которой и мы принадлежимъ съ предшественниками, разности красоты, а также и уравненіе оныхъ сумъ

„Шолько *относительных*, и шуть очевидно,
 „что если 1) на югъ Европы, преобладаетъ
 „духовная сторона, которая, подавляя чув-
 „ственную загадочнымъ значеніемъ мысли,
 „превращаетъ произведенія Искусства въ фор-
 „мы; неизмѣющія существа, въ шуманные
 „метеоры, неизмѣющіе состава; если 2) на
 „Скандинавскомъ *Сверть*, ея чувственная или
 „матеріальная, грубая масса господствуетъ
 „надъ идеей и даетъ произведенія жесткія,
 „огромныя, уродливыя, въ которыхъ фанта-
 „зия не успѣла еще преодолѣть, или какъ бы
 „пересыпавъ массу; то 3) на *восточномъ*
 „ея краю — у Грековъ, находимъ ту и дру-
 „гую сторону въ совершеннѣйшей и свѣд-
 „ственно *для насъ* образцовой опѣлкѣ...
 „Каждый изъ сихъ относительныхъ періо-
 „довъ долженъ имѣть свой сомкнутый кругъ
 „идеаловъ, опредѣляемыхъ какъ образомъ мы-
 „слей и чувствованій цѣлой націи, такъ и
 „вѣдными вліяніями окружающей ея при-
 „роды. Для Греческаго Искусства сей кругъ
 „идеаловъ есть *Гомеръ* и его *Иліада*, для
 „романсическаго — *Данте* и живописное
 „его *представленіе ада*, чиспилица и рай,
 „для Скандинавскаго *Эдды*.“

Какое странное смѣшеніе мѣстъ и эпохъ!
Сѣверная Германія принята здѣсь за югъ

Европы, ибо гдѣ мы найдемъ у Италіянцевъ, Французовъ и Испанцевъ произведенія Искусства, превращенныя въ формы, немлющія существа, въ туманные метеоры, немлющіе состава? О Грекахъ древнихъ, или Эллинахъ, говоришся въ шакомъ смыслѣ, какъ будшо о Грекахъ новѣйшихъ, ибо все, сказанное о нихъ, опносишся какъ бы къ времени насшоящему. Наконецъ, или должно было держашся главнаго раздѣленія вообще Изыщныхъ Искусствъ на классическія и романшическія, или, упомянувъ уже о Скандинавскомъ Свверѣ, не должно было забышь о Бардахъ Кельшическихъ, копорыхъ произведенія весьма рѣзкою чершою опличающся опъ произведеній Скальдовъ Скандинавскихъ. Далѣе, чшобы перейши всѣ извѣстные періоды Повзіи и прочихъ Изыщныхъ Искусствъ, должно было бы упомянуть о вдохновенной Повзіи Евреевъ, объ Искусствѣ древнихъ Египтянъ и Эшрусковъ, о Повзіи Восшочныхъ Арабовъ, Персовъ и Индійцевъ: каждая изъ нихъ опличаешся особымъ своимъ духомъ и характеромъ. Позволяю себѣ еще одно замѣчаніе: La Divina Comédia Даншова не можешъ бышь посшавлена въ видѣ рѣзкой, опличительной чершы между классицизмомъ и романшизмомъ: въ Поэмѣ сей много чувшвенности, много Миеологій

классической. Мнѣ кажется, что Поперянный рай Мильтона и Мессіада Клопшпокова болѣе бы въ семь случаевъ соотвѣшествовали цѣли Сочинителя Опыша: въ сихъ Поэмахъ (особливо въ послѣдней) болѣе ощушительнѣе духъ Поэзіи новѣйшей, болѣе противоположности между чувственнѣе баснословіемъ древней Эпикей и чистую духовностію Христіанства.

Упомянувъ о нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ общихъ, представившихся мнѣ при чтеніи сей спашы, не могу выпустить изъ виду и одного частнаго. Сочинитель говоритъ, что на Скандинавскомъ Сьверѣ, ея чувственная или матеріальная грубая масса господствуетъ надъ идеей, и даетъ произведенія жесткія, огромныя, уродливыя и пр.“ Приводя въ примѣръ классическаго превосходства Грековъ творенія Гомеровы, Сочинитель не долженъ бы былъ позабыть, что у Пѣвца Троянской войны, въ бивѣ языческихъ боговъ, Минерва, сражаясь съ Марсомъ, беретъ огромный камень, прикаченный въ давнія времена множествомъ людей, кои были въ свою чреду исполинами; симъ камнемъ поражаетъ она Марса, копорый, падаъ, покрываетъ шѣломъ своимъ седемерицею придесять полей. Слѣдовательно, понятія Грековъ о силѣ и величинѣ изобра-

жаемыхъ ими существъ, не исключали огромности; а посему огромность не можеть причисляться къ опличительному характеру Поэзіи Скандинавской.

Заглавіе 3-й главы сего отдѣленія во все не соотвѣтствуетъ содержанию самой главы. Вотъ оно: *Оразностяхъ Прекраснаго, касательно населенныхъ имъ областей.* Прочитавъ сіе заглавіе, естественнаго ожидаешь, что Сочинитель изложитъ здѣсь различныя впечатлѣнія, которыя происходятъ въ нашемъ воображеніи, и слѣдственно въ понятіи о Прекрасномъ, отъ разности климата, мѣстности и видимой природы; но въ шестъ главы объ этомъ сказано только мимоходомъ. Здѣсь, вмѣсто того, Сочинитель раздѣляетъ красоты на естественныя, искусственныя и смѣшанныя или естественно-искусственныя. „Бросивъ „бѣглый взглядъ“ говоритъ онъ: „на совокупность явленій, кои носятъ на себѣ печать чувственнаго совершенства, увидимъ „оное наконецъ въ новыхъ ограниченіяхъ. „Ибо одни изъ такихъ явленій происходятъ „безъ участія человека, другія бышіемъ своимъ одолжены творческой его дѣятельности, третьи принадлежатъ сколько ему, „столько же и природѣ.“ Отсюда Сочини-

цель выводить упомянутое предъ симъ раздѣленіе красоть.

„Есть ли Прекрасное въ общей Природѣ?
 „Говорять, ея творенія необходимы, а творенія Искусства свободны. Но когда Художникъ *предается влеченію* вдохновенной *фанпазіи*, тогда онъ добровольно и съ сознаниемъ подчиняетъ себя только высшей необходимости. Въ семъ свободномъ сознаниіи удостоверяетъ насъ расположеніе издѣлія, соразмѣрное основной его идеѣ, а въ ономъ слѣдствіи побужденіи — безконечность гармоническихъ отношеній, какія оно вмѣщаетъ въ себя, не оказывая опредѣленной цѣли или умысла въ его составленіи. — Да и что такое геній Художника, какъ не частица того великаго, Божественнаго духа (*), который все производитъ, все проникаетъ и во всемъ дѣйствуетъ, по одинаковому закону — хотя въ разныхъ степеняхъ силы и ясности?...
 „Правда, кто хочетъ находить красоты въ общей природѣ тотъ долженъ обнимать цѣлую картину, коей мы обыкновенно едва ли можемъ обозрѣвать нѣкоторыя части.

(*) Не всякій Писатель объ Изящномъ осмѣливается называть геній Художника частицею великаго, Божественнаго духа: не лучше ли назвать его даромъ, отличною способностію ума, полученною отъ сего Духа?

„Но и Поэмы Гомера и картины Рафаэля
 „также являютъ ихъ гений, только въ раз-
 „сѣянныхъ чертахъ, въ опрыскахъ, которыхъ
 „многими спешенями ниже ихъ идеала и
 „совсѣмъ не исщощаютъ богатаго умствен-
 „наго ихъ запаса... Развитие природы беско-
 „нечно; до насъ еще много совершеннаго
 „могло уже погибнуть, или послѣ какъ мо-
 „жетъ раскрыться изъ нѣдръ земли, тогда
 „какъ Художникъ твореніями, стоящими
 „ему нѣсколькихъ минутъ, возбуждаетъ наше
 „удивленіе: но сіе-то измѣненіе, сія-то плѣт-
 „ность и принадлежнсть къ блистательнѣй-
 „шимъ преимуществамъ вѣчнообновляющей-
 „ся природы. — Да и кто захотѣлъ бы со-
 „средоточить въ одномъ пунктѣ всю кра-
 „соту сего Божественнаго первообраза, ко-
 „торый невѣщимъ ни въ какомъ опредѣль-
 „номъ явленіи, и однако жъ мелькаетъ въ
 „каждомъ, какъ вѣчное время въ минутѣ,
 „какъ шажетъ въ пылинкѣ?... Нѣтъ нужды
 „доказывать, что видимое созданіе есть
 „живая мысль безконечной Премудрости; что
 „законы, которыми оно содержится и одуше-
 „вляется, суть законы святой Ея воли;
 „что наконецъ и форма, какую оно полу-
 „чаетъ, сошлѣшственна и опредѣленной
 „его жизни, и во *многихъ случаяхъ* нашему
 „способу чувственнаго созерцанія, и что

„сдѣствительно внѣшняя природа дѣйствитель-
 „но удовлетворяешь требованіямъ Изыщна-
 „го.“ Сдѣдовашельно, произведенія Искусствъ
 суть подражанія видимымъ швореніямъ при-
 роды, или даже, по воображаемому нами
 сходству (аналогіи) сихъ послѣднихъ съ су-
 ществами сокровенными и невидимыми, оли-
 цешворенія пѣхъ силъ и качествъ, кои вы-
 ходяшь изъ круга природы чувственной. Сіи
 подражанія и олицешворенія изображающа
 нами въ видѣ формъ чувственныхъ, хотя
 украшенныхъ или усовершенствованныхъ;
 а посему первообразная мысль (идеаль), въ
 приложеніи своемъ къ Изыщнымъ Искусствамъ,
 есть усовершенствованіе или совокупленіе
 въ одно разныхъ отдѣльныхъ красотъ при-
 роды, дѣйствительно существующихъ. Сдѣ-
 довашельно Искусства сіи суть въ высшей
 степеніи подражанія природѣ.

Самъ Сочинитель подтверждаетъ сію
 мысль, говоря однако же, что „красоты при-
 „роды, часто необозримыя для чувствъ, су-
 „ществуютъ, какъ кажется, не сами для
 „себя, а только въ связи съ другими цѣля-
 „ми вселенной и нуждами тварей, и для
 „шого являюща случайно, болѣе въ значе-
 „ніи возможныхъ матеріаловъ для картины,
 „нежели въ значеніи самостоятельной кар-
 „тины.“ Но далѣе, въ § 71 онъ говоритъ :

что „природа въ высшемъ смыслѣ, т. е. „какъ единство неисчерпаемой жизни въ без- „конечныхъ явленіяхъ оной, есть со стороны „*дѣятельности* высочайшее Искусство, такъ „какъ со стороны *бытія* всеобъясняющее его „издѣліе.“ Оба сіи положенія прошиворѣчашь одно другому. Если природа въ цѣломъ есть высочайшее Искусство и всеобъясняющее его издѣліе (?), то ошдѣльные красоты ея не могутъ *казаться* случайными или возможными матеріалами; а превосходившее исполненіе высокой цѣли, недостижимой еще слабому, полу-чувственному умствованію, человѣческому.

„Но идея красоты, даже являющейся, „испощается столь же мало произведеніями „Искусствъ, какъ и произведеніями природы... „Почему Изящное, касательно населенныхъ „имъ областей, раскрывается въ полномъ „блескѣ тогда, когда природа встрѣчается „съ Искусствомъ и даетъ прекраснымъ его „призракамъ прекрасную жизнь и душу. Но „добныя выгоды имѣетъ человѣческой образъ, „но не столько тамъ, гдѣ онъ, съ *одной* „*стороны* ошдавая прошивныя впечатлѣнія, „соблюдая въ величинѣ и частяхъ идеальный „размѣръ и украшаясь живостію и здравіемъ, „съ *другой* ясно обнаруживая совершенство „ума и наклонности сердца, кои не искаже-

„ны нравственными недоспашками или зло-
 „употребленіемъ свободы и по кониъ пер-
 „вая или вшорая напура дѣлаешъ челоуѣка
 „почтеннымъ или пріятнымъ въ *общезитіи*;
 „сколько *наконецъ* тамъ, гдѣ оный совер-
 „щенный образъ бываешъ сосудомъ и орга-
 „номъ *искусственно* возбуждаемыхъ и изобра-
 „жаемыхъ, импересныхъ идей, положеній, дви-
 „женій и дѣйствій, ш. е. на *сценѣ*, коей яв-
 „ленія посему и составляютъ *третью* об-
 „ласть красотъ *смѣшанныхъ, среднихъ,*
 „*естественно-искусственныхъ*.“ Признаюсь,
 что, судя по собшвеннымъ моимъ впечат-
 лѣніямъ, я нахожу положеніе сіе совершенно
 ошибочнымъ. Видъ юной красавицы — въ
 полномъ смыслѣ сего слова — непринужден-
 ная ея довкасть, одушевленный, пламенный
 взоръ и пріятный голосъ удобнѣе пронешъ
 сердце встепическаго любителя красоты,
 нежели видъ, голосъ и роскошныя шѣлдви-
 женія оперныхъ пѣвицъ и шанцовщицъ въ
 балетѣ. Великое слово или славное дѣло му-
 жа знаменитаго, блеснувшее неожиданно и
 какъ бы невзначай, скорѣе увлечешъ и умъ
 и воображеніе, скорѣе возвыситъ душу къ
 понятіямъ высокимъ, нежели вся декламация,
 всѣ жесты самаго перваго въ мірѣ актера.
 Причина тому, что къ первымъ явленіямъ
 мы не готовились, а на вшорыя шли съ

предварительнымъ запасомъ чувствованій и впечатлѣній; въ первыхъ является сама душа, сама природа, во вторыхъ — искусство подражательное. Почему, мнѣ кажется, что человѣческій образъ — прибавимъ и дѣйствія — являются съ бѣльшею выгодною шамъ, гдѣ они безыскусственны, непринужденны и какъ бы неожиданно происпекающъ опъ души, нежели въ искусственномъ предспавленіи.

„Заклучимъ: прекрасное швореніе Искусства происходитъ шамъ, гдѣ свободный геній челоѵка, какъ нравственно-совершенная сила, запечатлѣваетъ божественную, по себѣ значительную и вѣчную идею въ самостоятельномъ, чувственно-совершенномъ, органическомъ образѣ или призракѣ. Почему ясная и удовлетворительная теорія особенныхъ явленій Изящнаго еспъ *Теорія Изящныхъ Искусствъ.*“

Заклучимъ и мы сію первую спашью разбора общимъ замѣчаніемъ, что челоѵкъ, по ограниченности собспвеннаго его сущесства, не можеспъ иначе представитъ себѣ сей первообразной, верховной мысли (*idée absolue*), какъ по сосшавленнымъ уже имъ себѣ понятіямъ объ аналогіи ея съ ошущительными предметами и формами; а попому и произведеіе его, какъ ошблескъ сего

представленія, подчиняешься всегда законамъ и формамъ природы, въ извѣстной степени усовершенствованнымъ. Слѣдовательно и Теорія Изящныхъ Искусствъ, не сколько должна основываться на умствованияхъ опвлеченныхъ, сколько на законахъ самой природы, отсвѣчивающей или возрождаемой въ произведеніяхъ сихъ Искусствъ.

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Взглядъ на военное состояніе Турецкой Имперіи.

(*Продолженіе.*)

При семь раздѣленіи пѣхоты на Капиккулы и Серрашкулы, находишь конница, кошорая вообще у Турокъ въ большомъ уваженіи; равно какъ и у всѣхъ Воспочныхъ народовъ, она предпочипается пѣхотѣ. Кавалерія Капиккулы или *Спаги*, содержится на счесть Султанской казны: составляя ошборное войско (*élite*), она употребляется въ рѣшительныхъ дѣйствіяхъ; служитъ охраненіемъ особы и казны Султана, собираетъ по-

даши и недоимки съ губерній, и самый высшій разрядъ оной не иначе сражается, какъ предъ лицомъ Государя. *Кавалерія Сerrat-кулы* служить для охраненія пограничныхъ мѣстъ отъ непріятельскаго вторженія. Она раздѣляется: 1) на *Джюнджюлы*, или корпусъ, составленный изъ жипелей занимаемой ими обласки; 2) на *Бешлы*, или легкую конницу, для набѣговъ въ сосѣднія земли, раздѣляющуюся на паланки (*) и на другіе ошдаденнѣйшіе посты предъ военными городами; 3) на *Делы*, кои не составляютъ пошолнаго корпуса: но во время войны собраны Беглербегами или Намѣстниками изъ различнаго званія людей, родившихся въ Турціи, Магомешанскаго исповѣданія: тогда получаютъ они плашу, и шакъ какъ и прочіе разряды, состоятъ изъ нѣсколькихъ одъ. Храбрость и искусство, оказанное на Венгерскихъ границахъ въ войнахъ съ Австріею, дали

(*) Репраншаменты, огражденные часпоколомъ или плешнемъ, и окопанные рвомъ, для защищенія замковъ и ближайшихъ мѣстъ отъ непріятельскаго нападения. Сіе обыкновеніе есть древнѣйшее и, кажется, имѣетъ свое начало на Востокъ: ибо извѣстно, что оно издревле было въ обыкновеніи у Скивоувъ; а въ позднѣйшія времена у Казаковъ, до присоединенія ихъ къ Россійской Державѣ.

Полное право на уваженіе, вообще, конницѣ Серрапкулы, непрестанно занимавшей военнымъ дѣломъ. Сверхъ Турецкаго языка, многіе солдаты говорящъ по-Венгерски и по-Славянски.

Спаги, наподобіе драгунъ, въ началѣ составлены были рекрутами, набранными изъ Пажей. *Асъ-оды* (*) назывались *дѣтьми богатства* и сражались подъ однимъ желтымъ знаменемъ. Во время войны съ Русскими, предводившесвуемыми Графомъ Минихомъ, ихъ было только 15,000 человекъ; въ послѣдствіи число ихъ наиболѣе увеличилось, и они раздѣляются на *Улуфеловъ* или шарыхъ Спаговъ, составляющихъ правое и лѣвое крыло (**), и служащихъ охраненіемъ арміи и Сул-

---

(*) Сіе въ нѣкопоромъ отношеніи можно сравнять съ *Дворомъ Княжескимъ*, что было въ шарину въ Россіи.

(**) При Османѣ (1300 г.), основатель Оштоманской Поршы, кромѣ Спаговъ одного крыла, не было другаго войска; Магомешъ II учредилъ новый корпусъ кавалеріи, выбравъ изъ перваго опличнѣйшихъ, и назвалъ правымъ крыломъ, опличивъ ихъ краснымъ знаменемъ и оставилъ желтое у первыхъ, въ знакъ уваженія къ шаршинству лѣваго крыла. Не должно полагать, чтобы въ боевомъ порядкѣ они спроились по своему названію: но ровно на обѣихъ крылахъ бывающъ упошреблены. Я не вхожу въ подробное

лана во время похода; и на *Чаушей*, или вшорую линію кавалеріи Капикулы, сосшавленную изъ военныхъ и придворныхъ людей. Они-то упошребляюшся вмѣсто Адьюшаншовъ и курьеровъ для сообщенія въ арміи приказаній; стояшъ непрестанно при Визирскихъ воропахъ и почиашъ себя небольшими Агами. Главный Начальникъ Чаушъ-Баши неоплучно находишся при Визирѣ.

Для управления Янычарами естъ особый военный Совѣшъ, именуемый *Диваномъ Капикулы*, кошорый собираешся въ палашахъ Янычаръ-Агаси, гдѣ разсуждаюшъ о военныхъ дѣйствіяхъ сего войска и о всемъ, касающемся до его управления. Естъ еще главный совѣшъ въ Султанскомъ сералѣ, гдѣ всѣ Военачальники присуществуюшъ, занимаюшъ починамъ мѣста и имѣюшъ особую одежду: шуда ѣздяшъ верхами на лучшихъ жеребцахъ, украшенныхъ драгоценными конскими уборами, и въ сопровожденіи огромной свиты. За-

---

описаніе всѣхъ ихъ обязанностей, кои по временамъ и обстоятельшвамъ измѣняюшся; но замѣчу, что изъ Спаговъ, во время похода Султанскаго, *Буджюки* раздаюшъ милосшыню нищимъ; *Эдки* водашъ лошадей Султанскихъ и имѣюшъ тогда чалму, подобную убору Паши; а *Амебеджы* носяшъ конскіе хвосты, кои спавяшъ предъ Царскими палашами въ полѣ.

сѣданіе начинается и оканчивается молишвою, громко произнесенною Басъ-Чаушемъ, за Султана и всѣхъ сановниковъ, и при особенныхъ обрядахъ, воспоминаніемъ о Аджи-бикшасъ, основателѣ Янычаръ. Сіе есть весьма умное политическое постановленіе ихъ, поддерживающее народную гордость въ войскѣ.

Сверхъ вышеупомянушаго раздѣленія войскъ на Капикулы и Серрашкулы, нужно еще упомянуть о конницѣ *Топраклахъ*, и содержимой на счетъ *платящихъ податъ*. Всѣ они служатъ вспомогательнымъ войскомъ Поршъ. Для яснаго о семъ помянутомъ, надлежитъ замѣнить, что Ошшоманская Порша раздѣлена на Княжескія, провинціи, малые и большіе предѣлы. *Беглербеги* сѣданы Губернашорами въ первыхъ; *Паши* въ провинціяхъ; *Беги*, подъ именемъ *Займовъ*, въ большихъ предѣлахъ или округахъ, а подъ именемъ *Тимариотовъ* въ малыхъ. Различныя успавы, почести, права и власшь утверждающъ могущество сихъ власшелиновъ; но вмѣстѣ съ симъ, они обязаны доходами съ земель своихъ (*малы муката*) не только платишь кавалеріи *Топраклы*; но еще ей давашь провиншъ, подъ именемъ *Ушюръ*, что значишь десятина часшь. По званію сихъ начальниковъ областей или офицеровъ

(какъ выше упомянуто), опредѣляющихъ плательщиковъ и число ихъ, она носитъ различное названіе. *Кавалерія же отъ платящихъ дань* содержалась на счетъ областей, находящихся подъ покровительствомъ Порты: шакъ нѣкогда Крымъ, часть нижней Пододія, Бессарабія, Молдавія, Валахія и Трансильванія собирали съ своихъ жителей подати для содержанія иноземной и враждебной спражи. Вообще надлежитъ замѣтить, что жестокость, оказанная Султанами къ новымъ подданнымъ, и неперпимость Вѣры Христіанской, опдѣливъ совершенно Турокъ отъ коренныхъ жителей, ими порабощенныхъ, утвердили на прочномъ основаніи военное управленіе ихъ. Завоеванныя земли первоначально обращены были на содержаніе морскихъ силъ, пѣхоты Серрапкулы и конницы: въ послѣдствіи же времени изъ нихъ составлены провинціи (*Пашалыки*), имѣющія непосредственную обязанность скорый наборъ и вооруженіе войска во время войны, и постоянное содержаніе кавалеріи, которую почитаютъ главною силою арміи.

Независимо отъ Искусства, основаннаго на систематическомъ порядкѣ, образъ войны у всѣхъ народовъ есть слѣдствіе нравовъ, образа жизни и самаго характера: каждая нація, по степени просвѣщенія, климату и

мѣстными способамъ превосходить одна другую въ томъ или другомъ случаѣ. „Въ обществѣ и въ войнѣ,“ говоритъ Герберштейнъ: „народы удивительно различаются между собою. Ташаринъ, сверженный съ коня, обрызанный кровью, лишенный оружія, еще не сдаётся въ плѣнъ: машетъ руками, похлопаетъ ногою, грызетъ зубами. Турокъ, видя слабость свою, бросаетъ саблю и молишь побѣдителя о милосердіи.“ Въ Европѣ вообще характеры менѣе суровы и сильны, ибо предметы дѣйствія человѣческаго болѣе развлечены, и самое смягченіе нравовъ побуждаетъ уважать въ войнѣ естественныя права человѣчества. Отъ чего война основана болѣе на искусствѣ, нежели на силѣ, и самыя суровѣйшія нападенія дѣлаются болѣе по расчетамъ ума, нежели по силѣ души? Почему, применяя слова того же Писателя, можно сказать: гонись за Европейцемъ, онъ уже не думаетъ обороняться въ бѣгствѣ, но никогда не пребудетъ пощады; коли, руби его, молчишь и падаешь. Но при всемъ томъ нельзя опровергнуть, что национальность характера и климата имѣетъ вліяніе какъ на Искусства, такъ и на войну. Горные жители въ Кавказскихъ улесахъ, Тиролецъ, сіи мѣткіе стрѣлки, всегда способны вести войну въ мѣстахъ гористыхъ;

*

между тѣмъ земли, изобилующія хорошими лошадьми и пасивами и коньѣ жителѣ суть, пакъ сказашь, природные всадники, могутъ выставить лучшую конницу. Венгерцы, въ Х вѣкъ опустошавшіе Европу набѣгами, жили на лошадяхъ своихъ и нынѣ сославляютъ превосходную кавалерію, соединяющую въ себѣ скорость движеній, храбрость и знаніе шакшики. На берегахъ Дона, въ одно время земледѣльцы и воины, равно искусно дѣйствующіе и сохою и копьемъ, образуютъ особое военное поселеніе, съ давнихъ временъ опасное Туркамъ. Веселые духомъ и бодрые, съ младенчества на конѣ, Казаки становящіяся безстрашными всадниками, имѣютъ въ черпахъ своихъ смѣсь Азіятскаго съ Европейскимъ и сославляютъ превосходное легкое войско, охраняющее въ дальнихъ походахъ безопасность нашихъ армій. „Почти природнымъ побужденіемъ узнаютъ они непріятеля, переплывающаго на коняхъ рѣки и озера и не заблуждающагося въ неизвѣстныхъ и дремучихъ лѣсахъ. Ничѣмъ не уступаютъ наездники ихъ сосѣдственнымъ Черкесамъ, копорые съ вершинъ Кавказа устремляются на добычу свою и смѣшиваютъ разбойничество съ войною.“ Общее свойство всѣхъ восточныхъ народовъ есть наездничество; къ чему самый образъ жизни, воспи-

шаніе и превосходство лошадей способствуешь: и по сей причинѣ, Турки предпочитаютъ конницу пѣхотѣ. Можно сказать, что сіе имѣешь свое начало отъ Скивовъ, потому, что сіи народы всегда имѣли большую охоту воевать на лошадяхъ и были живое изображеніе нашихъ Киргизцевъ, кои имѣють огромные табуны лошадей, не занимающа земледѣліемъ, и у коихъ кочующая и независимая жизнь пѣлняетъ въ пустыняхъ дикаго и вооруженнаго паспыря.

Ошпоманская Порша, сѣдѣя обычаю Воспока — древняго своего опечесва — склонна къ шаковому войску, и сѣдѣла оное главнымъ, непремѣннымъ и постояннымъ. По способамъ своимъ, Турецкая кавалерія почитается превосходною, и дѣйствительно опасна, если сражающіяся съ нею войска допущаютъ разорвать свой фронтъ: тогда ни одинъ человекъ не спасется отъ сабли Мусульманской, по причинѣ великой легкости Турецкихъ лошадей и ярости наездниковъ. Но противное сему случается, когда пѣхота въ кареяхъ твердо стоить, производитъ бѣглый огонь, подкрѣпленный каршечными выстрѣлами, или противъ самага напуска конницы, когда уже оная подскакиваетъ къ фронту, держа ружья на перевѣсь, либо сама наспунаетъ подъ огнемъ своей артиллеріи. Въ семь слу-

чаѣ 50,000 человекъ Турецкой конницы не осмѣялись подъѣхать на ружейный выстрѣлъ къ чепыремъ башаіонамъ регулярной пѣхоты, имѣющей въ каре пушки; бывали случаи, что 200 гренадеръ опрокидывали штыками болѣе 2000 человекъ Турецкой кавалеріи. Князь Смоленскій, во многихъ войнахъ прославившійся своимъ оружіемъ на Дунаѣ, справедливо сказалъ, что *Турецкую конницу надобно бить пѣхотою, а пѣхоту конницею*. Сіи слова столь искуснаго и опытнаго Полководца должны прочесться урокомъ, а самыя победы его служатъ доказательствомъ сей истины. Турецкая артиллерія стрѣляетъ медленно и причиняетъ мало вреда; по же самое можно сказать и о ружейномъ ихъ огнѣ; но ружья у Турокъ длиннѣе, шире и изъ лучшаго желѣза, нежели Европейскія. Ихъ стрѣлки, обыкновенно при наступленіи пѣхоты высылаемые впередъ, по причинѣ большой дальности выстрѣловъ, нежели изъ нашихъ ружей, могли бы быть опасны, если бѣ были лучше выучены и стрѣляли скорѣе; но Турки болѣе надежду полагаютъ въ штычковой силѣ, съ нестерпимымъ хотѣніемъ вступають въ рукопашный бой, съ запарчивостью сіе производяшь, не взирая на прошиводѣйствующій огонь пѣхоты: одна только артиллерія и штыкъ удерживаетъ ихъ стремленіе. Самое

трудное положеніе въ бишвѣ есть конечно выжидать непріятели на открытомъ полѣ, тѣмъ болѣе, что во время нападена, Турки своимъ ожесточеннымъ мужествомъ и безчеловѣчными казнями надъ плѣнными вселяющъ испугъ, кошорый можешь быть уничтоженъ личнымъ примѣромъ храбрости начальниковъ: надлежишь хладнокровіе противоставишь ихъ ярости. Рускіе всегда побѣждали Турокъ, и Турки никогда не знали угашь полковъ Суворова. Нападеніе ихъ конницы противъ пѣхошы, поспроенной въ кареляхъ, конечно должно быть безуспѣшно; ибо, чтобы сломать и ворваться въ пѣхошу, въ порядкъ споящую, недосматочна одна ошважность: нужно имѣшь конницу хорошо выученную, много совокупности и доброй воли, а сего недосмаешь Туркамъ. „Оди полько Янычары, составляющіе Турецкую пѣхошу, сказано въ *Общемъ опытѣ Тактики*, опасны для регулярной инфантеріи, ибо во время нападена своего составляющъ нѣкошораго рода колонну, или справедливѣе сказашь, толпу, занимающую болѣе мѣста въ глубину нежели въ широчу. Впереди сей толпы идушь охотники, на кошорыхъ задніе ихъ наирая, противъ воли идушь впередъ: слѣдовательшо ихъ ничшо ошановишь не можешь, хоша бы всѣ они должны были погибнушь.

Но Янычары не могутъ сопротивляться кавалеріи, ибо не имѣютъ ни штыковъ, ни рядовъ, ни шеренгъ и никакого приличнаго для сего расположенія; кромѣ сего заражаютъ и снѣрвляють очень медленно, такъ, что огонь ихъ не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія, и посредственная кавалерія можетъ двойствоваться противъ нихъ съ великимъ успѣхомъ.“

Дѣйствіе же нашей конницы противъ ихъ кавалеріи въ рѣшительныхъ атакахъ, кажется, не можетъ быть столь успѣшно, ни по числу, ни по легкости лошадей, ни по проворству самихъ наѣздниковъ, и сіе особенно опіосится до фланкеровъ: но искусиво въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ взять верхъ надъ шѣми выгодами, кои Турки имѣютъ по климату и воспитанію. Правильность въ движеніяхъ сомкнутыми массами, имѣя позади вторую линію для подкрѣпленія и нанося ударъ не спереди, но во флангъ, и не выжидая нападенія, при постоянной швердости и рѣшительности всадниковъ, вооруженныхъ пиками и флюгерами и подкрѣпленныхъ быстрѣмъ дѣйствіемъ конной артиллеріи, или огнеснѣрвныхъ ракетниковъ, можетъ остановить успѣхи Турецкой конницы, всегда дѣйствующей полною, если только силы ихъ не чрезмѣрно превосходятъ силы сопротивниковъ. Турки иногда употребляли строй

треугольный, (свиною головою): и въ семь случаев фланговый ударъ лашниковъ или кирасиръ съ боку на нихъ, можешь быть рѣшительнымъ, когда шолько войска сохраняшь непоколебимось, предводишельствуемы смѣлми Генераломъ, хорошо выучены и послѣ самаго удара, въ порядкъ, безъ замѣшательства, по гласу трубъ, будешь скоро спряться. Опыты не оправдали еще сихъ предположеній; и шакъ какъ Турки весьма легко и скоро могушь перемѣнять свой боевой порядкъ, перевода конницу съ одного мѣста на другое, или пославивъ конницу позади Янычаръ, то и надлежитъ прошивъ нихъ употребить шакое расположеніе, которое соошвѣствовало бы защищенію во всѣхъ случаяхъ. Пѣхотный спрой кареями кажется самымъ выгоднѣйшимъ прошивъ кавалеріи и особенно прошивъ необразованныхъ народовъ съ многочисленною конницею и съ различныхъ сторонъ полцами нападающихъ, и вѣроятно, въ семь случаевъ огнеспрѣльныя или Конгровыя ракеты будешь полезны, успрашая лошадей и изумля самихъ всадниковъ. До Кагульской битвы пѣхота ограждала себя рогатками, кои возились въ обозахъ и чрезвычайно запрудняли движеніе арміи, особенно осенью, по дорогамъ, всегда чрезвычайно грязнымъ и неудобопроходимымъ

даже для вьючнаго скопа, обыкновенно въ обозахъ употребляемаго. Нынѣ рогатки выведены изъ употребленія, и боевой порядокъ состоишь изъ нѣсколькихъ кареевъ пѣхоты въ двѣ линіи расположенныхъ, въ такомъ разстояніи, чшобы ружейные выстрѣлы перекрестно защищали дослупъ, и пули съ противоположащихъ фасовъ двухъ смежныхъ кареевъ не вредили обороняющимся. Разстояніе между кареями полагается ошъ 160 до 200 сажень. Внутри и въ промежуткахъ между ими спавяишь шяжелую конницу, а углы прикрываюшь сшрѣлками; наблюдая при движеніи сего боеваго порядка общія правила обороны, чшобы углы безъ артиллеріи, имѣющіе предъ собою необороняемая мѣста перекрестнымъ огнемъ, не были выставлены противъ непріятельскихъ атакъ. Легкая кавалерія, преимущественно расположенная между кареями въ одну и двѣ линіи, такимъ образомъ была бы обезпечена перекрестнымъ огнемъ съ карейныхъ фасовъ ошъ нападенія непріятельской конницы, и могла бы немедленно для преслѣдованія, бросишья на непріятеля. Артиллерію спавяишь въ углахъ кареевъ, а когда оны велики, то и посрединѣ фасовъ. Всѣ прочія башшареніи уходяшь на заднихъ ошвозахъ и, становясь между ближайшими кареями, составляюшь вшорую

линію въ такомъ разстояніи, чтобы кар-
течь не могла сильно разсыпаться между ка-
реями. Башарей сіи должны бытъ подъ
прикрытіемъ сильныхъ кавалерійскихъ массъ
войска, въ промежуткахъ кареевъ распо-
ложенныхъ, какъ выше упомянуто. Главное пра-
вило соспоить въ шомъ, чтобы въ первую
минушу нападенія Турокъ, швердо удер-
жаться, показашъ силу и непоколебимость;
сіе имѣетъ непосредственное вліаніе на
ихъ запальчивость: малѣйшій успѣхъ обо-
дряетъ, почему и надлежитъ дѣйствовать
такъ, чтобы можно было сказать, что
невѣжество и ярость Азіатцевъ сокру-
шаются объ искусство и хладнокровіе Евро-
пейцевъ: и сіе въ особенности необходимо
при началѣ открытія кампаніи.

„Если построить всю пѣхоту въ одинъ
каре, и вмѣстить въ него всю кавалерію,
какъ шо было у насъ до временъ Фельдмар-
шала Графа Румянцова, шо таковой бое-
вой порядокъ былъ бы слишкомъ тяжель и
неудобенъ: ибо не могъ бы почти съ мѣста
пронуться, не разорвавъ чрезъ движеніе, или
не приведа въ безпорядокъ своихъ линій,
пошому что и однимъ полкомъ весьма трудно
маршировать цѣлымъ фронтомъ, а когда нѣ-
сколько полковъ соспавляли бы фасъ каре,
шо ни какъ невозможно бы было соблюсти

линіи въ порядкѣ, да и гдѣ бы найши такое просиранное мѣсто, которое позволило бы съ удобностью маршировать шакой длинной линіи? Сверхъ же всего онаго одинъ каре не имѣеть перекрестнаго огня, какъ напротивъ малые каре перекрестнымъ огнемъ одинъ другаго обороняють и могутъ удобнѣе найши мѣсто, чтобы ийти въ порядкѣ безъ замѣшательства. Къ тому же если и прорвуть одинъ малый каре, то другіе его защищать; если же одинъ большой каре будетъ прорванъ, то непріятель на весь его фасъ ударитъ въ пылъ, какъ между шѣмъ онъ будетъ атакованъ ошвсюду снаружи и ничто его уже оборонять не будетъ.“ —

Таковыя оборонительныя мѣры необходимо нужны, чтобы держаться противъ свирѣпаго мужества Опшомановъ, кои въ пылу своего дѣйствія презирають опасности и являющіяся изсчупленными. Не механизмъ ихъ военнаго устройства и не физическія качества ихъ доводяшь до сего состоянія; но убѣжденіе внутреннихъ чувствъ, надежда лучшей жизни за предѣлами гроба, въ обаяніяхъ всегда дѣвственныхъ гурій и нѣгъ (*),

---

(*) Надежда, основанная на ученіи Лжепророка, кошорый, какъ извѣстно, привлекалъ къ себѣ невѣждъ приманкою грубыхъ чувственныхъ удовольствій.

внушаетъ въ нихъ изступленное мужество. Обольстивъ многихъ Азіатскихъ народовъ, Магометь общаніями неизбежнаго предопредѣленія судьбы и рая всѣмъ послѣдователямъ ученія его, умирающимъ на полѣ сраженія, научилъ воспламенить неукротимый фанатизмъ и неустранимость въ своихъ потомкахъ, и содѣйствовалъ къ утвержденію ихъ воинской славы, которую они сохранили въ теченіе четырехъ столѣтій, ознаменовавшихъ Европу важнѣйшими перемѣнами.

Турки, одаренные отъ природы крѣпкимъ сложеніемъ и мужествомъ, и управляемые необузданнымъ суевѣствомъ, въ первыхъ нападеніяхъ, своею отважностью являющіяся спранными, имѣя впереди множество знаменъ и значковъ, и дѣйствуя съ чрезвычайнымъ шумомъ и крикомъ; но при первой неудачѣ, они оказываютъ робость, обращаясь въ бѣгство: ибо ихъ стремительное нападеніе сдѣлано въ замѣшательствѣ, безъ совокупности и не соображаясь съ мѣстностью и расположеніемъ непріятельскаго строя, отъ чего они, будучи опрокинуты, въ безпорядкѣ и съ такою же скоростностью назадъ мчались, какъ и впередъ наступали, увлекающъ за собою вперую линію, и за вещественными преградами, въ укрѣ-

пленномъ спанѣ или городѣ, ищутъ средства, чтобы удержатъ непріятельское преслѣдованіе: тамъ, ободренные новымъ мужествомъ, съ оружіемъ въ рукахъ, готовы вновь сразиться и, не сдаваясь въ плѣнъ, съ твердостью погибаютъ. Таковыя ихъ дѣйствія происходятъ не отъ недостатка нравственныхъ качествъ, но отъ неискusstва ихъ въ военномъ дѣлѣ. Зная, что фланги арміи составляютъ слабѣйшія части боеваго порядка, они постоянно слѣдуютъ такъ, какъ и прочіе Азіятскіе народы, принятому расположенію *полумлѣсцемъ*, чтобы въ одно время окружить крылья и ударить въ центръ арміи. Они стараются занять со всѣхъ сторонъ непріятеля. Сіи нападенія ихъ бывають столь отважны, что послѣ пораженія одного корпуса, заступаютъ мѣсто другой; но безъ дальнѣйшаго успѣха, ибо, по словамъ Писателей и очевидцевъ, бѣгущіе увлекають за собою всѣхъ, за ними сповщихъ, пѣхоша, смѣшиваясь съ конницею, препящуютъ дѣйствовать одна другой, и нападеніе спановится часъ отъ часу слабѣе, безпорядокъ дѣлается общимъ, и армія въ разстройствѣ отступаетъ.

Сіе сопряжено тѣмъ болѣе съ затрудненіями, что увеличенными обозами при войскахъ, Азіятскою нѣгою, пышностью Па-

шей и даже по потребностямъ самихъ солдатъ, Турки нынѣ не суть уже тѣ Татары, съ копорыми вмѣстѣ прежде воевали, сходствовади въ вооруженіи, и копорые, до завоеванія Крыма, составляли сильнѣйшую часть Турецкой арміи.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

V.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

1 8 2 6.

Духовное Красноярчѣе.

101. Predigt zur Gedächtnißfeier Sr. Majestät des hochseligen Kaisers Alexander des Ersten, welche den 11sten März in der Evangelischen St. Petri-Kirche statt fand, gehalten von dem Pastor Fr. Göring. M. 1826, въ шип. Селивановскаго, въ 8, 20 стр.

Ф и л о с о ф і я.

102. Вступительная лекція о возможности Философiи, какъ Науки, при от-

критикъ Философскихъ чтеній въ Московскомъ Университетѣ, читанная Иваномъ Давыдовымъ, Докт. и Орд. Профессоромъ Философiи, 1826 Мая 12. М. 1826, въ шип. С. Селивановскаго, въ 8, 31 стр.

(См. No 74 Сѣв. Пч.)

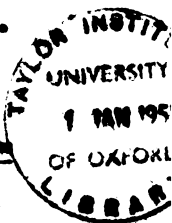
Я з ъ к о з н а н і е.

103. Краткое изложеніе правилъ, для составленія Ручнаго Словаря нынѣшняго языка Русскаго, съ приложеніемъ пробныхъ листовъ Словаря, читанное въ Московскомъ Обществѣ Любителей Россійской Словесности, Апрѣля 3 дня 1826 года. М. 1826, въ Унив. шип., въ 8, 28 стр.

(См. NNo 75 и 76 Сѣв. Пч.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1826. № XI.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ.

(*Продолженіе.*)

„Я родился въ Англіи оцѣ такиихъ родителей, кошорые, слишкомъ легкомысленно распоряжая своимъ богатствомъ, принуждены были, для поддержанія снова блеска своего дома, прожить нѣсколько лѣтъ внѣ отечества: тогда эта уловка была тайною для постороннихъ и не въ такомъ еще употребленіи, какъ нынѣ. И такъ я воспитывался на чужбинѣ — большею частію въ Германіи. Родители мои, гордясь высокою своею породою, жили и въ чужой землѣ среди городского и свѣтскаго шума, но за всемъ тѣмъ весьма уединенно. Отъ этого родилось странное разногласіе въ груди ихъ свободнорожденного сына, кошорый, въ теченіе долгаго времени, тщетно старался приучить себя къ чужимъ нравамъ и понятіямъ. Однако юность и швердослѣ воли заглушили на-

конецъ то, что не могло бытъ изглажено. Между швъми долги уплачивались въ Англїи, и присылаемыя ошъ повѣреннаго моихъ родителей квитанціи навели для нихъ напо- слѣдокъ мостъ на возвращенный путь черезъ море.

Я спѣшилъ ошъвздою. Мнѣ хотѣлось видѣть Миссъ Арабеллу, съ кошорою съ давнихъ лѣтъ обручило меня взаимное согласіе нашихъ родителей. Уже въ понятїяхъ моихъ было больше Нѣмецкаго, нежели Англїйскаго: прелестная, но холодная, високомѣрная кра- савица была мнѣ не по душъ. Впрочемъ я былъ невзыскашелевъ: уже много позналъ, много, казалось мнѣ, въ свой вѣкъ любилъ; я не задумался заключишь бракъ по расче- шу, мечтая о швъхъ видахъ, какіе найду въ немъ — о потворствѣ своимъ прихотямъ.

Жена моя, присоединясь къ семейству, такъ много спранствовавшему въ мірѣ, захопѣла сама поспранствовать. Мнѣ поже не совсѣмъ нравилось въ моемъ опечествѣ: тысяча причинъ! главнѣйшая же та, что я *нигдѣ* не могъ бытъ собою доволенъ. Черезъ день послѣ свадьбы собрались мы опять на швердую землю; но обыкновенный путь былъ для насъ зепернъ. Мы повѣхали чрезъ Шве- цію и Данію, и проѣзжая Нѣмецкія земли, приблизились наконецъ къ Италїи, которая,

особенно въ то время, была для Англичанъ недоступна. Зная то напередъ, умѣлъ я до-спать себя паспортъ на имя Датскаго дворянина. Подложное имя и видъ послужили намъ очень въ пользу, шѣмъ болѣе, что жена моя говорила только по-Англійски, а эпошъ языкъ въ южныхъ странахъ обыкновенно смѣшивающъ съ Датскимъ.

Тамъ прожили мы долго. Жена моя была уже очень беременна, какъ ей вздумалось вдругъ, не знаю по какимъ причудамъ, отправишь свои роды въ одномъ большомъ городѣ нашего опечесства. Мы поѣхали назадъ. Но иначе суждено было небесами. Когда прѣехали мы въ Германію, вдругъ занемогла любимая женщина Арабеллы, такъ, что мы должны были останоившись; на третій день она умерла. Хотя жена моя не видала ее съ того часа, какъ она, жауясь на головную боль, слегла въ постелю, но за всѣмъ шѣмъ извѣстіе о шоль внезапной смерти произвело въ ней сильный нервный припадокъ, а потомъ, едва опѣехали мы еще нѣсколько миль до маленькаго городка А **, какъ почувствовала она такое изнуреніе и тоску, что дальнѣйшее путешествовіе сочла для себя опаснымъ и рѣшилась ожидать на томъ же мѣстѣ родовъ своихъ. Эта прихоть не была мнѣ непріятна. Впрочемъ, какъ

ни любилъ я Нѣмецкіе нравы и образованность, но совершенное незнаніе Нѣмецкаго языка жены моею удерживало и меня, большею частію, дома. Можеть быть, причиною тому была и ревность ея — болѣзнь, кою рою мы оба заражены были — она изъ самолюбія, я изъ гордости. И шакъ наше общество ограничено было только путешествующими соотечественниками нашими; копорые въ это время появлялись очень рѣдко и въ маломъ числѣ, и изъ немногихъ особъ, понимавшихъ языкъ нашъ. Это сдѣлало для меня городскую жизнь почти несносною, и унывающаяся мнѣ со всѣхъ сторонъ прелестная природа, копорую любилъ я всегда, внушила мнѣ мысль жить здѣсь совершенно для себя. Очень трудно было въ такомъ маленькомъ городкѣ, найти для найма домъ, въ копоромъ бы хотя призракъ величія и пышности могъ окружать мою Леди. Въ этомъ случаѣ пособилъ намъ городской лекаръ, копорый зналъ по-Англійски и, можеть быть по тому самому, уговорилъ жену мою не ѣхать далѣе. На концѣ города, въ весьма пріятномъ мѣстоположеніи, споеишь старое зданіе, бывшее нѣкогда жилищемъ большаго барина, но въ эту пору никѣмъ незанятое. Съ трехъ сторонъ окружаетъ его рѣка, текущая и по городу, копорый

опшъ нее получили свое наименованіе. Главное строеніе огромно и мрачно; къ нему прилегающъ еще длинные ряды службъ, копорыя въ послѣднее смущенное время были даже взяты для магазиновъ. Владѣлецъ давно уже не жилъ въ своемъ замкѣ, но комнаты въ немъ были оспаривлены такъ почто, какъ были въ его время, слѣдственно годились для жилья. Спорило однако большаго труда Доктору и самому городскому начальству, по его просьбѣ, уговорить преспарълюю женщину, копорая по смерти своего зятя, бывшаго каштеляномъ, имѣла надзоръ надъ всѣмъ домомъ, чпобъ она пустила насъ въ немъ пожить. Самъ оспуспствующій господинъ строго запрещалъ отдавать на житье главныя комнаты; но по темнымъ словамъ домоправительницы можно было догадываться, что какой-то предрасудокъ имѣеть еще болѣе вліянія на ея упорство. Съ видомъ заботливой опкровенности говорила она Доктору, что не надобно нарушать спокойствія духовъ, обитающихъ въ домѣ, что имъ нуженъ свободный входъ и выходъ, и подобныя тому недѣльныя вещи. Наконецъ, когда я рѣшился не держать большой услуги, а ограничиться только необходимѣйшими людьми, отчаспи же употреблять въ услуженіе двухъ духовъ старой женщины, она уступила

намъ пріемныя, пышныя комнаты замка, съ рѣшительнымъ условіемъ, что собственно жилые покои умершихъ господъ останутся для насъ недосупны, и будутъ замкнуты.

Отъ такого распоряженія пришлось мнѣ жить внизу, почти подъ самыми комнатами жены моей, следовательно довольно отъ нее далеко. Леди Арабелла находилась тогда въ какомъ-то уныломъ расположеніи духа, и еще прежде переселенія нашего говорила: все равно, гдѣ бы ни умереть; почему и не хотѣла я рассказывать ей вздорныхъ шолоковъ старой домоправительницы. При всемъ томъ не только меня, но и Леди объялъ невольный ужасъ, когда мы вошли въ огромныя комнаты, которія хотя и были удобны для жилья, но вообще носили на себѣ отпечатокъ запустѣнія и устарѣлости. Впрочемъ лаская для самолюбія мысль, что и въ маленькомъ городкѣ нашлось жилище, соответствующее знатности нашей и богатству, вскорѣ утѣшила жену мою и помирила ее съ поблекшею наружностію комнатъ. — Примыкающія къ нашимъ хозяйскія горницы нашли мы прочно запертыми, и старушка домоправительница совсѣмъ не изъявляла охоты показать ихъ намъ.

Между тѣмъ радовались мы и тому, что по малому числу служителей, во влукѣхъ

старушки увидѣла самую лучшую тому замѣну: хотя Сара, заступившая мѣсто умершей горничной жены моей, не знала нашего языка, но готовность ея къ услугамъ и много отличныхъ качествъ дѣлали ее способною на все; въ необходимѣйшихъ же случаяхъ Леди употребляла для разговоровъ съ нею брата ея Илью, знавшаго нѣсколько по-Французски. Сара переселилась изъ своей маленькой каморки, поближе къ спальнѣ жены моей; по видимому, ей не хотѣлось этого, но она потчасъ это сдѣлала въ угодность своей госпожѣ — если можно употребить это послѣднее выраженіе: почему-то боялся я считать обыкновенными служителями этихъ молодыхъ людей, жившихъ у своей бабушки, хотя въ низкомъ бышу, но въ весьма счастливомъ, и только по искреннему добродушію согласившихся бытъ у насъ слугами.

Не такъ думала Леди Арабелла: причудливость ея и властолюбіе съ каждымъ днемъ становились нестерпимѣе, и тѣмъ самымъ обратила она мое особенное вниманіе на крошкующую Сару, которая все переносила съ удивительнымъ терпѣніемъ и услуживостію, тогда, какъ всякая другая дѣвушка на ея мѣстѣ потчасъ уклонилась бы отъ столь непріятнаго положенія. Впрочемъ жи-

ли мы не совсѣмь безпокойно; я все еще былъ доволенъ, и потому почти пропускалъ мимо ушей всѣ длинные рассказы своего Вуда, который, проживъ долго въ Германіи и навывнувъ такъ говорить по-Нѣмецки, что едва можно было узнать въ немъ иностранца, набирался всякихъ слуховъ въ ближнемъ шракширѣ и подчивалъ меня ими при свиданіи. Тамъ-то насвистали ему въ уши, что не совсѣмь смирно въ замкѣ, что значимые спарой домоправительницы, бывая у нее по вечерамъ, нерѣдко замѣчали, какъ будто есть кто-то въ хозяйскихъ покояхъ; что даже иногда видали шамъ огонь; но спаруха не хотѣла слушать подобныхъ рѣчей, говоря, что это пустое. Рассказывали далѣе, что послѣдне-умершіе владѣльцы были очень сердитые и вздорливые люди; мушь — какъ выражались — былъ загнанъ женою на смерть, и она сама, въ наказаніе своей сварливости, произвела на свѣтъ какого-то уродца, или по крайней мѣрѣ такого ребенка, который носилъ оппечашокъ Каина на лицѣ своемъ, и ей самой, ужасомъ и раскаяніемъ, стоила жизни. Съ тѣхъ поръ прошло уже тридцать или сорокъ лѣтъ, почему все облечено было баснословнымъ шуманомъ, особливо же, когда послѣдній въ родѣ, несчастный видомъ своимъ мальчикъ, исчезъ, былъ сомненъ умер-

шимъ, допомою однако въ срокъ своего совершеннѣвша внезапно явлася къ опекуну и наконецъ оцашь пропала безъ вѣсти. Немногіе отдаленные его родственники ничего объ немъ не говорили, какъ и собствєнные люди его, кощорые или ничего не знали, или получали извѣдка шолько самыя глухія опъ него извѣстія. — Какъ ни мало я вѣрилъ шакимъ расказами, однако они сдѣдали на меня нѣкоторое впечатлѣніе. Эта, въ полусвѣтѣ представленная мнѣ картина, показала для меня очень схожую съ моими супружескими отношеніями, хоша впрочемъ съ Леди Арабеллою не доходило у насъ еще до площадныхъ ссоръ. Но кто же могъ видѣть въ будущемъ? — Уже въ это время была между нами большая холодность, легко раздражаемая, копорая, имѣя источникомъ почти одинаковое направленіе двухъ гордыхъ и причудливыхъ характеровъ, заспаляла всего опасаться: но мысль, что ежедневныя и непрерывно возрастающія огорченія, могутъ имѣть дурное вліяніе на ребенка, долженствующаго носить нѣкогда мое имя и мое званіе, и наследовать общее наше богатство, принуждала меня къ уступчивости.

Такимъ образомъ было мнѣ очень трудно молчать, когда предєстная, крошкая Са-

ра, при всей добротѣ и усердіи, не могла ничѣмъ угодить, а напрошивъ, часто еще принуждена была переносить довольно жесткую брань отъ грубаго Илья, служившаго госпожѣ толмачемъ. Илья былъ прекрасный собою, но совсѣмъ недпесанный малый. Припомъ въ чертахъ лица его крылся слишкомъ прошивный для меня отпечатокъ легкомыслия и раннаго распушества, чѣмъ сославлялъ онъ совершенную прошивоположность съ сестрою. Еще разительнѣе было различіе Сары, по ея кропкому обращенію, по простодушію и ишннѣ, блиспавшимъ изъ каждой черпты, не прелестнаго, но миловиднаго лица ея, даже по весьма простому, но опрятному ея платью — съ надменною, сухою величавостію Леди Арабеллы, и это возбудило во мнѣ живѣйшее участіе къ молодой дѣвушкѣ. Часто, когда кто нибудь изъ окружающихъ ее, или я самъ, обращался къ ней съ вопросомъ, который, какъ мнѣ казалось, долженъ былъ привести ее въ смущеніе, она попчасть покоино и свободно, безъ всякаго жеманства, опвѣчала какимъ нибудь текстомъ изъ Библии, какъ будто бы это было сродное полько сердцу ея выраженіе. Свѣта не знала она, ни его удовольствій; боялась, по видимому, и шого и другаго, но боялась не пошому, чшобъ ей

наговорено было, будто это опасно и грѣшно, а какъ вещей новыхъ, безъ которыхъ можно обойтись, и которыхъ бояшся единственно только по незнанію.

При гордомъ и дерзкомъ обращеніи Леди Арабеллы, нельзя мнѣ было не спараться вознаградишь иногда скромную Сару, за всю перпѣливость ея, дружескою привѣтливостію, хоть я и замѣчалъ, что въ такомъ случаѣ жена моя обыкновенно сморѣла на насъ съ внутреннимъ бѣшенствомъ. Мнѣ было это смѣшно, потому, что хотя каждый день невольно дѣлалъ я сравненія, которыя всѣ оканчивались не въ пользу госпожи, однако дѣйствительно чувствовалъ себя совершенно невиннымъ, до тѣхъ поръ, пока наконецъ подсперегъ себя въ такомъ расположеніи духа, опъ копораго ужаснулся.

Давно уже съ тайнымъ прискорбіемъ замѣчалъ я, что Илья слишкомъ овладѣлъ своею бабушкой, не сморѣя на то, что весьма часто дѣдалъ ей огорченія своими шалостями; опъ того, по моему заключенію, происходило и его неуваженіе къ Сарѣ, копорая всегда съ прогательнымъ добродушіемъ объ немъ заботилась. Однажды случилось мнѣ войши незамѣпно въ первую залу, гдѣ обыкновенно они сидѣли, и какъ удивился я, увидя, что Илья, не знаю, шуша, или изъ нѣж-

ности, хотѣлъ вынудить отъ Сары поцѣлуй, кошорый, по долгомъ сопротивленіи, наконецъ она и дала, сказавъ при томъ съ шоскливою миною: „ну вошь тебѣ, шолько впередъ никогда!“

Какъ скоро они примѣшили меня, Илья скрылся изъ комнаты; что и прежде нерѣдко случалось — даже шакъ, что наконецъ это спало возбуждашь во мнѣ досаду. — Смѣючись, спросилъ я Сару: почему не хотѣла она поцѣловать брата?

„Онъ мнѣ не братъ!“ отвѣчала она. Тутъ узналъ я, что они дѣши двухъ сестеръ — онъ старшей, а она младшей дочери домоправительницы нашей.“ Мы рано потеряли нашихъ родителей“ — сказала Сара: „Здѣсь въ домѣ скоро умирають. Прежде онъ лишился своихъ; отъ той же болѣзни скончалась и моя мапушка — уже три года тому назадъ....“ Слезы помѣшали ей говорить. Я спросилъ объ ея отцѣ. Она не знала его; онъ умеръ еще прежде ея рожденія; но за всѣмъ шѣмъ, при взглядѣ на прошедшее, одушевляющая радость заблестала сквозь слезы на глазахъ ея. Съ такою протательною почтительностью говорила она о покойной своей матери, что забыла обо всемъ въ мѣрѣ. Какъ будто бы ша носилась еще вокругъ нее, или по крайней мѣрѣ ос-

ставила ей путеводный лучъ, который, непримѣнно для другихъ, показывалъ ей всегда только одно справедливое, чтобы не заблудилась она во мракъ такъ называемаго свѣта — чтобы сохранила душевное спокойствіе, внутреннее упованіе на Всевышняго.“

„Это черты моей матери!“ воскликнулъ Констанція: „Такъ бывають и у другихъ матери, подобныя моей! Благодареніе Богу, моя живеть еще! Каково же было той, бѣдной, осиротѣлой дѣвушкѣ!“

— „Правда, что бѣдная, осиротѣлая!“ повторилъ Лордъ со вздохомъ и въ размышленіи; но вдругъ опомнился, и началъ снова рассказъ.

„Открытіе, что Илья не братъ ей, сдѣлало на меня необыкновенное впечатлѣніе; все вертѣлось у меня на умъ поцѣлуй, котораго она не хотѣла ему дать, и это теперь веселило меня въ душѣ. Я сдѣлалъ ей нѣсколько вопросовъ объ ея къ нему отношеніяхъ; ей нѣчего было скрывать, въ ея невинности. Она любила его, какъ брата. Дѣлая много проказъ, часто печалилъ онъ ее и бабушку; но, по ея словамъ, въ сердцѣ онъ былъ дѣйствительно добръ. „Злобы въ немъ бышь не можеть!“ — говорила она: —

„но съ нѣкотораго времени спалъ онъ ласково, чѣмъ прежде, обращаюсь со мною, а я этого не хочу.“

— „Можешь быть, онъ любитъ тебя?“

Она посматрѣла на меня съ недоумѣніемъ.

— „Желаетъ имѣть тебя своею женою?“ продолжалъ я.

Она поблѣднѣла. „Онъ? меня? не можешь быть! Ахъ, Боже мой, нѣтъ! Я не думаю! Онъ такой будянь!“

Не скрылись отъ меня тѣ чувства, какія въ этотъ разговоръ попеременно тревожили мою душу: съ удивленіемъ увидѣлъ я, что Сара спала для меня слишкомъ мила; и пренепъ возбуждала во мнѣ та мысль, что она можешь dospахъся въ руки распутнаго негодая, хотя по чистотѣ внутреннихъ побужденій, вѣроятно ей самой неизвѣстныхъ, чувствуешь къ нему отвращеніе.

Я рѣшился наблюдать за нимъ, и мнѣ показалось, что между нимъ и Леди Арабеллою существуетъ довольно близкая связь. Я удивился; ревности не было во мнѣ ни сколько, да и не могъ я имѣть ее, зная какъ велика надменность жены моей, и какъ мало въ ней чувственности: но меня огорчала мысль, что такая непонятная снисходительность Леди можешь подать поводъ

къ надеждамъ жалкому слугѣ при такихъ чувствахъ, Самѣ время приближающихся родовъ жены моей, заставлявшее какъ можно щадить ее, не остановило бы меня конечно предпринять перемѣну въ нашей семейственной жизни, даже совсѣмъ уѣхать изъ шого края, если бы присущствіе Сары не оковывало самого меня съ каждымъ днемъ болѣе. — Никогда не чувствовалъ я столь сильно во всей подношѣ, ничтожности знашной породы и богатства, какъ теперь вблизи своей Арабеллы и Сары. Предъ ангельскою крошестію и добротою послѣдней, даже при томъ ограниченіи поняшій, въ какомъ она жила, и конорымъ умное воспитаніе ограды ее, какъ спѣною, придало ей новую прелестъ — что значило все то, чѣмъ блистающъ въ свѣтѣ и чѣмъ Леди Арабелла въ избынкѣ была снабжена?

Я былъ тогда рѣшителенъ: уже въ глумомъ себялюбіи, не помышляя о свѣскихъ приличіяхъ, я признавался въ самомъ себѣ, что если бы я былъ свободенъ, то зависло бы ошъ Сары сдѣлаться Леди Эгледонъ, и вскорѣ, говорю тебѣ откровенно, любезный Коншаншинъ, вскорѣ думая о приближающихся родахъ жены своей, я въ душѣ желалъ спасенія жизни только дитяни; если — шепшало во мнѣ что-то — если старшій

сынъ — я навѣрное думала имѣть сына — если онъ родится отъ *равнаго* супружества, тогда достигнуто самое лучшее назначеніе этой мащери, и что ей болѣе дѣлать на бѣломъ свѣтѣ!....

Мрачность и слабодушіе жены моей, безпрестанно возраспающія, давали еще болѣе пищи скрытымъ желаніямъ моего сердца. Въ послѣднее время часто я находилъ ее какъ бы въ мысляхъ о распредѣленіи своего наслѣдства: она раскладывала передъ собою и разбирала свои брилліанты, оставляя иногда по цѣлымъ часамъ на стулѣ, такъ, что я рѣшился замѣшить ей, какъ это неблагоразумно и со злобною миною намѣкнулъ, что совсѣмъ не довѣряю Ильѣ.

„Какъ же мы различно думаемъ!“ возразила она обидчивымъ тономъ: „Я шакъ не довѣряю Сарѣ.“

Мысль объ ожидаемомъ младенцѣ зачала мнѣ рошъ. Вскорѣ потомъ, къ моему восхищенію, кошорое ни мало не было уменьшено опаснымъ положеніемъ родильницы, дѣйствительно она родила мнѣ сына. — Леди Арабелла не долго была больна; а между тѣмъ для дѣтяши найдена была кормилица, и оно шотчасъ удалено было отъ глазъ мащери, кошорая шотлько изрѣдка, и шот на минуту, приказывала приносить его къ себѣ. Сара

же, напрошивъ, посвящала ему каждое мгновение, въ которое была свободна. Жена моя довольно часто ее опъ себя отпускала, чшобъ оставаться одной съ Ильею. Къ удивленію своему, заспаваль я ихъ всегда въ самыхъ дружескихъ разговорахъ, которые не безъ замъшательства прерывались при моемъ появленіи.

Однажды при такомъ случаѣ, Леди Арабелла, опъ которой не скрылось мое изумленіе, почти съ видомъ торжества спала меня уговаривашь, чшобъ я назначилъ день опъзда. Можешъ быть, она полагала, чшо я не могу и не захочу оставишь дъвушку, которой однако ни однимъ словомъ не опкрылъ я гаупой своей спрасти, и которая была такъ невинна, чшо не поняла бы ея никогда изъ глазъ моихъ, хотя всегда смотръла на меня свободно и весело. Предложеніе жены моей разсердило меня, потому чшо я увидълъ, куда она цълишь. Я опвъчалъ коротко, чшо малышка нашъ не такъ еще укръпился, почему и нельзя думать объ опъздѣ. Она поблвднъла и, не сдълавъ никакого возраженія, ушла въ свой кабинетъ.

Къ обвду она не явилась. Мнѣ сказали, чшо она не совсемъ здорова, и лежишь въ постелѣ. Расперзанъ внутренно, но не давая никому того замъшнить, я вълъ, какъ бы ни-

чего не случилось, и попивалъ исправно вино. Вставши наконецъ, подумалъ я, что приличіе требуетъ освѣдомиться самому объ ея здоровьи. Но Сара вышла ко мнѣ на встрѣчу, и съ крошостою, которой умѣла придасть что-то умоляющее, объявила мнѣ, что Леди Арабелла желаетъ, чтобы ее оставили въ покоѣ. Крошость Сары удержала во мнѣ порывъ бѣшенства, но не смягчила его. Я пошелъ, молча, къ себѣ внизъ и предался досадѣ, самой неистовой.

Какъ все возбуждало меня къ сравненію между обими! Я не сомнѣвался, что болѣзнь жены моей была приговорная, вѣроятно изъ зависти, ревности и оскорбленнаго самолюбія; моя безушънная будущность предъставилась какъ бесплодная пустыня души моей, — только болѣзнь жены, шаякая болѣзнь — только смерть ея, казалось, могла мнѣ бытъ оправдою; помнилъся мнѣ даже, но благодаря Бога, помнилъся очень смущено, что уста мои лепетали уже мольбу о шомъ ко Всевышнему; однако во глубинѣ души я не былъ причащенъ шакой злости; да и мольба въ шакомъ случаѣ была бы только заклятіе, вянное не Богу, а чернымъ, съ людьми враждующимъ силамъ.

Въ одномъ изъ эшихъ припадковъ послышались мнѣ слабые крики; я слыалъ при-

слушиваешься; вскорѣ показалось мнѣ, будто что-то упало надъ потолокомъ моей комнаты, и по соображенію этому, надлежало бытъ въ горницѣ моей жены. Я спалъ какъ вкопанный, но чувствуя, благороднѣйшія прежнихъ, вывели меня изъ бездѣйствія. Схватываю свѣчу и бѣгу довольно ошдаленнымъ пушемъ вверхъ по лѣстницѣ, на кошорой, самъ не знаю, по какому побужденію, поворачиваю въ лакейскую, и приказываю людямъ, поже, по видимому, встревоженнымъ, слѣдовашъ топчась за мною. Мы взбѣжали — я впереди всѣхъ — и прямо въ уборную жены моей. Тамъ, на туалетѣ, горѣли двѣ свѣчи, кошорыя должны были броситься мнѣ въ глаза, потому что онѣ ихъ блискали бриллианты, разсыпанные по полу. Тушь же на полу наконецъ увидѣлъ я Леди Арабеллу, плавающую въ крови.

Я поднималъ ее — продолжалъ наблюдать шій и встревоженный Лордъ, послѣ краткаго молчанія. Съ перваго взгляда показалось мнѣ, что ее задушила — она дѣйствительно была уже мертва — сильное изверженіе крови горломъ. Но въ то же время подали мнѣ окровавленный охотничій ножъ, кошорый подыали на полу возлѣ шуна.

Убіиство казалось несомнѣннымъ; я, очивши въ безпамятствѣ, схватываю оружіе,

схватываю опять свѣчу и обвожу быстрымъ взоромъ кругъ изумленныхъ служителей. Они были тупъ весь, исключая одного Ильи. Пораженный мыслию, почему его нѣтъ, я бѣгу назадъ пѣть же пушемъ, которымъ пришелъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ. Помню только, что я хотѣлъ искать убійцы. Когда я выбѣжалъ на дворъ, вдругъ увидѣлъ Илью. Не знаю уже, нагналъ ли я его, или онъ шелъ мнѣ навстрѣчу; только онъ дрожалъ всѣми членами; я схватилъ его за руку и, въ своемъ изступленіи, закричалъ: „убійца!“

Онъ побѣднѣлъ и далъ себя свободно шацишь въ комнату жены моей, гдѣ Вудъ и оставшіеся служители спояли въ ужасъ и недоумѣніи; къ нимъ присовокупилсъ послѣ старая домоправительница и кормилица.

„Вошь убійца!“ повторилъ я, вшаскивая за собою Илью. „Что побудило тебя къ такому злодѣйству?“

— „Я?“ вскричалъ онъ вдругъ, опомнясь: „я убійца? я ни о чемъ не знаю.“

„Лжешь, негодяй!“ — закричалъ Вудъ, котораго, одинъ изъ насъ сохранялъ еще нѣсколько присутствіе духа. — „На тебя кровь!“ И въ самомъ дѣлѣ плащъ его было окровавлено.

— „Отведише его подь спражу!“ воскликнулъ онъ.

„Ради Бога! подумайте, что вы дѣлаете!“ умолялъ Илья, бросаясь къ моимъ ногамъ, и уже безъ смущенія: „подумайте: вы сами окровавлены, а меня схватили.“

Это замѣчаніе, которое вмѣстѣ могло значить и обвиненіе, возмутило мнѣ душу. Между тѣмъ Илья весьма измѣнился въ лицѣ, когда Вудъ показалъ ему ножъ и спросилъ: „знакомо ли тебѣ это?“

Онъ пристально посмотрѣлъ на меня, и какъ бы содрогаясь, сказалъ: „руки мои чисты!“

Съ такимъ упорствомъ обращаемая на меня клевета поразила меня. Уже одинъ изъ служителей побѣждалъ за спражею. Я опшодкнулъ шаруху домоправительницу, которая въ спрашномъ испуленіи, безъ словъ, но громко рыдая, обнимала мои колѣна. „Я дѣлаю, что должно!“ вскричалъ я сурово: Развѣ не слышите, что говорите вышопъ негодяй? Судъ разберетъ все цокойнѣ и справедливѣе, нежели я.“

Волненіе въ крови не позволяло мнѣ писать. Вудъ описалъ весь случай, какъ я рассказалъ ему. Пришла спража и увела съ собою Илью. Кормилица вывела изъ комнаты расплаканную, почти безчувственную

его бабушку. За ними вышли и все служители. Я остался с Вудомъ одинъ. Сары совсемъ шущь не было.

Лишь только опомнился я ошь первыхъ движеній, какъ мнѣ пришло эшо на мысль, и показалось эшо страннымъ. Я спросилъ объ ней Вуда. „Кормилица была здѣсь“ — отвѣчалъ онъ: „шакъ вѣрно она сѣдѣла за нее у ребенка.“

Эти слова сѣдѣли на меня необыкновенное впечатлѣнiе: въ эшу неисповую минушу убійства, ужаса и смяшенiя, не спрашивая, не угрожаешь ли опасностьъ ей или близкимъ ея, она оставалась шамъ, гдѣ милое существо, невинное, какъ она сама — брошенное ошь любопытства и испуга, требовало присмотра и защиты. Сбравшись наконецъ болѣе съ духомъ, пошелъ я въ комнашу дѣтяши. Она была шамъ, но не замѣшила моего прихода. На колѣняхъ передъ колыбелью моего сына, она приспально смотрѣла на него, сложа руки крестомъ на груди. Кормилица стояла въ нѣсколькихъ шагахъ ошь нее, все еще разспроенная и смущенная.

„Все ли она знаешь?“ спросилъ я тихо у эшой.

„Все!“ отвѣчала кормилица шакже тихо: „она просила меня ийти ошшь къ ба-

бушкѣ; сама де не можешь и останешься здѣсь. И правда! вошь ужь славная нянька! Я шакъ обезпамятѣла осьь спраху; но не смѣла шощчась бѣжать шуда — она меня не пустила.“

Я приказала ей ийти, а сама подошла къ Сарѣ. Тогда шолько пришла она въ чувство, когда я легонько до нее дошпрулся. Не вспавая съ коленъ, она выпрямила голову и бросила на меня взглядъ — взглядъ неописанный; пошомъ сказала шихо: „Ахъ! что вы сдѣлали? бѣдный Илья! я все думала, что вы ишшино добры и справедливы, но вамъ ничего не стоило расшерзашь сердце спарой бабушки; я не могу ее видѣть, пока вы не освободите его!“

— „Милая Сара!“ ошвѣчала я, пораженный: „я никакъ уже не могу. Все показывается, что онъ виновень, я гошовъ поклясьсь.“

„Виновень!“ возразила она, бышпро смощря мнѣ въ глаза: „Кшо жь изъ васъ безъ вины?“

Эши слова поразили, какъ ядовитымъ кинжаломъ, мою внушренность: не я ли сама желала смерти жены моей? не на моей ли совѣши лежало убійство, хотя еще мысленное? Но слова Ильи: „Вы сами окровавлены,

а меня схватили," проникли опять въ мою душу, съ такимъ чувствомъ, какъ будто бы я самъ подговорилъ его къ злодѣйству.

„Но“ — продолжала она по краткомъ молчаніи: „въ этомъ ужасномъ убійствѣ онъ невиненъ.“

— „И это вы знаете?“ спросилъ я, запынчался: мнѣ казалось, будто хочешь она оворопишь на меня злодѣаніе. „Какъ же? кто? Объяснитесь!“

„Не могу, не смѣю сказать!“ отвѣчала она.

— „Не можете; но опъ того, если говорите справедливо, зависить участь невиннаго.“

„Спасите его, умоляю васъ; онъ точно невиненъ въ этомъ ужасномъ дѣлѣ — невиненъ, повѣрьте мнѣ, какъ я сама!“

— „Я долженъ вамъ вѣрить“ — возразилъ я, еще больше изумленный — „но всѣ обстоятельства говорятъ противъ него: его смущеніе, ножъ, даже мѣсто, гдѣ я нашелъ его. Судъ конечно изслѣдуетъ.“

„Судъ!“ вскричала она: „ахъ, какъ можете вы на то полагаться. Часно слыжала я, что судъ рѣшаетъ несправедливо, что? если и его осудить? — Ахъ, что вы сдѣлали!“

— „Если онъ невиненъ, по что ии-
будь скажешь въ свое оправданіе. Судя по
его смятенію, надобно, по крайней мѣрѣ, за-
ключить, что онъ былъ при убійствѣ.“

„И я была при томъ“ — сказала Сара
покойно: „шакъ вы и меня опшдадите подь
спражу?“

— „Вы? возможно ли это? вы? Боже
мой!“ вскричалъ я въ ужасъ: — „шакъ ста-
ло бышь вы знаете виновника — назовите
его.“

Она покачала только головою.

— „Это долгъ“ — продолжалъ я: — „ко-
торый требуетъ отъ васъ закономъ, об-
щественномъ, вашими родственниками.“

„Я никого не выдамъ“ — сказала она по-
снѣшно: „никого не предамъ преслѣдованію
людей. — Осуждашь на смерть, значишь-
убиваешь.“

— „Но“ — возразилъ я едва слышимо,
безпрерывно болѣе перзаемый словами ея —
„чтобы спасти невиннаго . . .“

„Это вамъ должно сдѣлать, если вы вѣ-
рите словамъ моимъ:“ — отвѣчала она бодро:
„пошому что вы въ своей опрометчивости,
въ ославленной дерзости, опшдали его на по-
гибель.“

„Я донесъ только о томъ, что видѣлъ
и что долженъ былъ заключить; вы ближе

къ нему по всѣмъ отношеніямъ, обязаны ему родственною любовью, родственными чувствами; я же ему ничто: — и вы опираетесь сказавъ слово, которое шопчасъ спасеть его!“

„На счетъ того, кому я, можешь бышь, еще болѣе обязана; а если бъ и не была обязана — одно мое слово ничего передъ Судомъ не значить, пошому, что слово не доказательство; а если бъ и оно было уважено, то лучше пусть прежде изсохнеть горшанъ моя, нежели произнесешь слово, кого нибудь осуждающее; ошь меня попребовали бы въ шомъ опчета, и я не могла бы дать его, пошому, что въ моемъ поступкѣ была бы такая же слѣпота, какъ и въ вашемъ. Прощу васъ, для васъ самихъ: поправьте то, что худо вами сдѣлано. Вы умны и знашиы: вы знаете, что вамъ возможно; я знаю только, что невозможно мнѣ. Примини на себя то, чего я не могу сдѣлать. Если же не хопише, шамъ, на небесахъ ешь Господь: Онъ спасеть бѣднаго Илью, и не попустишь меня согрѣшишь. Однимъ только словомъ вашимъ вы вѣдь не можете опияшь у него жизни; нѣтъ, много вы не можете.“

— „Нѣтъ!“ возразилъ я поспѣшно: „я самъ готовъ за него оспашься, если вы назовете мнѣ пресшупника.“

Она посмотрила на меня въ недоумѣннѣ.

— „Объщаю вамъ“ — продолжалъ я: „не выдавашь васъ Суду; но я хочу знашь это, чшобъ шѣмъ болѣе съ чистшоу совѣстью за него дѣйствовашь.“

„Поклянишесь мнѣ молчашь“ — сказала она: „иначе это будешь лежашь, какъ убійство, на душѣ моей. — Смершь и посрамленіе одного не воззовешь къ жизни другаго; а если бъ и шо было, человекъ должень все предоставишь Богу; человекъ умерщвляеть, если онъ призываеть смершь на ближнаго своего. О, бѣднѣй Илья!“

— „Клянусь молчашь“ отвѣчалъ я, прогнущій во глубинѣ души: „пока не угодно будешь самому Богу отккрышь убійцу.“

„Хорошо же, я вѣрю вамъ, и“ — продолжала она, запинаясь и въ смущеніи — „назову вамъ, — но, Боже мой! теперь шолько пришло мнѣ на умъ, чшо я зваю одно прозвище — не знаю, поймете ли вы его или нѣшъ; но ни въ какомъ случаѣ, не дѣлайте болѣе вопросовъ, заклинаю васъ — общайте мнѣ напередъ.“

— „Объщаю оцѣ души, какъ и поклялся въ душѣ своей. Кто жѣ прешщупникъ?“

Она посмотрила на меня прѣспально, положила руку себѣ на грудь и произнесла

имя, которое, вѣроятно, и въ вашихъ ушахъ звучало такъ же часто, какъ прежде того въ моихъ, и которое готовъ бы я былъ сказать вамъ, если бъ не поклялся; но конечно васъ оно еще больше зашумало бы въ мысляхъ, потому, что и я самъ не спалъ ошъ него умнѣе — напрошивъ пораженъ былъ какою-то демонскою силою: оно, какъ показалось мнѣ, цѣлило на меня.

Я умоахъ и съ того мгновения не говорилъ; казалось, что взглядъ его проникъ глубоко въ грудь мою — какъ будто все мои грѣхонныя помышленія, слившись въ одно цѣлое, осуществились произнесеннымъ ею словомъ и опдѣльно ошъ оспава представились ей въ видѣ убійцы, совершившаго злодѣяне, которое точно созрѣло въ душѣ моей. У меня какъ бы помушилось на умѣ: я въ самомъ себѣ видѣлъ изверга, умерщвившаго свою жену. Твердая увѣренность оспаза во мнѣ, что Илья невиненъ, что одно мое опрометчивое слово повергло его въ величайшую опасность; мнѣ казалось, что другое такое же слово, мною произнесенное, предасть меня самого, какъ истиннаго убійцу. Я чувствовала, что союзъ мой съ непорочною Сарою долженъ бытъ распоргнуть мои помышленія и самымъ дѣломъ. Мнѣ

представилось необходимостію, за возродившіся впадинъ грѣхи принесли пайное покаяніе. Словамъ: клянусь молчать, пока не угодно будетъ Богу открышь виновнаго, давалъ я въ эту минуту пространнѣйшій смыслъ, о которомъ прежде не помышлялъ, и съ чувствомъ, послужившимъ для меня истиннымъ утѣшеніемъ. Таковъ человекъ! Это покаяніе въ самомъ себѣ много разъ меня успокоивало, даже въ сіе мгновеніе утѣшаетъ меня, что если я и нарушилъ обѣщаніе свое, то единственно въ опроверженіе убійства; если же бы часовой прицѣплялся въ меня одного, если бъ вы не бросились на грудь мою, я понесъ бы свое наказаніе съ собою въ гробъ. Да, почтенный другъ мой, глубоко въ душѣ почувствовалъ я сказанное некогда вами одно слово: даже мысль умершвишь можешь. — Поэтому-то, какъ и по необходимости, храню я молчаніе.

„Какъ?“ вскричалъ Конспаншинъ, котораго подъ конецъ его рѣчи какъ бы въ половину только слушалъ: „только ошъ васъ получилъ я письмо и богатый подарокъ — а я, я думалъ — да, теперь только все для меня ясно!“

— „Конечно опъ меня, но ни слова о шомъ болѣе!“ отвѣчалъ Лордъ. „Слушайте дальше, я сей часъ кончу:

Сара, при послѣднемъ словѣ, опъ меня опвернулась и склонилась на колыбель, какъ бы невинностию ребенка желая упоинть внушрению шоску свою. Съ швердою рѣшимосшю въ груди вышелъ я изъ комнашы и пришелъ въ свою. Тамъ Вудъ, не получа опъ меня опвѣна ни на одинъ изъ вопросовъ своихъ, спшалъ смопрѣнъ на меня съ ужасомъ и сосшраданиемъ. Я далъ ему знакъ молчанья, спшрался самъ собраться съ духомъ и обдумашъ, что нужно. Скоро въ нѣсколькихъ шпрокахъ написалъ я ему, что случившееся произвело во мнѣ спазмы, конорья связывающъ мнѣ языкъ; что я не желаю медицинскихъ пособій, надѣюсь болѣе пользы опъ перемѣнѣ мѣсна и воздуха. Его одного, ходившаго со мною съ младенчештва, и шогда, болѣе, нежели бы я хотѣлъ, чшпавшаго въ душѣ моей, вздумалъ я взять съ собою; другимъ людямъ, приказывалъ ему, объявинъ оппуска, съ обязашельствомъ, чшобъ не оставляли города, пока не будушъ допрошены судомъ; шогда же снабдилъ я его новымъ кошелькомъ. Правительству опкрылъ попомъ настоящее свое имя, объясня полишическiя обстоятельштва, кошо-

рыя побудили меня къ ушайкѣ своей націи; дадѣ сдѣлалъ показаніе, что раскаяваюсь въ опрометчивомъ задержаніи Ильи, находя, по почтнѣйшемъ разсужденіи, что не сполько онъ самъ, какъ положеніе, въ какомъ всѣ мы тогда находились, подало мнѣ на него подозрѣніе; шуть же опозвался я о немъ гораздо лучше, нежели бы когда либо сдѣлалъ это при другихъ обстоятельствахъ. Это донесеніе запечаталъ я вмѣстѣ съ письмомъ къ Доктору, котораго просилъ озабочиться погребеніемъ жены моей, дитя же оставилъ у домоправительницы, которой хотѣлъ показать шѣмъ особенную свою довѣренность. Сары нигдѣ я не назвалъ, хотя ей собственно поручалъ дитя свое: я чувствовалъ, что не найду лучшаго для него приюта. Туть же приложилъ я вексель, котораго сумма могла бытъ достаточна для содержанія ребенка въ шеченіе года. Доктора просилъ бытъ опекуномъ его, не объявивъ ему однако, куда онъ можеть доставлять ко мнѣ извѣстіе. И прежде разсѣта былъ уже я въ шого волшебнаго края, котораго сила поработила мою душу. Уже съ полнымъ равнодушіемъ ко всему, что бы со мною ни случилось, отправился я въ одинъ большой городъ подъ настоящимъ именемъ Лорда Эглетона, но какъ будто судьба хотѣла усыпить меня

влымъ спокойствіемъ: ни малѣйшей непри-
ятности не встрѣнилось мнѣ въ семь оп-
ношеніи. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя со-
шелся я съ вами, и какъ уже давно спо-
еобствуеше вы, въ качествѣ истиннаго ду-
шевнаго врача, къ моему исцѣленію! — Я
кончалъ.“

— „Еще одну минушу!“ вскричалъ Кон-
стантинъ. „Зачѣмъ отвергаете вы самаго
лучшаго душевнаго врача, вашего сына? По
словамъ вашимъ, онъ все долженъ быть вамъ
дорогъ. — Поговоримъ еще объ немъ. Вѣдь
онъ живъ и здоровъ?“

„Не знаю“ — отвѣчалъ Лордъ: Я ничего
не слышалъ объ А**, не смѣлъ послать шуда
ни одного вопроса. Мнѣ бы очень хотѣлось
вхашъ шуда, но ужасаюсь одной мысли уви-
дѣшь снова шомъ край. Можешъ бышь уже
загадка шамъ разрѣшена, однако не могу безъ
трепеша помыслишь о шомъ, что мнѣ ска-
жушь.

— „Такъ предоставяше моимъ юноше-
скимъ силамъ пособишь вамъ, почтенный
другъ!“ воскликнулъ Константинъ. „Вы на-
звали меня врачомъ своимъ, и врачъ сей же
часъ велишь пригословишь лошадей къ ошъ-
взду въ А**.“

, Чтобы тамъ признали меня за убійцу!“
вскричалъ, поблѣднѣвъ, Лордъ Эггешонъ,
вскоча и скорыми шагами идучи по комнашѣ.

— „Вы ужасаете меня, Милордъ!“ —
сказала изумленный Конспаншинъ: „Какъ
возможно, чтобы ваше разспроенное вообра-
женіе заставляло васъ забыть, что самые
существенные признаки освобождаютъ васъ
отъ нареканія! Въдъ охотничій ножъ былъ
найденъ подлѣ шрупа — припомъ показаніе
Сары, правда, что загадочное — казалось...“

„Оно-то еще болѣе меня смущаетъ!“ —
возразилъ Лордъ уже съ болѣею швердо-
стію: „Она была въ то время съ моею же-
ною, когда меня не допустили — она видѣла
ея бѣшенство, ея опчаяніе; можетъ бытъ,
она прочла въ душѣ ея... Кто знаетъ, отъ
куда взялся охотничій ножъ! Илья, казалось,
узналъ его; если Леди Арабелла сама доста-
ла оружіе, сама — если злой духъ, монми
гнусными желаніями возбужденный, вспре-
пенулся въ душѣ ея — шогда развѣ я менѣе
убійца?“

— „Нѣтъ, Милордъ!“ — вскричалъ Кон-
спаншинъ поспѣшно: „мрачные призраки,
носящіеся предъ вашею душею, васъ обма-
нываютъ. Нужна ясность, чтобы ясно ви-
дѣть, а для шого именно намъ и должно

вхатъ студа. Здѣсь я только вижу, что вы окованы какими-то смущенными мечнями.“

„Продолжайте говорить“ — сказалъ Лордъ уже гораздо покойнѣе: „а мнѣ болѣе ничего. Пустьъ обьшь, священный для швердаго человека; вступишь опять въ права свои; спокойствіе мое возвратится съ моимъ наказаніемъ. Теперь не я, но звукъ моего голоса скажетъ вамъ, любезный Конспаншинъ, последнее слово: прости!“ Онъ посмотрѣлъ на часы, и положилъ себя палецъ на губы; потомъ опворилъ опять двери.

Конспаншинъ употребилъ всѣ усилія, склонилъ Лорда въправиться въ А**, и это наконецъ удалось ему, швъ легче можеть быть, что шайна, шягопившая спрадальца, уже раздѣлена была нъжнымъ, достойнымъ другомъ. Съ облегченнымъ сердцемъ Лордъ объявилъ самъ о повзакъ своей Вуду, который принялъ это извѣстіе съ радостными слезами, получивъ надежду увидѣть опять любимую опрасль фамиліи, кошорой посвяшилъ онъ всю жизнь свою.

Какъ бы въ бреду, вошелъ Конспаншинъ въ свою уединенную комнату: загадочное дѣло его друга, о кошоромъ не имѣлъ

онъ прежде ни малѣйшаго поняшя, такъ внезапно сдѣлалось и его собственнымъ. Одна загадка: о письмѣ и деньгахъ, имъ некогда полученныхъ, объяснилась; ему, какъ молодому юристу, хотѣлось неперв разгадать и все прочее. Образъ крошкой, можетъ быть суевѣрной Сары, которая неизвѣстною ей силою любовнаго очарованія увеличивая запутанность дѣла, носился уже въ прелестной лучезарности предъ душою его, по однимъ только словамъ друга. Ея дѣтская приверженность, какъ бы изъ собственнаго его сердца занятая, еще болѣе придавала прелести мечтамъ о ней. Ему казалось, что мать его, о которой воспоминаніе такъ живо было возбуждено въ душѣ его, должна сдѣлаться и ея машерью. Даже въ благочестивыхъ мнѣніяхъ Сары находилъ онъ ересьяво со своими. При всемъ томъ ему казалось необходимымъ, оправдать довѣренность Лорда открытіемъ, которое одно могло разрѣшить объшь его. Въ тревожномъ ожиданіи опривилъ онъ на другой день съ поварницею своимъ въ путь, для новой цѣли.

Между тѣмъ какъ онъ, перлясь по тѣмъ заключеній, обращалъ все свое вниманіе на одинъ пунктъ, случилось еще обстоятель-

ство, какъ бы нарочно для того, чтобы за-
дашь ему новую загадку. Дорога, по кото-
рой наши путешественники ѣхали, вела
черезъ одно мѣстечко, славящееся минераль-
ными водами, и весьма посѣщаемое. Лордъ,
который, съ робостию приближаясь къ цѣ-
ли, шѣмъ болѣе превозносился, чѣмъ ближе
отъ нее былъ; искалъ безпрестанно предло-
говъ оправдаться наединѣ; Конспаншинъ не
мѣшалъ ему, въ шѣхъ мысляхъ, что такимъ
образомъ еще скорѣе соберешь онъ всю свою
твердосшь. Такъ и въ эшотъ разъ, остано-
ваясь на ночь въ мѣстечкѣ, Лордъ заперся
въ своей комнатѣ, а пріѣшель, по просьбѣ
его, пошелъ ужинать, въ томъ же шракши-
рѣ, за хозяйскій столъ.

Недалеко отъ себя увидѣлъ онъ шощаго
пожилаго челоуѣка, который безпрестанно
украдкою на него посмапривалъ, и нѣмъ
привлекъ на себя его вниманіе. Конспан-
шинъ, подумавъ, узналъ въ немъ того поли-
цейскаго чиновника, которымъ нѣкогда, на
своей родинѣ, поставленъ былъ въ самое за-
труднительное положеніе. На лицѣ его сія-
ла, казалось, злобная радость, и эшо огор-
чило Конспаншина; какъ скоро шощъ под-
нялся съ мѣста, онъ подошелъ къ нему. „Я
не ушерпѣлъ, чшобъ не возобновишь стара-
го знакомства съ челоуѣкомъ, которому

обязанъ шакъ много;“ — сказала Констанция: „Вы хотѣли сдѣлать мнѣ зло; однако для меня оно обратилось въ добро.“

— „Я знаю, о чемъ вы думаете“ — сказала шомъ: „и хотѣлъ самъ начать говорить о томъ съ вами. Не скрою, что въ своею молодеческою бойкосшью на словахъ досадили мнѣ; но я не мспителенъ. Уже послѣ узналъ я, что вы и многіе другіе приписывали мнѣ высылку васъ изъ города, о которой, безъ болшавности хозяина, никто бы не подумалъ говорить, и я самъ не слышалъ бы ни слова. Такъ шочно! съ вами сыграли шутку, которая бы для всѣхъ осталась шайною. — Разсердясь на сдѣланный на меня поклепъ, обратился я въ Полицію, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли было что нибудь шакое, о чемъ бы я конечно долженъ былъ знать первый. Онъ открылъ мнѣ, умоляя не сдѣлать его несчастливимъ, что какой-то ювелиръ, шогда же вмѣстѣ съ нами ужинавшій, съ лицомъ необыкновенно смутно-желтаго цвѣша — въ конечно его знаете — шавно заплашилъ ему, чтобы какинъ нибудь образомъ шолько выпроводить васъ изъ города. Эшомъ чело-вѣкъ увѣрялъ, что знаете васъ и все ваше семейштво; что вы живете въ столицѣ, не взявъ ни опъ кого на шо позволенія; что

вы ведете распущную жизнь, и что для собственности вашей пользы, надобно вас непременно отправить въ Университетъ. Правда все это, или нѣтъ, ужъ о томъ судишь ваше дѣло, а не мое.“

Такое извѣстіе о человѣкѣ, у котораго Константинъ считалъ себя обязаннымъ просить прощенья за несправедливое подозрѣніе, возбудило сильное безпокойство въ душѣ его. Онъ не зналъ, проклинать ли ему или благословлять вырвавшіяся у него неоспорожныя слова, которыхъ, какъ онъ полагалъ, пришлось еще разъ впасть, и которыя насильно влекутъ его въ смущенныя, закушанныя отношенія съ людьми, а его открывавъ, ясная душа во всемъ боялась нѣмы.

Съ такими непріятными чувствами, пріѣхалъ онъ вскорѣ съ поварихою своею въ А**, гдѣ остановились они въ прачшнрѣ, и черезъ полчаса времени вознамѣрились уже посѣпить загадочное ужасное зданіе, извѣстное изъ Дурдова разказа. Уже были поздніе сумерки. Они входили, незамѣченные, на большой дворъ и видящъ свѣтъ только въ нижнемъ этажѣ, въ комнатахъ домоправительницы. Оба закушанные въ широкіе плащи, подходятъ они къ окну, несмѣрдящъ, что дѣлаются вдупри. Старая женщина, съ

рѣзкими, но исполненными печали чертами лица, сидѣла прилежно за шракомъ; подлѣ нее молодая, едвали осмнадцатилѣтняя дѣвушка; — что это не могла быть малая дѣвчаша, кошораго она держала на рукахъ, леко изображалось въ двѣшвенной прелестнѣ лица ея, хотя взоры ея съ такимъ изумленіемъ покоились на спящемъ, что Констанція ни на мгновение не усомнилась, чтобы то не была Сара. И прежде при мысли о ней сердце его сильно билось; шецарь же, азирая на нее, онъ былъ совершенно вѣ себя, также какъ и Лордъ, который не сводилъ глазъ съ своего сына. Последній съ замирающимъ дыханіемъ на ухахъ, почти въ судорожномъ движеніи, схватила юношу за руку я, но сильно, но слабѣ пожимала ее, какъ бы желалъ шѣмъ изъяснить, что онъ видитъ.

Вдругъ шаруха подняла голову, взглянула на окно и, въ изумленіи успрециясь на него, громко закричала что-то, чего Констанція, замѣшый Сарою, не поняла; пощомъ вскочила она и побѣжала къ дверямъ, но въ то же мгновение Лордъ, шрепеща всеми членами, ушачель за собою друга. Оба одрывались уже во вракъ, когда Констанція, огаднувшись, замѣшель, что вышидъ.

отворишь имъ двери. Но Лордъ бѣжалъ шакъ, что нельзя было и думать оспановишь его.

Возвращаясь въ шракширь, Констаншинъ ужаснулся, увидѣвъ смершную блѣдность на лицѣ Лорда, кошорый шопчасъ дрожащею рукою написалъ и подалъ ему слѣдующіи шпроки: „Ну, дьяволь-шо опяшь здѣсь! за-кричала она.“

Напрасно спарался Констаншинъ предсшавишь ему, что вши слова родились въ его напряженномъ воображеніи, увѣряя, что самъ ничего не слышалъ, что невѣрояшно, чтошбъ они могли бышь узнаны, а еще менѣе шо, чтошбъ гостшамъ, кошорыхъ бы шакъ назвали, пошла отворишь двери. Присущствіе Докшора, за кошорымъ было уже послано прешде, и кошорый узналъ уже опъ Вуда о мши-мой шмпощѣ Лорда, засшавило сего послѣд-няго собрашья съ духомъ. Извѣстше, что Илья, въ освобожденіи кошораго онъ не сомнѣвался, все еще находишся въ заключеніи, дало новое направленіе мыслямъ его.

И вопъ что даље узнали они о дѣлахъ Лорда: хопя его донесеніе послужило въ пользу заключеннаго, но сдѣланное имъ выгодное впечатлѣніе на Судъ уничтожено было частію собшвенными показаніями Идди, одно другому прошиворѣцащими. Когда его спросили, почему, прошивъ обшкноденіа, въ

эпошь вечеръ не задолго до совершенія злодѣйства, приходилъ онъ въ комнату Леди, что замѣчено было однимъ изъ служителей— онъ признался, что былъ позванъ ею втайнѣ; что она хотѣла его уговорить къ чему-то, чего однако онъ не смѣлъ сказать; но что онъ скоро ее и оставилъ. — После открытїи, что маншой имъ кучеръ съ дорожнымъ экипажемъ цѣлую ночь напрасно прождалъ его вблизи отъ замка. Сначала Илья въ томъ запырался; потомъ слазалъ, что это сдѣлано было по приказанію госпожи, а съ какимъ намѣреніемъ, онъ не знаетъ. Это открытіе подало поводъ ко многимъ заключеніямъ, которыя не были однако объявлены, потому что относились, казалось, къ предсудительному для фамиліи Лорда побѣгу. Но какъ найденныя бриліанты и даже показанїя служителей — которые слышали, какъ Илья сходилъ внизъ по лѣспницѣ гораздо еще прежде, нежели выбѣжалъ, зовя ихъ, изъ своей комнаты, Лордъ, также симъ обстоятельствомъ оправданный отъ всякаго подозрѣнія — какъ все это говорило въ пользу заключеннаго, то онъ конечно былъ бы выпущенъ, если бы не поупрямился самъ: никому другому, кромѣ самого Лорда, котораго возвращенія безпрестанно всѣ ожидали, не хотѣлъ онъ открытъ, въ какихъ отношені-

вѣхъ находился съ его супругою, утверждая
 впрочемъ, что это ни мало не относится
 до убійства, о которомъ онъ ничего не
 знаетъ и ничего не можетъ сказать. До
 его о этомъ объясненіи, въ надеждѣ, что
 время и скука развѣжутъ ему языкъ, оправ-
 дель онъ былъ въ заключеніи, не слишкомъ
 впрочемъ спрогомъ, хотя допускашь къ не-
 му никого не смѣли. Между тѣмъ, онъ, из-
 вѣстный прежде за негоднаго мальчика, сдѣ-
 лался, казалось, спешеннѣе; велъ себя при-
 личио и съ кротосвію; безпокойство, ка-
 кое прежде въ немъ обнаруживалось, совер-
 шенно пропало. — Одна Сара не была при-
 зывана къ допросу; всѣ показанія удостовѣ-
 рили, что она въ время убійства, ниже-
 досль, совсѣмъ не выходила изъ дынокой.
 Шаруху домоправительницу, допрашивали,
 пощому, что, послѣ многихъ убѣжденій, Милья
 наконецъ признался, что видѣлъ найденный
 охотничій ножъ, сквозь замочную щелку, въ
 соседней комнатѣ, отдѣляющейся отъ спаль-
 ной Леди перегородкою. Когда спали не-
 жались, но дѣйствительно между множествемъ
 разнаго оружія нѣтъ пачъ и пусной суш-
 ларъ, который точно приходился къ ножу;
 замокъ отъ дверей, къ которому велѣли по-
 дать ключъ, отпирается легко, но шаруха
 увѣряла, что шакеры же найдены и всѣ

прочіе замки въ домъ, о которыхъ она сколько же заботилась, какъ и обо всемъ, касающемся до порядка. Впрочемъ не оставила она обратити на се вниманіе судей, что почти по неволѣ пустила жильцовъ въ домъ, и теперь еще болѣе удостоверялась, что ни какъ не должно шутить старинными преданіями и запретами. Болѣе не знала она ничего. — Въ городъ вообще приписывали это убійство нечистымъ духамъ, водящимся въ домъ.

Такія извѣстія вдругъ разсѣли мрачныя мысли Лорда. Онъ не только раскаялся въ своей опрометчивости, но даже сверкнула въ немъ мысль, что жена его, въ припадкѣ своей ревности, вздумала, можетъ быть, убить его; и уговаривала къ тому Илью, съ тѣмъ, чтобы послѣ съ нимъ бѣжать, но раздраженная сопротивленіемъ его, сама на себя наложила руку. Но въ тогдѣ она приготовила сама: изъ ея ключей можетъ быть нашелся одинъ, который подходилъ къ двери. Ящикъ съ брѣвѣнницами, стоявшій подлѣ нее, казался, также подтверждалъ что-то подобное; даже сказанное Сарою слово можно было толковать въ этомъ же смыслѣ. Судя по собственной своей слабости, онъ считалъ это предположеніе несомнѣннымъ; съ необыкновенною широкостью

поручилъ онъ Доктору сдѣлать все нужное къ тому, чтобы какъ можно скорѣе выпустили его въ темницу, и едва только друзья остались одни, какъ онъ почти въ веселомъ расположеніи духа сѣлъ за столъ, и спазъ писалъ въ Судъ объ освобожденіи заключеннаго, не давая впрочемъ проникать въ свое подозрѣніе, хотя ему и казалося, что подобное же имѣетъ и Судъ. Тогда же написалъ онъ и письмо къ Сарѣ, которое просилъ опнести самого Конспаншина, не давъ ему прочитавъ его.

Въроятно, письмо это имѣло цѣлю что нибудь поважнѣе, а не одно приговореніе дѣвушки къ нѣмому появленію Лорда. Посольство отъ него принято было старухою съ нѣкоторой робостью, за то Сарою съ совершенно дружескимъ добросердечіемъ. Прочитавъ письмо, она съ чистою, непридуманною искренностію благодарила Конспаншина за то, что онъ возвратилъ отца любимому его воспитаннику и спасла ея родственнику. Въ ея глазахъ, въ голосѣ, изображалось такое радушіе къ посланному, по которому онъ заключилъ, что другъ его конечно не безъ намѣренія поспался внушить ей къ нему довѣренность.

Вскорѣ явился самъ Лордъ и бросился къ холмбеліи своего сына; взоры его безпре-

рывно перелетали попомъ опъ него на Сару и обратно; казалось, выражали они, что оба предмета одинъ безъ другаго не могли бы для него быть такъ дороги. Константинъ въ душѣ любовался видѣннымъ, и раздѣляя чувства своего друга, нашелъ себя въ такомъ близкомъ, непринужденномъ отношеніи къ дѣвушкамъ, какъ будто бы оно существовало цѣлые годы. Но еще болѣе придало ей предести въ глазахъ его то, что при первомъ разговорѣ увидѣвъ ояъ, какъ ошибался, считая Сару, по темнымъ отзвѣтамъ своего друга, суевѣрною, тогда какъ въ ней были только простыя и чистыя правила набожности. По желанію Лорда, Константинъ спалъ рассказывая, какъ они наканунѣ подходили къ окну и подсматривали; не скрывъ и того, что послышалось Лорду. Старуха шопчасъ стала увѣрять, что это неправда, и что она никакъ бы не могла узнать Лорда. Когда же Константинъ, обратясь къ Сарѣ и съ душевнымъ наслажденіемъ смотря на нее, примолвилъ: „по крайней мѣрѣ вы, въ своемъ сердцѣ, не вѣрите дьяволу?“ — Она отвѣчала:

„Мнѣ никогда не приходило въ голову размышлять о томъ; моя мать учила меня не бояться ея, какъ боялся суевѣры; такъ

для меня все равно, существует ли онъ, или нѣтъ.“

Эти слова, съ неприужденношю сказаннѣя, произвели столь же благошворное впечатлѣнне на Константина, какъ и пиранское на Лорда: онъ закусилъ себѣ губы, и въ величайшемъ нетерпѣннн, едва могъ дождаться назначеннаго часа, чтобъ итти въ пемницу.

Илья почти вспрыгнулъ отъ радости; увидѣвъ входящаго къ себѣ Лорда съ его молодымъ спутникомъ; но въ то время, какъ Константинъ, именемъ друга, спалъ ему сообщать, что было нужно; и увѣщевала его, съ полною откровенношю признаться во всемъ Лорду, заключенный юноша; блѣдный и болѣзненный, вдругъ сдѣлался мраченъ, и устремился на Лорда столь пронцапительнымъ взоромъ, что послѣ, принявъ это за нѣмой упрекъ, долженъ былъ погупишь свои глаза въ землю.

Наконецъ, когда Константинъ умолкъ; Илья, какъ бы удерживая досаду, и величаво смотря на Лорда, сказалъ: „Я почти уже и не помню; что говорилъ передъ Судомъ, но говорилъ единственно для того, чтобъ вынудить свиданне съ Лордомъ: отъ него хотѣлъ я узнать, что мнѣ должно будетъ говорить; тогда я былъ бы согласенъ на все;

Но теперь уже нѣтъ; я не могу ничего сказать Лорду, чего бы онъ уже не зналъ; кто же убійца, того я не знаю.“

Къ грубому пону друга гоповились заранее; Константинъ, слѣдуя поданному знаку отъ Лорда, съ которымъ напередъ обо всемъ условился, спросилъ, не безъ пренебреженія въ сердцахъ: не откроешь ли можешь быть заключенный какихъ нибудь догадокъ, что Леди сама — договорилъ онъ не могъ.

Тутъ Илья устремилъ вопрошающій спранный взоръ на Лорда; попомъ, пожмая плечами, сказалъ: „Милостивый государь; я уже довольно наказанъ! Избавьте меня отъ новыхъ мученій. Въ душѣ своей поклялся я не сдѣлать никакой несправедливости, болѣе и пошому — Леди не послала сама на жизнь свою — болѣе же я ничего не знаю.“

Съ силой, твердо произнесенными словами, какъ бы всѣ прежнія мучительныя чувства Лорда вѣспилились опять внезапно въ грудь его и получили новыя силы. Онъ поблѣднѣлъ, далъ Константину знакъ остаться и поговорить съ заключеннымъ, а самъ выбѣжалъ на воздухъ, гдѣ ожидалъ его Вудъ.

Даже самъ Константинъ чувствовалъ себя необыкновенно разстроеннымъ; но со

свойственнымъ ему просподушіемъ, влива-
ющимъ довѣренность во всякаго, онъ подо-
шелъ къ Ильѣ, и долго съ горестію смо-
трѣлъ на него; попомъ сказала шихимъ го-
лосомъ: „Сара послала меня — она знаетъ“
примолвилъ онъ скоро, опомнясь: — „что
намѣренія мои чисты. Говорите со мною
откровенно, доставьте мнѣ случай заслу-
жить благодарность отъ васъ обоихъ.“

Имя Сары, казалось, подѣйствовало очень
сильно на Илью; слезы прорвались изъ глазъ
его. „Сара!“ повторилъ онъ: „это настоя-
щій ангель! Какъ часто насмѣхался я надъ
ея наставленіями, и пропускалъ ихъ мимо
ушей, пока не образумился въ этихъ четы-
рехъ спѣнахъ! Она не выдала меня, тогда,
какъ я бы этого сшоялъ. Лишь только я
замѣнилъ это, мнѣ самому стало спрашно
объявить о пресшупленіи, котораго она не
открыла.“

— „Она клялась“ — отвѣчалъ Констан-
тинъ, нѣсколько удивленный: „что вы не-
винны въ убійствѣ.“

„Она говорила въ мою же пользу!“
вскричалъ Илья: — „Теперь“ продолжалъ
онъ, подумавъ и съ шаниственнымъ видомъ:
„я вамъ все открою — передъ судомъ сдѣла-
ю бы это меня, можешь бышь, подозри-
тельнѣе и запушало бы только все дѣло —

вы же поступите съ вѣмь, какъ хотите. Леди была очень ревнива, и не знаю почему, пишала ревность свою противъ Сары — думаю, безъ всякой причины. Мнѣ хорошо плашила она только за то, чшобъ я пересказывала ей каждый разговоръ ея супруга съ дѣвушкою; она, бывало, досадовала, если я ничего не находилъ говорить ей, и щедро награждала, когда я что нибудь могъ сообщить. Последнее случалось мнѣ очень рѣдко, или совсѣмъ никогда, но мнѣ были нужны деньги — я спалъ выдумывалъ. Леди становилась часъ ошъ часу щедрѣе и ласковѣе, но внутренность ея пылала. Наконецъ предложила она мнѣ большой капиталъ; денегъ не могла мнѣ дать, пошому, какъ говорила, чшо боишся возбудишь подозрѣнiе мужа, а выложила передо мною всѣ свои брилліанты и спала мнѣ рассказывать, сколько стоишъ каждая вещь, гдѣ и какъ могу я употребить ее въ свою пользу, если только соглашусь увезти свою родственницу и съ ней обвинчаться. Я зналъ, сказалъ я ей, чшо Сара не любитъ меня, но приманка была слишкомъ велика, особливо, когда ревность Леди и мляющіе глаза супруга ея возбудили и во мнѣ вниманіе къ прелесшамъ дѣвушкѣ. Однажды, шопчасъ послѣ размовки съ своимъ мужемъ, Леди позвала меня и

шребовала, чшобъ я немедленно рѣшился: все равно, какимъ бы ни было образомъ, шолько чшобъ Сара не оставалась въ домѣ, и чшобъ эшо имѣло видъ побѣга ея со мною. По ея настоянiю, нанялъ я повозку, копорая была гошова опшвезши насъ въ ближайшiй городокъ; больше ни о чемъ я не думалъ — во все былъ завлеченъ, какъ въ шуманъ. Въ назначенный часъ явился я къ Леди, копорая сама вызвала шихонько Сару изъ дѣвской; и шумъ я долженъ былъ расшолковать невинной дѣвушкѣ, чшб берешся сдѣлать для насъ госпожа, если она шолько поведетъ со мною, обвиняешся и уже не возвращишся. Никакъ нельзя было уговорить къ шому Сары; ошъ ея сопротивленiя Леди вышла изъ себя и всячески подшпрекала меня упошребить силу. Я хотѣлъ схватишъ Сару и ушатишъ; она опшолкнула меня съ крикомъ. „Завяжи ей ротъ!“ сказала Леди; я вынулъ плашокъ и хотѣлъ почно эшо сдѣлать, но она никакъ не давалась и кричала. Въ эшо мгновенiе Леди, копорая сполала за нами съ ящикомъ въ рукахъ, вдругъ повалилась на землю. Въ спрашномъ испугѣ оставилъ я Сару, бросился помогать упавшей, но шумъ передъ моими глазами выпалъ изъ груди ея ножъ, копорый почно видалъ я прежде, и за нимъ кровь хлынула рѣкою.

Въ безпамяшствѣ ошъ ужаса, выбѣжалъ я изъ двери, бѣгалъ, заблудившись, по знакомымъ переходамъ дома, и едва только очнулся, какъ слово: убійца! загремѣло въ ушахъ моихъ. Лордъ пошцилъ меня назадъ, къ окровавленной жершвѣ. Сары шущъ уже не было. — Остальное вамъ извѣстно.“

— , И вы ничего не можете предсавишь себя, не можете догадаться, какимъ образомъ совершилось это страшное дѣло?“ — спросилъ Констаншинъ, которому однако весь расказъ показался совсѣмъ невѣроятнымъ.

„Не знаю“ — сказалъ Илья тихимъ шрепещущимъ голосомъ: „но догадаться — да, могу! однако смѣю ли и говорить, когда молчала Сара? — Ешъ пошвенная дверъ изъ нижняго этажа, гдѣ жилъ самъ Лордъ, въ верхній. И давно уже смощрѣлъ онъ на меня съ подозрительностію на лицѣ, какъ будто бы что нибудь подслушалъ. Теперь мнѣ все мерещишся, будто въ то мгновение вдругъ ошперлась дверъ въ кабинетъ, гдѣ висѣло старинное оружіе. Правда, что ее нашимъ запершою, и въ шомъ могу я покляшсья, что его я не видалъ — что *точно* ничего не знаю.“

Констаншинъ ужаснулся въ душѣ. Все, что онъ говорилъ юноша, пришло вдругъ

*

видъ страшной достовѣрности, которую хотя опровергало ошкренное признаніе Лорда, но почти утверждало слишкомъ мрачное положеніе души его и нѣкоторыя, какъ бы въ безпамятствѣ иногда вырвавшіяся слова, предшавшія шеперь вдругъ памяти Константина. Но мгновенное подозрѣніе въ лживости друга опровергалось опять увѣренностію, что какъ бы ни была велика злоба его на Илью, но онъ не рѣшился бы на пагубу чловѣка, въ невинности котораго былъ увѣренъ; припомъ же изъ темныхъ словъ Лорда Константинъ долженъ былъ заключать, что Сара его самого наименовала. Такъ терялся онъ въ непрерывно являвшихся ему противорѣчійхъ, и наконецъ, почти молча, оставилъ заключеннаго.

Блѣдень, но спокоенъ возвратился онъ къ Лорду и сообщилъ ему въ точности показанія Ильи, прибавивъ въ пользу его то, что конечно эта самая догадка, имъ самимъ оспориваемая, принуждала его досель къ безмолвію.

Но Лордъ, хотя прежде самъ себя почти обвинялъ въ убійствѣ, не могъ шеперь воздержаться себя отъ всей ярости гнѣва, гордостію возбужденнаго, прошивъ Ильи, который осмѣлился подозрѣвать его.

Едва удалось Константину удержать его, чинюбъ онъ не уничтожилъ всего, имъ уже сдѣланнаго, для освобожденія юноши. Когда же Константинъ спалъ доказывать своему другу, какъ легко могла прійти Илья въ голову такая догадка, тогда Лордъ сугубо почувствовалъ, сколь необходимо для его спокойствія, чести, даже для усмиренія собственной совѣсти, раскрыть всю справедливость дѣла. И прошивъ Сару, еще въ первый разъ, возсталъ онъ съ величайшимъ жаромъ; онъ проклиналъ свою кляпву, свой опрометчивый обманъ, свою глупую уступчивость, еще болѣе глупую спрасть свою, единственную виновницу всѣхъ бѣдъ, а болѣе всего непонятное суевѣрiе Сары — шакъ выразился онъ въ немногихъ строкахъ, имъ написанныхъ — которое пристало и къ нему.

Но съ разительнымъ краснорѣчiемъ вступался Константинъ за Сару, которой одной всѣ поступки казались ему святы въ этомъ кровавомъ смятенiи. Долго слушалъ его Лордъ съ мрачнымъ видомъ. Наконецъ какъ бы яркiй лучъ просiялъ въ померкшихъ глазахъ его: онъ шощасъ написалъ одну строку и далъ прочиташъ Константину. Вотъ что было написано:

„Другъ мой! вы любите Сару.“

Константинъ ошолобенъ. Ему показалось, какъ будто вдругъ пробудился онъ отъ упоенія и ясность проникла въ грудь его. Спранныя обстоятельство въ короткое время такъ сблизили его съ Сарою, такъ ясно открылась предъ нимъ душа ея, и такъ внезапно пораженъ былъ ею разумъ его, что до сихъ поръ чувства его и мысли оставались еще скованы и какъ бы ему самому неизвѣсны. Едва памятно ему было и то, что съ того часа, какъ увидѣлъ ее, она ни на минушу не выходила изъ головы его. Но строка, написанная Лордомъ, вдругъ загла- юношескимъ пламенемъ весь сославъ его. Какъ бы вдругъ разсвѣлся предъ глазами его шонкій, но непроницаемый шуманъ, и яв- ственно, близко явилась цѣль, къ которой онъ стремился, не помышляя о томъ. — „Я прежде не думалъ о томъ“ — сказалъ онъ по нѣкоторомъ молчаніи, смѣючись: „но теперь мнѣ кажется, что такъ.“

Лордъ вспрыгнулъ и съ жаромъ его обнялъ; потомъ съелъ опять и писалъ:

„Я предвидѣлъ, что это будешь, и по- тому охотно поѣхалъ съ вами сюда. Много уже вами для меня сдѣлано, но главное впе- реди. Сара повела меня по пропѣ заблужде- нія, тогда какъ ей извѣстенъ путь истины,

Спасише меня. Опъ чловѣка, владѣющаго ея сердцею, она не умолчишь ничего.“

Конспаншинъ прочишалъ и покачалъ головою. „Любовь не измѣняешь, Милордъ!“ сказалъ онъ съ крошосшію: „Если Сара и повѣришь мнѣ свою шайну, то все таки шуманъ не разсѣхся; я не выдамъ ея.“

Лордъ посмошрѣлъ на него мрачно и холодно, закусилъ себѣ губы, ошворопилъ и началъ ходишь по комнашѣ. Наконецъ даль онъ знакъ Конспаншину оставишь его одного, и написалъ: „подише къ Сарѣ. Опдайше меня на жершву.“

„Милордъ!“ — ошвѣчалъ Конспаншинъ спокойно: „когда мы увидимся, вы уже не будете шакъ прошивъ меня несправедливы; я васъ хорошо знаю.“ — Онъ пошелъ къ Сарѣ. Помышляя о спокойшвіи друга, онъ споль же сильно желалъ сдѣлать яснимъ для себя странное приключеніе, какъ швердо вознамѣтрися не измѣняшь довѣренности Сары. Между тѣмъ ея первый вопросъ былъ объ Ильѣ, и онъ, не упоминая обо всемъ, сказанномъ юношею, не скривъ опъ нее догадки его на счетъ Лорда. — „Она испугалась. „Какое ужасное заблужденіе!“ вскричала она. „Нѣшь, нѣшь! оба невинны, я знаю — я чувствую вто““ поспѣшила она прибавишь, какъ бы проговорясь. Нѣсколько ми-

ишь сидѣла она задумчива и ирачна, по-
помь какъ бы чвѣтъ-то облегченная, сказала:
„Вы можете увѣрить Илью, что онъ на-
прасно питаетъ такое подозрѣнiе. — Счи-
шаете ли вы Лорда способнымъ къ убій-
ству?“

— „Въ минушу забвенiя самого себя,
раздраженный чловѣкъ способенъ ко всему“
— отвѣчалъ Конспаншинъ.

„Потому-то“ . . сказала Сара, размы-
шляя.

— „Я не понимаю васъ“ — продолжалъ
Конспаншинъ.

„Потому-то чловѣкъ и не долженъ
осуждать; можешь бышь я не права, что
до сихъ поръ умалчивала, кто невиненъ;
ио меня къ Суду не призывали. Впрочемъ
боѣе не добились бы опъ меня ни одного
слова, хотя бы на цѣлую жизнь заключили
въ шюръму.“

— „Богъ невинности предохранилъ васъ,
любезная Сара; не смѣю рѣшить, правы ли
вы, или нѣтъ, что молчали: собственная со-
вѣсть каждаго есть Высочайшiй Судья, но,
можешь бышь, вы предупредили бы много
сраданiй.“

„А если бъ я возбудила и много дру-
гихъ? Въ энихъ я не виновата. — Машъ
моя“ — иушь рѣчь ея перешла на другiе

предметы, и ея невинныя, дѣтскія понятія такъ обворожили юношу, что онъ увлекся въ разговоръ, тѣснѣе соединившій обонхъ. Между тѣмъ ребенокъ проснулся въ колыбели, и замѣшивъ, что о немъ забыли, началъ плакать.

„Бѣдное швореніе!“ вскричала Сара, подбѣжавъ къ нему шоропливо: „Таково-шо, когда нѣтъ машери. Я такъ люблю его“ — прибавила она, взявъ ребенка на руки — „и такъ чувствую, сколько потеряло въ своей машери, что хотѣла бы замѣнить ему потерю, кошорой онъ еще не понимаешь — если бь могла.“

— „Сара!“ сказалъ Конспаншинъ: „и швоя потеря можешь бышь замѣнена: — „когда ты говоришь о своей машери, мнѣ все кажется, будто слышу о моей — ихъ умъ и чувства одинаковы. Согласна ли ты, Сара, чтобы мы были дѣти одной машери, и вшошь малюшка вмѣстѣ съ нами?“

Въ это мгновеніе принесъ Вудъ къ Сарѣ письмо отъ Лорда, и пошчасъ вышелъ. Сара немедленно распечашала и спала читать; но во время чтенія дѣлалась она блѣднѣе и блѣднѣе, а попомъ письмо вдругъ выпало изъ рукъ ея, и она устремила неподвижные глаза въ землю.

„Боже мой! что такое?“ воскликнул Конспаншинъ, поднимая письмо.

— „Прочтите!“ сказала Сара слабо. „Видь вы другъ его, и уже не чужды мнѣ. Богъ послалъ васъ мнѣ въ эту минушу. Твердосшь, руководившая меня досель грозить меня оставишь. Помогите мнѣ.“

Конспаншинъ спалъ чишать:

„Въ самую эту минушу, освобождение Ильи предоспавлено на мою волю. Онъ будетъ свободенъ, пошому что я, имѣвъ къ вамъ довѣренность, обѣщала это; онъ получишь ее, хотя вы, Сара обольстили меня химерою, въ минушу искренности задали мнѣ загадку, кошорая — вы повѣрите, что смерть нелюбимой жены не могла того сдѣлать — кошорая, какъ бы внутреннимъ судорожнымъ испугомъ, стала мнѣ уста и не опираешь ихъ досель. Откройше мнѣ въ ясныхъ, внятныхъ словахъ, что я долженъ знать, чего пребуешь опъ васъ пролишая кровь — иначе я принужденъ бросишь жизнь, вами оправленную. Размыслише: долженъ ли я, въ слѣпой довѣрчивости, выпустишь изъ рукъ того, кто на меня клеветаетъ въ убійствѣ, не зная, что я для него дѣлаю и что могу сдѣлать — если шакъ, пожалуй; но я уже не могу видѣшь его свободнымъ; въ то же мгновение выѣду опеюда, и что ни будетъ

со мною, вы одни опивчаеши предъ Богомъ за судьбу мою.“

Константинъ въ изумленіи молчалъ нѣсколько времени; онъ чувствовалъ, какъ оскорбительнѣе вшошь порывъ буйнаго опчаянія и неугомоннаго самолюбія, вшошь чернѣйшій поспупокъ прошивъ собешвенныхъ лучшихъ ощущеній.

(Окончаніе впереди).

II.

ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

К А Р А В А Н Ъ.

(Изъ Гаркрк.)

Чуждый заботѣ и гордый обиліемъ млека богашествъ моихъ, я оставилъ однажды Иракъ, съ намѣреніемъ посѣшшишь Гушу Дамасскую (1). Прибывъ въ сіе мѣсто, увѣрился я на самомъ дѣлѣ, что оно совершенно

(1) *Гута* Дамасская или города Дамасска, есть, по мнѣнію Восточныхъ Писателей, одинъ изъ чешырехъ лучшихъ садовъ, находящихся на землѣ.

оправдываетъ похвалы , приписываемыя ему путешественниками; и дѣйствительно тамъ увидишь все, что только можешь пожелать сердце, все, что только въ состояніи павннть взоры. Тогда благословилъ я руку удаленія (2), и, предавшись нѣгѣ , началъ преломлять печать моихъ желаній и срывашъ гроздія удовольствій. Однако же я не замедлилъ выйти изъ упоенія и безчувственнаго сна моего, и скоро отбытіе одного каравана въ Иракъ , привелъ мнѣ на память мою отчизну, возродило въ сердцѣ моемъ желаніе шуда возвратиться.

Окончивъ всѣ нужныя приготовленія, и не желая опривнться въ путь безъ защиты, всѣ вмѣстѣ начали мы обдумывать о способахъ , какимъ образомъ пріобрѣсть ее ; но всѣ старанія наши были бесполезны. Находясь въ такой нерѣшимости, собрались мы передъ воротами Дамаска , именуемыми Жирунъ , чтобы хорошенько размыслишь о томъ , что предпримемъ ; тогда начали мы завязывать и развязывать узлы затрудненій, вить и развивашъ веревку рѣшимелъности. Подлѣ насъ стоялъ человекъ въ одеждѣ Дер-

---

(2) То есть: я радовался, что удался изъ моей отчизны.

виша ; въ рукѣ своей держалъ онъ четки , упошребляемыя женщинами (3), а въ его глазахъ замѣтны были признаки упоенія.

Когда онъ увидѣлъ , что мы уже близки почли головы опложишь наше намѣреніе , которое по всей гласности , сдѣлалось ему извѣстно , тогда , приблизившись къ намъ ,

---

(3) Собственно значить : признавашь Бога всесовершеннымъ ; но въ смыслѣ обыкновенномъ оно означашь *четки* ; ибо Мусульмане , перебирая четки свои , хваляшь Бога во всѣхъ Его совершенствахъ , и припоминающь всѣ превосходныя имена Его. Сихъ именъ или принадлежностей Бога , считаешся девятосю девять , которыя съ именемъ Аллы составляютъ спо ; а пошому и четки ихъ обыкновенно состояшъ изъ спа зеренъ. См. Herbelot. *Bibliot. orient.* при словѣ *Esma*.

Люди свѣтскіе носятъ четки въ рукѣ или въ кармапъ , единственнo изъ набожности. Между знатными женщинами есть также обычай держашь въ рукахъ длинныя четки , конхъ зерна обыкновенно бывающъ яшмовыя , агашовыя , изъ бѣлаго яшмара или изъ коралла , весьма искусно вышоченныя. Нѣкоторыя даже перемѣшаны съ жемчугомъ и украшены шариками изъ золотой проволоки. Женщины , также какъ и мужчины , носятъ ихъ для увеселенія и по обычаю. Дerviши носятъ четки у пояса по обязанности. См. Mouradgca d'Ohsson: *Tableau de l'Emp. Ott.* t. IV. p. 147 и 631. Chardin ed. de Langlès t. VII. p. 24 и слѣдующія.

сказалъ: „Пушешешвенники! успокойшесь; я соглашаюсь бышь вашимъ защишникомъ. Я обладаю такимъ средствомъ, кошорое можешъ разсвѣять ваши опасенія.“ Сіе предложеніе побудило насъ распросишь чужеспранца объ его способъ, и мы общались дашь ему, за шаковую услугу, значишельную сумму денегъ. Тогда онъ сказалъ намъ, что научишь насъ рѣчамъ, опкрышымъ ему въ сновидѣніи, и что сіи рѣчи предохраняшь насъ наилучшимъ образомъ опъ злобы людей. При сихъ словахъ начали мы поглядывашь другъ на друга и показывашь явные знаки нашей недовѣрчивости. Онъ эшо замѣнилъ, и понялъ, сколь малую даемъ мы цѣну его обязательнымъ предложеніямъ. „Какъ?“ воскликнулъ онъ: „вы считаеште шушкою слова мои, и мое зодопо кажешся вамъ шолько мешаллическимъ выгаромъ? Не смотря однако жъ на эшо, я васъ увѣряю, что съ давнихъ временъ, всякій разъ, какъ шолько случалось мнѣ проходишь спраны, извѣстныя своими онаеностями, всякій разъ, какъ я почти предавался неминуемой гибели, слова сіи служили для меня вѣрнѣшею защишою. Впрочемъ, чтобъ изгнашь изъ ума вашего даже и швѣи подозрѣніи, я самъ буду находишься съ вами въ степи, самъ буду сопровождать васъ въ мѣспахъ опасныхъ. Если я выполняю свое

объщаніе, по будыше ко мнѣ великодушны; но если уста мои произносятъ одну ложь, по вы власныи разорвашь мое шѣло и пролишь мою кровь.“ Сіи слова убѣдили насъ въ истиннѣ общанія чужеспранца; мы разорвали узы препяшспвій, и безо всякаго опасенія, поспѣшно начали бросашь жеребьи, чшобы узнать, кому изъ насъ доспанешся вести его. Когда верблюды были навьючены, и минута опъѣзда насшупила, шогда мы попросили его, чшобы онъ опшкрыль намъ волшебныя слова, о кошорыхъ говорилъ. Онъ опшвѣчалъ: Да всякій изъ васъ чиншаешь ушромъ и вечеромъ первую суру Корана, и да произнесешь пошомъ съ умиленіемъ и въ поль-голоса слѣдующую молишву: „Боже, исполняющій жизнию исплѣвшія кости, удаляющій бѣдспвіа, предохраняющій опъ слушаешь вредныхъ, возмездникъ великодушный, вѣрное прибѣжище къ Тебѣ прибѣгающимъ, Ощецъ милосердый, сохраняющій насъ здоровыми и невредимыми; удостой пролишь свои благословенія на Могаммеда (4), на лучезар-

---

(4) Въ Русскомъ переводѣ сей молишвы Магомешанъ, послѣ имени Могаммеда, надлежало выпуститъ нѣсколько неприличныхъ выраженій и нелѣпыхъ похвалъ, кошорыми заблужденіе и ревность изувѣровъ превозносили Лжепророка.

ные свѣшочи его семейства, и на ключи его побѣды (5). Милосердый Боже! избавь меня отъ искушеній діавола, отъ насилія Султаноу, отъ коварства злобныхъ, отъ козней непріятелей; сохрани меня отъ паденія, грабительства, притѣсненій и отъ всякихъ бѣдспвій непредвидѣнныхъ. Боже, защити меня отъ несправедливости моихъ сосѣдей, и отъ сосѣдства съ людьми коварными; отдали отъ меня руку притѣснителей. Извлеки меня изъ мракоу злобы, и вмѣши, по великому швоему милосердію, среди швоихъ вѣрныхъ служителей. Боже, соблаговоли бышь моею опороу, во всякомъ мѣспѣ, хотя бы я жилъ въ моей опчизнѣ или въ странѣ иноземной, и въ моемъ онсущствѣи, и при возвратѣ, и въ сей и въ будущей жизни. Сохрани меня, сохрани мою честь, мое состояніе, семейство и здоровье. Соблуди меня отъ превратностей счастья, подай мнѣ силы избѣгать зла и шворишь доброе! Боже, бодрствуй всегда надо мною, содѣйствуй мнѣ своимъ покровительствомъ и благодашью, содѣлай меня обладателемъ шво-

---

(5) То есть: на его семейство и спутниковъ, содѣйствовавшихъ ему въ его побѣдахъ. По мнѣнію Коменшатора, первое изъ сихъ выраженій означеть шшелей *Мекки*, второе *Медины*.

его избранія и осыпь меня своими щедротами. Даруй мнѣ пищу никогда не прерывающуюся, удали отъ меня бѣдствія, сохрани меня своими обильными благодѣянiями. Исподи мою молитву, Ты, которъй ей внимаешь!“ Потомъ эшотъ чужестранецъ опустилъ глаза въ землю, не говоря болѣе ни слова; но вскорѣ послѣ сего онъ поднялъ голову и воскликнулъ: „Да, клянусь небомъ, украшеннымъ созвѣздiями, землею, обновленною долинами, палящимъ свѣточемъ солнца, ревущимъ Океаномъ, воздухомъ и прахомъ, сія молитва есть самая вѣрнѣйшая ладонка; она замѣнитъ вамъ воиновъ, покрытыхъ шлемами. Тотъ, кто произнесетъ ее при улыбкѣ денницы, будетъ внѣ опасности отъ всякихъ непрiятностей до сумраковъ вечера; и кто скажетъ ее прежде мраковъ ночи, будетъ невредимъ отъ воровства во все продолженіе оной.“

И такъ, мы выучили наизусть эту молитву, и потомъ отправились въ путь, защищая наши пожитки одними словами, а не людьми вооруженными.

Нашъ Дервишъ постоянно слѣдовалъ за нами, ничего у насъ не пребулъ; но когда открылись передъ нами вышшы *Ана* (6), (6) Небольшой городокъ при Евфратѣ, славный своими винами.

онъ началъ просить у насъ награды за труды свои. Мы ему сказали погда, чпобъ онъ выбралъ изъ нашихъ шоваровъ и денегъ все, что можешь принести ему удовольствіе. Онъ не заставилъ дважды повторять себѣ сего предложенія, смѣло овладѣлъ всѣмъ драгоценнѣйшимъ, что у насъ было, и въ особеннѣи не пощадилъ золота, какъ надежнаго средства вырваться изъ бѣдности, послѣ чего онъ скрылся съ проворствомъ мошенника. Огорченные и вмѣстѣ удивленные, что онъ такимъ образомъ насъ оставилъ, мы освѣдомлялись о немъ у всякаго, кто намъ ни встрѣчался. Наконецъ мы узнали, что съ самаго прибытія въ *Ано*, онъ не выходилъ изъ народной гостиницы (7).

Удивленный сими словами, я захотѣлъ самъ удостовѣриться въ истинѣ, и рѣшился вслѣдствовать въ такое мѣсто, куда дошолъ никшо еще не видѣлъ, чтобы спускала нога моя. Я переодѣлся и пошелъ ночью въ показанную мнѣ гостиницу. И что жъ! въ самомъ дѣлѣ нашелъ я шамъ нашего ложнаго

---

(7) Въ подлинникѣ сказано: изъ *питейнаго дома*; сіе слово имѣетъ корень свой въ словѣ *погмбель*, *смерти*; ибо, говоритъ Комменшаторъ, питейный домъ есть такое мѣсто, гдѣ шеряють и деньги и честь.

Дервиша, окруженнаго сосудами полными виномъ, и посреди юныхъ чашниковъ. Здѣсь стояли зажженные свѣчи, тамъ миршъ и другіе цвѣты проливали сладострастное благовоніе (8); различные музыкальные инструменты, духовые и струнные, придавали новую прелесть сему мѣсту; старикъ, по откупоривалъ сосуды, по приказывалъ играющаго на инструментахъ, по вбиралъ въ себя бальзамическое дыханіе цвѣтовъ или рѣзвился съ юными чашниками.

Сравнивая шеперешнее поведеніе сего чловѣка съ прежними его поступками, я легко увидѣлъ, что онъ былъ дѣйствительно лицемеръ. „Проклятый!“ сказалъ я ему: „развѣ ты позабылъ день Жируна?“ Но онъ началъ хохотать во все горло, и пропѣлъ мнѣ слѣдующіе стихи:

„Чтобы сорвать роскошный цвѣтъ,
Мнѣ радости лешучій,

(8) У древнихъ Римлянъ, какъ и на Востокѣ, миршъ былъ посвященъ любви и вѣгъ. Гораций, какъ *Абу-Земль*, любилъ также видѣть миршъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ пилъ:

Simplici myrto nihil allabores
Sedulus curo: neque te ministrum
Dedecet myrtus, neque me sub arcu
Vite bibentem

1 Od. XXXVIII.

*

Я презрѣлъ славы звучный слѣдъ ,
 И сквозь пески зыбучи
 Блуждалъ въ далекой сторонѣ ,
 Опасность презирая ;
 Спряминны ль путь прешили мнѣ?
 Я ихъ свѣлся глубинѣ ,
 Черезъ нихъ переплывая.
 И горныхъ я смирялъ коней ,
 Зашѣмъ, чшобы какъ прежде,
 Бродить, съ веселіемъ очей (9),
 Безпечноши въ одеждѣ.
 Я всю *недвижимость* продалъ ,
 Отбросилъ въ даль *прилигья* ,
 За шо и днемъ и въ ночь, бокалъ
 Мой полонъ безъ различья.

Чшо, чшо бы сдѣлалось со мной
 Безъ эшого стремленья?
 Нѣмой въ бесѣдѣ круговой .
 Я не плавлялъ бы оспроштой
 И блескомъ выраженья !
 Какой вожатый былъ бы я !
 И *тетки* чшо дорогой?
 Смири свой гнѣвъ прошивъ меня ,
 Здѣсь судъ не нуженъ спрогой.
 Я вижу : умъ швой пораженъ ,
 Чшо въ бущѣ сей прохладной

---

(9) Здѣсь въ подлинникѣ собственно значить : „свѣжешь моего глаза“ ибо свѣжешь глаза на языкѣ Арабскомъ означаетъ : счастье, удовольствіе, радость и проч. Почши по той же самой причинѣ, вмѣсто : „желаю вамъ доброй ночи,“ Арабы говорятъ : „да будешь ваша ночь бѣла.“

Шейкь рядомъ чашей окружень ,
 И взоръ стремишь къ нимъ ладной .
 Не удивляйся , знай : вино
 Вливаетъ бодрость въ силы ,
 Въ болѣзняхъ шалиманъ оно
 И духъ живишь унылый .
 Сердечны раны исцѣли
 Съ прелестной грозда дочерью ,
 Ошъ ней уныніе вдали ,
 Съ ней близокъ путь къ веселью .

Пустьъ чашникъ , юношей краса ,
 Чей свѣтлый взоръ какъ небеса
 Вливаетъ нѣги сладость ,
 Пустьъ онъ , вечернею порой ,
 Тебѣ съ улыбкою живой ,
 Своей услужливой рукой
 Подасишь вино на радость .
 При звукахъ сладостныхъ пѣвца ,
 Чей гласъ подвигнешъ горы ,
 Пей ! съ свѣтлой ясностью лица !
 Чшо слушаешь приговоры
 Врага любви , врага забавъ ,
 Блюстителея закона !
 Ты ищешь радостей , шы правъ ,
 На вкусы нѣтъ закона !
 Ристалище передъ шобой ,
 Достичь ли хочешь цѣли ,
 Лукавства пушь , ешь пушь прамой ;
 По немъ изъ колыбели
 Стремись неробкою спопой ,
 Раскидывай шенеша ,
 Рой ближнимъ аму подъ ногой ,

И знай: на ступени одной
И глупость, и доброта!...

Почто жъ, о горе! въ лучшей чаеъ,
Средь лона наслаждений,
Внезапно мысль смущаешь насъ,
Какой-то тайный геній
О жизни будущей швердишь!
Почто, въ мигъ разсаванья,
Когда послѣдній вздохъ лепишь,
Послышавъ гласъ призванья,
Слеза невольная бѣдишь.
Въ шокѣ воспоминанья!...“

— „Признаюсь, что ты краснорѣчивъ,“ ска-
зала я, выслушавъ сіи стихи: „но какъ себя
не стыдно преподавать уроки столь стран-
ной нравственности? Заклинаю тебя, скажи
мнѣ, кто ты?“ — „Я не люблю объявлять сво-
его имени, отвѣчалъ онъ, но откроюсь тебе
дносказательно :

Сынъ нужды, гонимъ судьбой враждебной,
Я чудо въка и людей;
Аравья, Персыя перемѣнно
Театръ для хитросни моей,
Когда брашъ бѣдности стыдливой
Большой семьей обремененъ,
Всякъ пушь ему дозволенъ лживой,
Онъ можешь бышь легко прощенъ.“

Я понялъ тогда, что этошь человекъ
былъ *Абу-Зендъ*, коего пороки очертили

его уже убеленные старостию волосы. Не въ силахъ будучи удерживать долге своего негодованія, я сказала ему съ видомъ упрѣка, на которъй имѣлъ право по прежнимъ нашимъ связямъ : „Когда перестанешь ты вести столь безстыдную жизнь?“ При сихъ словахъ онъ вспыхнулъ опъ гнѣва; но послѣ минушнаго размышленія, сказала мнѣ : „Сія ночь посвящена удовольствію, я хочу провести ее за чашею вина, а не въ спорѣ; и такъ оставь меня : прощай, до завтра. — Тогда я удалился и провелъ всю ночь въ одеждѣ сѣнованія и раскаянія, что посѣщилъ столь постыдное мѣсто, и далъ обѣтъ Всевышнему (да хвала его пребудетъ всегда на устахъ моихъ), никогда не вступать въ домъ винопродавца, хотя бы мнѣ за сіе давали цѣлое Королевство Багдадское, и обѣщались бы возвращить мнѣ дѣтя моей молодости. Попомъ, съ разсвѣтомъ дня, навьючили мы нашихъ верблюдовъ, и отправились въ пушь, покинувъ этого неисправимаго старика,

Делмбюрадеръ.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

I.

Взглядъ на военное состояніе Турецкой Имперіи.

(*Окончаніе.*)

Прежде сего, на каждахъ семь или восемь Тапартъ, имущество состояло въ одномъ мѣдномъ кошлѣ, въ одной эпанчѣ для покрыванія ночью отъ дождя, и въ войлокъ, изъ коего, сщановясь лагеремъ, они разбивали палашку на чепырехъ сошкахъ. Всѣ ѣздили верхами, имѣя по одной заводной лошади на каждаго воина, и съ собою малое количество овса или проса, и лошадинаго мяса варенаго, либо соленаго, что, кромѣ овса, было въсомъ не болѣе 12 фуншовъ. Столь воинственный снарядъ, вѣроятно, способствоваль *Эрдэгрулу*, Туркоманскихъ Тапартъ Мурга, въ удобномъ завоеваніи Анаполіи; и не есть ли сіе изображеніе того, когда воинственные племена Германскія, оставивъ дикія отраны отечества своего, и чуждыя нѣги и роскоши, полунагія съ оружіемъ въ рукахъ, толпами предшлали предъ величественными,

блещущими золотомъ и изнеможенными Римскими легіонами, и однимъ ударомъ обращали ихъ въ бѣгство? Сми же обычаямъ слѣдовали и Турки въ первыхъ войнахъ своихъ. Хотя они и доннѣ храбры и смѣлы: но со времянъ Магомеша IV, наипаче познакомились на войнѣ съ роскошью; потребности въ войскахъ увеличились; огромная прислуга и умноженіе мастеровыхъ сдѣлалось необходимою принадлежностью арміи, которая уже не воевала набѣгами, какъ прежніе Таттары сіе дѣлали; но имѣла нѣкоторую непремѣнность и постепенность въ движеніяхъ. Турецкій лагерь, расположенный по большей части наподобіе полумѣсяца, и наполненный женами, невольниками и разнаго званія людьми, обозами и множествомъ палатокъ и шатровъ, не въ надлежащемъ порядкѣ разставленныхъ, составляешь, такъ сказать, вѣдную армію, можешь быть многочислѣннѣйшую первой: но неспособную сражаться, и увеличивающую одни только безпорядки и смятеніе въ случаѣ тревоги и неудачи, пѣтъ болѣе, что кажется, Турки не слѣдуютъ принятому въ Европѣ обычаю, чѣобы въ лагерь располагать войско въ боевомъ порядкѣ. И таковыя лагери, преисполненные изобиліемъ, неоднократно доставались въ добычу Русскимъ. Увѣнчанный лаврами Румянцовъ

подъ Кагуломъ, гдѣ 17.000 Русскихъ разбили на голову 150,000 армию Визиря — и опытомъ искушенный въ военныхъ дѣйствіяхъ, умѣлъ цѣнишь искусство своихъ враговъ. Онъ говорилъ : „*Турецкую войну надобно начинать съ брюха*“ и по моему мнѣнію сія слова означаютъ не только учрежденіе магазиновъ и путей продовольствія, такъ какъ Бюловъ весьма основательно о семъ разсуждаетъ; но чію оборонительную наступательныя движенія противъ отважныхъ нападений Турокъ одни суть средства къ утвержденію прочнаго завоеванія въ сей странѣ. Партизаны дѣйствіемъ малою войны воспламеняють мужествомъ коренныхъ жителей, сихъ изнуренныхъ невольниковъ военнымъ деспотизмомъ Ошшоманскимъ: они, ободренные легкими отрядами, составленными преимущественно изъ драгунъ и конныхъ егерей, могутъ въ разныхъ краяхъ Государства возстануть и быть опасны для своихъ владѣтелей, кои равно любяють и воинскую славу и нѣгу. Нужно стараться по возможности дѣйствовать наиболее на флангахъ и въ тылу Турецкой арміи, чтобы пресѣкать пути сообщенія и продовольствія, и, можешь быть, послѣдуя примѣру Лорда Веллингтона въ Испаніи, нужно превращать въ пустыни тѣ страны, по коимъ надлежитъ

наступательно проходишь Опишоманской силой, особенно, если съ моря и со стороны Азіи возможно сдѣлать диверсію, или отвлеченіе большихъ массъ Турецкой арміи. Полезное дѣйствіе лешучими ошрядами Руманцова при осажденіи Шумли (1774), когда онъ не могъ по малому числу войско, со всѣхъ сторонъ держашъ ее въ блокадѣ *), служишъ подкрѣпленіемъ сему мнѣнію. Дѣйствительно въ малой войнѣ, всѣ прикрытія транспортовъ должны бышъ многочисленнымъ. Никогда не можно бышъ увѣрену, что сдѣлаемъ спокойно свой дневный переходъ, не зная гдѣ непріятель находится. Силы будущъ развлечены и прикрытія шребушъ множества войскъ, скоро могущихъ изнурить шроевую конницу. „Турецкія войска, замлъчаетъ Жомини, наносяшъ почти шаккой же вредъ Русскимъ, какой казаки прочимъ Европейцамъ: обозы не болѣе безопасны въ Булгаріи, какъ были въ Испаніи и Польшѣ.“ — Если сіе справедливо, то причиною сему можешъ служишъ недоспащочное вниманіе къ природнымъ шипелямъ, Христіанамъ, коишъ защищая, надлежишъ ихъ

---

*) То же самое имъ было сдѣлано подъ Колбергомъ 1761 года.

самихъ вооружити и подвинути къ народной войнѣ.

Турки, какъ будто бы чувствуя слабость свою въ наступательной войнѣ, полагаютъ большую надежду въ укрѣпленіи мѣстъ; изъ всѣхъ народовъ, обитающихъ въ Европѣ, они сохранили древній обычай укрѣплять свои станы; сіе превосходное обыкновеніе исправило бы нѣкоторымъ образомъ безпорядокъ и неустройство ихъ пѣхоты, если бы можно было чѣмъ либо другимъ замѣнить ихъ военный порядокъ. При всемъ несовершенствѣ строенія многочисленныхъ ихъ крѣпостей и замковъ, съ чрезмѣрно высокими валами, глубокими рвами, дурно фланжированными и безъ искусственныхъ средствъ, въ новѣйшія времена изобрѣденныхъ, они являются, если не болѣе искусными, то по крайней мѣрѣ болѣе твердыми и рѣшительными въ оборонительныхъ дѣйствіяхъ, нежели въ наступательныхъ: защищаются опчаянно и дѣлаютъ отважныя вылазки. Нѣсколько словъ о взятіи Измаила (1790) служить подтвержденіемъ сей истины.

Сильная оборона, наступленіе дурной погоды и малочисленность Россійской арміи дѣлали совершенно невозможнымъ сіе предпріятіе: но великій геній Суворова превозмогъ всѣ препятствія, на кои онъ рѣшился

по особенному приказанію Фельдмаршала Кн. Пошемкина, и увѣнчалъ новыми лаврами оружіе наше. Герой Рымникскій пребовалъ, чтобы городъ сдался безъ кровопролитія: но отвѣвъ Паши былъ слѣдующій: *прежде Дунай остановится въ своемъ теченіи, или небо преклонится къ землѣ, нежели Измаилъ сдастся.* И такъ надлежало взять приступомъ. Суворовъ, окруживъ Измаилъ, заложилъ бапшарей, желая удостовѣриться Турокъ, что онъ предпринялъ правильную осаду, и чтобы выстрѣлами обезсилилъ укрѣпленія, кои были высоки, хорошо вооружены и имѣли предъ собою глубокіе рвы. Между тѣмъ Коніръ-Адмиралъ Рибасъ съ своею флотиліею поражалъ ихъ суда, и все втайнѣ приготавливалось къ приступу. Русскихъ было всего 28,000 человекъ, изъ коихъ находилось много больныхъ отъ спужи; а гарнизонъ состоялъ, большею частію, изъ войскъ, защищавшихъ Бендеры, Килію, Аккерманъ, Хотинъ и прочія крѣпости, въ сію же кампанію покоренныя, и всего считалось онаго въ Измаилъ болѣе 43,000 человекъ, снабженныхъ всѣмъ нужнымъ для обороны; шакоева многочисленность гарнизона при сильныхъ укрѣпленіяхъ доставляла чрезвычайныя выгоды осажденнымъ предъ осаждающими. *Съ нами Богъ!* вскричалъ Суворовъ и распор-

дивъ войска къ приступу съ свойственнымъ ему искусствомъ, повелъ ихъ къ Измаильскимъ стѣнамъ. На правомъ флангѣ командовалъ тремя колоннами Г. Л. Попемкинъ, на лѣвомъ Г. Л. Самойловъ; казаки были спѣшены, и съ укороченными пиками, шли колонною на приступъ. Туманъ, послѣдовавшій за ясною погодою, скрывалъ движенія нашихъ войскъ, и восходящая заря была предвѣстницею ужаснѣйшей битвы. Войска въ безмолвіи приблизились къ укрѣпленіямъ, и въ 300 шагахъ сильный огонь съ крѣпости по нимъ открылся; земля спонала отъ выстрѣловъ, но Русскіе выдержали огонь и усиляли свое наступленіе. Генераль Кутузовъ, съ отличною храбростію дѣйствовавшій въ опаснѣйшихъ мѣстахъ, во время самаго приступа былъ назначенъ Комендантомъ, въ ту самую минуту, когда отборнѣйшія войска Турокъ отчаянно сопротивлялись его нападенію и едва не сломили и не опрокинули его пѣхоты: но Кутузовъ преодолѣлъ защищеніе. Усиліе было упорное во всѣхъ концахъ крѣпости, и каждый шагъ стоилъ ужаснѣйшихъ кровопролитій. Наконецъ войска Русскія, ободренныя примѣрами храбрыхъ своихъ начальниковъ, переправились чрезъ глубокій водяной ровъ, накидавъ въ оный фашины, и въ 8 часовъ утра, уже

Русскія знамена развѣвались на обугренныхъ стѣнахъ Измаильскихъ. Но городъ еще не былъ взятъ: отчаянные жители, вмѣстѣ съ войсками, и даже женщины съ оружіемъ въ рукахъ, встрѣчали побѣдителей въ улицахъ, гдѣ кровопролитная сѣча началась и продолжалась цѣлыя сутки. Ни многочисленность, ни отчаянное защищеніе, ничто не могло превозмочь мужества полуночныхъ орловъ. Измаиль палъ: 10,000 пѣхотныхъ, 232 орудія, 345 знаменъ и множество артиллерійскихъ и разныхъ припасовъ достались добычею побѣдителямъ, а остальное войско не сдавалось, упорно сопротивлялось въ мечетяхъ и домахъ, кои обращены были въ замки, и паша погибъ.

Военныя дѣйствія Турокъ, большею частью, основаны на силѣ крѣпостей, защищенныхъ многочисленными гарнизонами и доставлявшихъ имъ великую выгоду во время войны; вѣроятно, сіе служило важною причиною медленности многихъ нашихъ кампаній и часто бесполезныхъ кровопролитій. Можетъ быть, при нынѣшнемъ образѣ войны, если когда случится дѣйствовать противъ Турокъ, не примутъ ли какихъ либо другихъ мѣръ рѣшительныхъ въ послѣдствіяхъ и надежныхъ въ успѣхъ. Къ чему слѣдовать пришлому обыкновенію? и не новымъ ли иску-

спвомъ Суворовъ и Наполеонъ изучили свѣшь своими побѣдами, изъ конхъ первый быспрошою и внезапною, малыми силами побѣждалъ, а послѣдній сіи правила Суворова примѣнялъ къ великимъ движеніямъ многочисленныхъ армій? Но припомъ не должно забыватьъ слова безсмертнаго Кутузова: *яко дурной Генералъ побьетъ Турокъ, а хорощій призадумается о продовольствіи и сбереженіи арміи отъ болъзней.*

Нынѣ скоростъ въ исполненіи плановъ своихъ и въ частныхъ дѣйствіяхъ войскъ на полѣ сраженія, составляетъ отличительнѣйшую черту Военнаго Искусства, къ чему много содѣйствовало усовершенствованіе тактики, облегченіе вооруженія арміи и умноженіе артиллеріи и легкихъ войскъ. Со времянь Лудовика XIV и до Фридриха Великаго, военныя дѣйствія производились болъшею частію въ спранахъ, наполненныхъ пограничными крѣпостями, кои должны были бытъ поддержаны арміями, равно какъ сіи послѣднія долженствовали прикрывать крѣпости. Всѣ усилія въ помъ заключались, чшобы многочисленныя обученныя арміи спѣсяться въ маломъ пространствѣ, и въ одно и шо же время, бытъ въ состояніи осаждашь крѣпостъ и выиграть сраженіе. Отъ сего приведено было въ болъшее совершенство фор-

шификаціонное искусство и правильность боевых порядков: но со времени Фридриха Великаго, крѣпости потеряли сіе вліяніе, и скороспѣ въ движеніяхъ сдѣлалась главныйшею пружиною для произведенія важныхъ дѣлъ. Нѣтъ сомнѣнія, что духъ времени и обстоятельства измѣняютъ образъ войны. Войска въ XIX столѣтіи неоднократно проходили непріятельскія земли, не заботясь осадою крѣпостей, между тѣмъ, какъ при Лудовикѣ XIV, армія, ведущая такимъ образомъ войну, боялась бы подвергнуть себя недостатку въ продовольствіи, или имѣть ошрѣзанными свои пути сообщенія. Нынѣ, напрошивъ этого, они оставляють за собою ея пограничныя преграды и переносятъ оружіе въ самыя нѣдра Государства, бывъ увѣрены, что гарнизоны, находящіеся въ крѣпостяхъ, не оумѣяютъ удалиться отъ своихъ постовъ, и чѣмъ каждый изъ нихъ опасенъ въ окружности своей крѣпости. Нынѣ всѣ удостоверены, что ненадобно упускать случая, дабы воспользоваться успѣхами своими. По разбитіи непріятеля на полѣ сраженія, крѣпость лишена будетъ важной помощи и должна будетъ сдаться. Нужно только, неотомимо преслѣдовать разбитаго непріятеля и не давать времени ему опомниться. Такимъ образомъ Пиннегрю въ одну кампанію поко-

рилъ Голландію, усаженную крѣпостями, а великій Суворовъ въ чешыре мѣсяца, Верхнюю Италію.

Невозможно ли будетъ во время Турецкой войны, если бы когда сіе случилось, послѣдуя симъ примѣрамъ, на сихъ же правлахъ открыть военныя дѣйствія: такъ, чтобы при развлеченіи Оттоманскихъ силъ со стороны Азии и моря, наша резервная армія, быстро приблизившись къ Дунаю, могла немедленно осадить и блокировать важнѣйшія крѣпости, а дѣйствующая, слѣдуя оборонительно-наступательнымъ движеніямъ, кои всегда на прочномъ основаніи операціонныхъ мѣръ должны быть предприняты, сильными десучими отрядами подкрѣпая возставшихъ жителей противъ Турокъ, и спремилась въ самую внутренность Государства? Искуснымъ Генераламъ, образовавшимъ себя опытомъ и наукою въ военномъ дѣлѣ, хорошо знающимъ театръ войны и Стратегію Имперіи, а наименѣе чуждымъ предразсудковъ, принятымъ обычаями и привычкою, оспрашивается сію задачу, кошорая, какъ въ военномъ, такъ и политическомъ отношеніи, заслуживаетъ вниманіе просвѣщенныхъ кришниковъ.

Ан. Пушкинъ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНІЕ
ПРОИСШЕСТВІЙ 1825 ГОДА.

(Окончаніе.)

Важнѣйшее владѣніе Великобританіи въ Азін, Государство *Остъ-Индской Компаніи*, и въ семь году обуреваемо было войною съ *Бирманцами*, хотя Британское оружіе одерживало блистательныя победы. Здѣсь Англичанамъ должно было сражаться не только противу войска храбраго, снабженнаго многочисленною и искусно дѣйствующею артиллеріею (которая, какъ говорятъ, опчаша вывезена и продана имъ изъ самой Англій), хорошо устроеннаго и предводительствуемаго; но война сія сверхъ того сдѣлалась народною. По мѣрѣ, какъ Британцы подвигались впередъ, въ странѣ; защищаемой внутренними застѣками и рядами оковъ; они находили въ ней большее разореніе, опустошеніе и безлюдіе. И такъ весьма естественна, что сія война стоила Компаніи не только многихъ людей, но; по трудности и дороговизнѣ продовольствія, и немалыя сумми. Храбрый и искусный вождь *Бирмановъ*, *Маго-Бандула*, есть; какъ упоминаютъ, побочный сынъ прежняго Генерала-

Губернатора, бывший Англійскій Маіоръ Карроль, который, за проступокъ бывъ исключень изъ службы, нынѣ изъ мщенія возсталъ прошиву Компаніи. Еще опаснѣ сей войны было возмущеніе, возгорѣвшееся въ Индійскихъ полкахъ, о коемъ подробно-сти не дошли до насъ, по причинѣ строгаго надзора, которому подвергаются внутреннія извѣстія, печатаемые въ Индіи. Мятежники были строго наказаны; одинъ возмущившійся полкъ Сяпоевъ былъ окруженъ и почти до послѣдняго человѣка изрубленъ; два другіе полка должныствовали быть свидѣтелями сей ужасной казни, и лишились знаменъ своихъ, которые однако же, въ награду за храбрость, оказанную ими въ слѣдующихъ сраженіяхъ, были имъ возвращены. Въ Декабрѣ прошедшаго года, Англичане одержали при Рангунѣ блистательную побѣду надъ большимъ Бирманскимъ корпусомъ, при чемъ Англійская пѣхота взяла приспущеномъ крѣпкіе редуты, защищаемые 250—300 пушками. Однако же ни сія побѣда, ни вступленіе на престолъ Авской Имперіи Принца Гукьямена не имѣли послѣдствіемъ столь желанной Англичанами просьбы Бирмановъ о мирѣ. Между тѣмъ Британское войско, не смощая на всѣ препятствія, послѣ многихъ счастливыхъ сраженій, победоноснѣ

оружіемъ своимъ покорило Королевство Ассамъ; подъ предводительствомъ Генерала Моррисона 1 Апрѣля и. сп, по шрехдневной кровавой битвѣ, въ которой пало 10,000 Бирмановъ, завоевало Королевство Арраканское, 2 Апрѣля заняло Донабью, 21го Рамьюсь, а 25го Проме. Надежда, еще въ семь походы завоевать столицу Амерапуръ, не сбылась, и когда Бришанское войско, подъ предводительствомъ Генерала Кампбеля, при наступленіи дождливой погоды въ концѣ Юня, должно было прекратить свои дѣйствія, еще нельзя было ожидать скорого мира. — И въ семь году, многія части огромнаго Бришанско-Индійскаго Государства прешерифвали отъ наводненій и сильныхъ засухъ.

Синкапуръ процвѣтаетъ болѣе и болѣе, и Король Хрома Хьашъ, восшедшій въ семь году на престолъ *Сіамскій*, оказывалъ дружественное расположеніе къ Англіи. Однако же, если подтвердится слухъ, что *Китайскій* Императоръ хочетъ быть посредникомъ между Англіею и Бирманами, и онъ не успеетъ въ семь предпріятіи, то должно опасаться войны съ Сіамомъ, а можеть бытъ и съ Кипшаемъ. Въ сей послѣдней Имперіи, по новѣйшимъ извѣстіямъ, считаешся еще до 740,000 войска, въ числѣ коего 175,000

конницы; но дисциплина въ сихъ невоинственныхъ ордахъ ни мало не наблюдается. Манджурское племя, коего языкъ почти уже вышеръ, совершенно потеряло прежнюю значительность, и вся Имперія, послѣ шрехлѣтняго неурожая и большихъ наводненій, за коими въ семь году слѣдовала сильная засуха, находилась въ самомъ печальномъ состояніи. Хотя Христіанская Вѣра шамъ терпима, однако же новыя обращенія въ оную запрещены. Нынѣ считается 1560 храмовъ, посвященныхъ служенію Конфуція. Извлеченіе изъ Китайскихъ уголовныхъ законовъ сообщено было Англійскимъ кораблямъ для послѣдованія онымъ.

Нидерландскія владѣнія въ *Южной Инди* нуждались въ денежномъ пособіи, которое будещъ имъ доставлено, въ слѣдствіе займа, учиненнаго Правительствомъ. Ява, подобно Китаю и Индіи, поспрадала отъ большой засухи. Палембангъ былъ позорищемъ безпокойствъ, которыя однако же вскорѣ укрошены. Мы уже упомянули выше о путешествіи Нидерландскаго Генералъ-Губернатора по всемъ симъ владѣніямъ.

Состояніе *Филиппинскихъ острововъ*, между коими Лусонъ претерпѣлъ сильное землетрясеніе, представляетъ новыя опасности для Испанцевъ. Говорять, будто Цолакъ

скій Генераль-Капитанъ, начальствующій надъ оныхъ надъ 8000 войска, принадлежишь къ партіи безпокойныхъ, и чшо въ новыхъ Американскихъ областяхъ поговаривали уже объ опшравленіи флота для завоеванія оныхъ.

Восточно-Персидское Царство Афгановъ есть опасный сосѣдь для Британской Индіи: Раджа Реджингъ-Сингъ просперъ завоеванія свои за Кашемиръ, и угрожаетъ нападеніемъ на пограничныя Индійскія области.

Напрощивъ того *Западно-Персидское царство* находится въ иномъ состояніи, — 40 сыновей изъ 74 дѣтей 75-лѣшняго Фешъ-Али Шаха, начальствующъ надъ всѣми Персидскими племенами, между тѣмъ какъ многочисленныя шолмы разбойниковъ неистовствуютъ по всей Персіи. Говорятъ, чшо древняя столица Испаганъ пользуется особеннымъ покровительствомъ Шаха и нынѣ, послѣ долговременнаго упадка, снова начинается процвѣтать. Персія старается сохранить дружественное сношеніе съ Россією; съ Турцією она также находится въ мирѣ, хотя она все еще занимаетъ войсками своими Салиманыхскій Нашалыкъ.

Азіятская Турція все по прежнему страдаетъ отъ внутреннихъ безпокойствъ.

Въ Сиріи Абдулахъ-Паша Акрскій находиш-ся въ безпрестанныхъ кровопролитныхъ бш-вахъ съ вождями Друзовъ. — Леди Эсмеръ Стангопъ все еще пользуется общимъ уваженіемъ въ горахъ Ливанскихъ. — Смирна нѣсколько разъ была жертвою пожаровъ. — Наводненія сего года оставили савды свои въ Азіи; Тигръ причинилъ величайшія опустошенія, въ Багдадѣ и Месопотаміи и многіе люди при немъ лишились жизни.

Изъ числа *Африканскихъ Государствъ*, Вице-Королевство *Египетское* преимущественно обращаетъ на себя вниманіе наше, какъ образованностію своею, такъ и по причинѣ дальновидныхъ замысловъ Магометъ-Али-Паши и упорной войны, которую онъ ведетъ съ Греками. — Торговля Александріи, безпрестанно умножается. Въ 1824 г. вошла въ гавань ея 1290, а вышла изъ оной 1199 кораблей. Произрашеніе и приготовленіе сахару и индиго составляютъ также предметъ особеннаго попеченія Вице-Короля. Усиливающееся вліяніе Франціи на Египетъ возбуждаетъ соревнованіе Англичамъ. Вице-Король собралъ въ окрестностяхъ Каира войско въ 30,000 человекъ, устроенное по образцу Европейскихъ, и состоящее подъ начальствомъ Французскаго Генерала Бойе (кого имя знаменито въ альфонсим образованія

Африканцевъ въ Спаромъ и Новомъ Свѣтѣ); однако же соперничество между Французскими и Италіянскими офицерами (большею частію, прежними сошовами Наполеона), которые, нынѣ, подобно нолпамъ наемниковъ средняго вѣка, служатъ всякому для личныхъ выгодъ) подало поводъ къ сильнымъ, отчасти кровопролитнымъ распрямъ.

Варварійскія владычя продолжаютъ спавить часть кораблей въ Турецко-Египетскій флотъ. *Алжиръ* претерпѣлъ, 2 Марша м. с., землетрясеніе, разрушившее до основанія городъ *Блиду*. *Тунисъ* осмѣлялся нанесши нѣкоторыя обиды Сѣверо-Американскому флоту, за которыя флотъ сей Республики, всегда находящійся на Средиземномъ морѣ, готовилъ ему жестокое мщеніе. *Триполь* принужденъ былъ преклонить выю предъ морскою силою Италіянскихъ Государствъ: Сардинскій флотъ обложилъ его гавань, сжегъ нѣсколько военныхъ кораблей, и принудилъ Пашу немедленно признать спарый договоръ. На слѣдующій день прибылъ новый линійный корабль *Везувій*, и Паша согласился на требованіе Неаполитанцевъ. За оскорбленіе кораблей своихъ Папа испросилъ помощь Франціи, которая, какъ увѣряюшь, уже обещала ему оную. Безпокойные Триполитанцы дерзнули оскорбить нѣсколько Ко-

лумбійскихъ кораблей, и ошь нихъ должны ожидать мщенія.

Смылость Колумбійскихъ каперовъ на Средиземномъ морѣ можешь быть сравнена съ смылстію малыхъ Греческихъ военныхъ судовъ: они съ величайшимъ успѣхомъ нападаютъ на транспортныя флоты, охраняемыя сплными конвоями, и держашъ въ осаду весь западный берегъ Испаніи, окружающъ *Канарскіе острова*, и угрожаютъ *Цеутъ*. — Они находящяся въ дружескихъ сношеніяхъ съ Императоромъ *Мароккскимъ*, который ошкрылъ убѣжище Испанскимъ выходцамъ, и нынѣ намѣренъ заключить съ нимъ союзный договоръ. Сія Имперія претерпѣла въ прошломъ году неурожай и происшедшій ошь того ужасный голодъ.

Неуспращаемые пушешественики не прекращающъ покущеній проникнушь въ неизвѣстную *внутренность Африки*, сколько жертвъ ни принесено уже сему любопытству. Маіоръ Леенгъ ошправился для изслѣдованія шеченія Нигера, и надѣется пробратъся до Томбукту. Денгамъ и Клаппершонъ сдѣлали важныя ошкрытія во внутрениости Африки, и нашли доселѣ неизвѣстныя города, продовольствуемые издѣльями Англійскихъ фабрикъ, которыя привозящяся къ нимъ съ береговъ. Они нашли цвѣтущее Ко-

родовство въ *Бениль*, управляемое любимымъ и уважаемымъ 35-лѣтнимъ Королемъ.

Торгъ невольниками все еще не прекратился, и ревностно продолжается, особенно Португальцами и Бразильцами.

Ананти, послѣ великаго урона, ими понесеннаго, удалились отъ береговъ и вошли въ раздоры съ другими Африканскими племенами. Англичане упрекаютъ Нидерландскимъ поселенцамъ въ томъ, что они покровительствуютъ и вспомошествоуютъ имъ, и Генераль Торнеръ до того, прошивъ ихъ ожесточился, что грозилъ взять двѣ находящіяся тамъ Нидерландскія крѣпости.

Английскія и Американскія колоніи свободныхъ Негровъ въ *Сьерра-Леонъ* и *Либерти* дѣлаютъ большіе успѣхи; первая изъ нихъ въ семь году веда уже значительный торгъ деревомъ.

Мысъ Доброй Надежды и Английскія колоніи въ *Южной Африкѣ*, находились въ хорошемъ положеніи, имѣли счастливую жазву, и не были обезпокоиваемы Кафрами,

Мадагаскарскій Король Радама находился въ дружескихъ связяхъ съ Англичанами. Кошорые, подъ его покровительствомъ, занимались образованіемъ его народа; однако же сей островъ и для Французовъ не преста-

взаль бышь важнымъ предметомъ шорговой полишки.

Австралія, по раздѣленію, принятому Англичанами, состоишь изъ *Австрг-Ази* или большаго материка Новой Голландіи съ сосѣдственной землею *Фанъ-Димена*, и *Поллезіи*, (къ коной нѣконой причисляють и *Южно-Индійскій Архипелагъ*).

Новая Голландія, коной великою равняется съ нашею часію *Свѣша*, постоянно занимаешь промышленность и шорговую полишку *Бришанцевъ*, ошарающихся основашь шамъ новое Государство, коное бы могло замѣнить *Восточную Индію*, если бы ошасенія помери оной нѣкогда сбылись. Дальнѣшніа издѣдованія страны по шу споруку *Сянихъ горъ* и ошкрышіе большихъ рѣкъ болѣе и болѣе показывали важность цвѣнущей колоніи въ *Новомъ-Южномъ-Вѣллісѣ*, гдѣ образованность дѣлаешь удивительнѣшніа успѣхи, и ошкуда добываешь самая дорогая шерсть. *Земля Фанъ-Димена* также посещенно населяется. Колонія *Башурска* пошеривда ошъ набѣговъ дикихъ природныхъ жишелей, коные умершвили нѣсколькихъ посетенцевъ и ошпустили свленія ихъ, ошъ чего большія стада овецъ разбѣжались и скрылись во внутренности острова. Капшанъ *Книгъ*, объѣхавшій весь берегъ *Новой*

Голландін, нитюцій 3,000 Англ. жилъ въ окружности, для отккрытія мѣста, удобнѣйшаго для колоніи, отправленъ былъ, для основанія оной на сѣверномъ береть огромнаго сего острова, проливъ Новой Гвиней, и счастливо исполнилъ сіе порученіе, прибывъ на то мѣсто двумя только недѣлями ранѣ Нидерландцевъ, имѣвшихъ то же намѣреніе и чувствовавшихъ всю важность онаго. Сія новая колонія, подобно Сингапуру, есть одно изъ величайшихъ предпріятій Великобританіи, особенно по ея близости къ инымъ островамъ, что должно быть весьма неприятно для Нидерландцевъ, и по множеству моллусковъ, находящихся въ тѣхъ водахъ и сосставляющихъ одно изъ любимыхъ яствъ у Кишайцевъ.

Франція также твердо вознамѣрилась основать колонію на огромной и плодородной *Новой Гвиней*. Значительность Австраліи ежедневно епановится очевидно. Равномѣрно и *Новая Зеландія* обратила на себя вниманіе Англичанъ. Одинъ изъ ея владѣтелей, Тенахи, въ семь году совершилъ путешествіе въ Англію. Тамашній лень (*Phormium tenax*) есть одно изъ важнѣйшихъ естественныхъ произведеній. На *островахъ Товарищества*, преимущественно на *Отагейти*, воздвиганіе земли и образованіе при-

родныхъ жишелей, копорые уже ивиють фабрики и производять довольно значительный вывозъ шоваровъ, были весьма успьшны; шамъ нъшь уже ни одного молодаго человека, который бы не умъль хорошо писатъ, чишашъ, и не зналь Ариемешики. Рос- сийскій мореплавателъ Коцебу опять от- крыль нъсколько новыхъ острововъ. Ни- дерландцы наказали дерзкихъ морскихъ раз- бойниковъ съ *Девама* и *Разбойничьихъ острововъ*. — *Сандвичевы острова* были позорищемъ прекращеннаго нынъ возмущенія, причиненнаго Предендентомъ, воспитаннымъ въ Сьверной Америкъ. Жишели оныхъ, по умножающимся сношеніямъ съ Англичанами и Американцами, болъе и болъе принимають Европейскую образованность.

Пер. М.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И .

1 8 2 6 .

К р а с н о р ь ч и е .

104. *Рѣчь* оиѣ воспитанниковъ Армянскаго Господъ Лазаревыхъ учебнаго заведенія на кончику основателя и Попечителя оидаго, раба Вожія Болярина *Іоакима Лазаревича Лазарева*, послѣдовавшую Января 24 дня 1826 года. Сочинена Учишелемъ при ономъ заведеніи Тишулярнымъ Савѣшникомъ *Александромъ Смирновымъ*, а произнесена въ Армянской Церкви при оспѣваніи пѣла пѣла Воспитанникомъ *Павломъ Бежанбековымъ*. М. въ шип. А. Семена, 1826, 6 стр. въ 4.

С л о в е с н о с т ь .

105. *Антикварій*, сочиненіе *Сиръ Валтера Скотта*. Переводъ съ Французскаго П... К.... Часть шрестія 233 стр.; Ч. IV, 252 стр. въ 8. М. въ шип. С. Селивановскаго, 1826.

С т и х о т в о р с т в о .

106. *На кончину Государыни Императрицы Елисаветы Алексеевны.* П. въ шип. Юс. Иоаннесова. 1826. 9 стр. въ 8. (Соч. И. Вьтриискаго).
107. *Памятникъ Г. Генералъ-Маюру и разныхъ орденовъ Кавалеру Дмитрію Алексеевичу Столыпину.* М. въ шип. Рѣшешникова. 1826. 7 стр. въ 4.
108. *Стихи Государыни Императрицы Александрѣ Феодоровнѣ, по случаю благосклоннаго Ея вниманія къ трудомъ моимъ.* М. въ шип. А. Семена. 1826. 6 стр. въ 8. (С. Н. Глинки).
109. *Cri du coeur. Apostrophe faite à la douloureuse occasion du décès de LL. MM. l'Empereur Alexandre et l'Impératrice Elisabeth.* П. въ шип. Ден. Народи. Пр. 1826. 4 стр. въ м. 8.

Х о з л я й с т в о .

110. *Главныя основанія земледѣлія, изданныя Дмитріемъ Шелеховымъ.* М. въ Унив. шип. 1826. 167 стр. съ 12 таблицами.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1826. № XII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ:

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ.

(*Окончаніе.*)

„За какую вину должна я знать это? — сказала дѣвушка, видимо расперзанная: „Готова бы отдать собственную жизнь, лишь бы не знала. Если я сколько нибудь дорога вамъ, Констаншинъ, то научите меня, что дѣлать. Я буду говорить, но все сказанное мною обратится мнѣ же въ проклятіе. Уже и по одно убило бы мое спокойствіе, если бы я выдала кого бы ни было, но шеперь должно выдать того, кто полагается на мое молчаніе. — Нѣтъ, я не задавала загадки Лорду, я даже не могла сказать ему иначе, — можешь быть, я слишкомъ много сказала, отъ страха и довѣрчивости къ нему, а шеперь онъ же сшавишь меня виною всѣхъ бѣдъ своихъ.“

— „Смушность собственныхъ мыслей дѣлаешь его несправедливымъ, Сара!“ — ска-

заль Коншанпинъ; — „простите ему. Не смотря на то, что написано, онъ никакъ не употребить во зло вашей тайны. Но если вы не можете открыть ея безъ нарушенія собственнаго спокойствія, то продолжайте молчать и утѣштесь. И онъ, и я, мы подождемъ до времени, пока, можетъ быть, обстоятельство перемѣнитъ вашу рѣшимость. Отдайте мнѣ письмо, которое, безъ воли Лорда, могло бы произвести новое убійство. — Пусть его вѣдетъ; мы, Сара — если вы согласитесь быть моею — мы послѣдуемъ за нимъ, вмѣстѣ съ сыномъ его, и будемъ, общимъ союзомъ, стараться смягчить бѣдствія, въ которыхъ повергнушь онъ не нами, но собственнымъ встревоженнымъ своимъ духомъ. Можетъ быть — какое-то предчувствіе говоритъ мнѣ это — Богъ подастъ мнѣ случай найти врачеваніе, котораго вы не можете дать ему.“

Сара посмощрѣла на него задумчиво, но такими сверкающими глазами, что онъ еще съ большею бодростію, живыми красками своего пылаго воображенія, спалъ рисовалъ ей самыя утѣшительныя картины того времени, когда имъ удастся разсѣять туманъ, лежащій на сердцѣ друга его. Такимъ образомъ утвердилъ онъ ее въ рѣшимости молчать, зная, что и малѣйшая

отправа въ душѣ можетъ разрушить нѣжный составъ этого крошката супружества, а между тѣмъ самъ швердо вознамѣрился употребить всѣ усилія, на общую для всѣхъ ихъ пользу. И что же? какъ бы въ награду за то, что подкрѣпилъ онъ Сару въ ея крепости и благочестіи, въ пошъ же самый часъ возсіялъ предъ нимъ вдругъ лучъ надежды къ открытію непоняшнаго.

Вошла старушка. Сара, остававшаяся въ положеніи скромной слушательницы, съ намернувшимися на глазахъ слезами, сквозь кошорья едва блиспала улыбка, вдругъ вскочила и сказала: „радуйся, бабушка! Илья почти уже свободенъ, ты скоро его увидишь.“

Такой оборотъ мыслей Сары принялъ Констаншинъ въ хорошую для себя сторону, и не ошибся. „У васъ вдругъ прибудеть двое дѣшей“ — сказалъ онъ, взявъ Сару за руку: „но при васъ только одно останешся. Бабушка! дайше намъ ваше благословеніе.“

Старушка смошрѣла на него съ изумленіемъ; онъ спокойно повшорилъ свою просьбу. „Охошно бы“ — ошвѣчала, наконецъ, въ смущеніи старушка, кошорая въ спущникѣ Лорда полагага челошъка неменѣ важнаго-какъ и онъ — „но, дѣши, я одна вѣдь не могу рѣшиться; ешъ обстояшества . . .“

— „Развѣ вы не единственно ближайшая родственница Сары?“ спросила Конспаншинъ, въ то же время замѣшившій необыкновенное изумленіе во взорахъ дѣвушки.

„Правда! правда!“ продолжала сшарушка. „Но есть одинъ человекъ, шеперь его здѣсь нѣтъ, однако и давно уже; все же вѣдь онъ не умеръ. Безъ его согласія — ну, да Сара знаешь, о комъ я думаю.“

— „Ради Бога, бабушка!“ вскричала Сара, поблѣднѣвъ, почти не помня, что говоритъ: „скажи, такъ ли я себя понимаю? Ты думаешь . . . дьяволъ! ему что жъ до меня?“

„Что такое?“ возразилъ удивленный Конспаншинъ: „дьяволъ?“

— „Не удивляйтесь такъ!“ сказала сшарушка, смѣючись, но въ нѣкопорокъ замѣшательствѣ: „Не подумайте шуть ничего худого. Сара знаетъ только одно его прозвище, которое здѣсь дали ему люди на смѣхъ; пошому-то онъ неохотно и бываешь съ людьми.“ — „Ну что жъ? если господинъ изволитъ свашаться за Сару, такъ надобно поднести ему хорошенькаго винца.“ — „Вотъ видите; вшотъ человекъ призываетъ сюда кой-когда; онъ гораздо лучше, нежели негодное имя, какое дали ему люди, и еще съ самаго шого времени, какъ Сара была малолѣтшою,

всегда былъ къ ней ласковъ; она никогда не боялась его; а какъ со временемъ она будетъ его наследницей — да, да, мой другъ, ты будешь наследницей . . .“

„Никогда!“ вскричала дѣвушка, поблѣднѣвъ еще болѣе, съ видимымъ обращеніемъ: „никогда не соглашусь на это! — Констанція! я за вами послѣдую въ воду! — Только скорѣе! шеперь же!“ прибавила она тихо, въ большой посклиivosti поверглась въ его объятія: „не говорите однако Лорду ни чего о томъ, что вы слышали.“

Имя, выше названное и уже въ прешій разъ, все въ различныхъ таинственныхъ отношеніяхъ, поразившее слухъ Констанціи, загло въ душѣ его какъ бы молнію, кошорая освѣтила тамъ всѣ дремавшія, заглошшія и забытыя предположенія, собрало ихъ въ одну свѣтлую точку, и представило въ видѣ опредѣлительномъ, давно знакомомъ.

„Какъ?“ вскричалъ онъ: „Боже мой, я его знаю! Отъ чего даю ему это прозвище? Не по лицу ли, смугло-желтому, гробовому лицу, кошорое впрочемъ не уродливо и не имѣетъ въ себѣ признаковъ дурной души?“

Спаруха кивнула головой. Сара лежала, почши бездыханная, на его груди. „Бари дурно!“ воскликнула Констанція, опомниась: „я пойду и скоро вернусь.“ Онъ вы-

несъ ее въ боковую комнату и положилъ ле-
гонько на постелю. „Соберешься съ силами,
добрая Сара!“ шептала онъ: „я беру бремя
швое на свою душу. Не ты, а Провидѣнїе,
онъ самъ открылъ мнѣ себя, прежде, нежели
я съ тобой познакомился — ты не измени-
ла своей шайнѣ; теперь она сама объясни-
лась мнѣ. Говорю тебѣ прямо, не желая те-
бя обманывать. Богъ ниспослаетъ мнѣ силы
все устроишь, все обратишь ко благу на-
шему. Будь во мнѣ увѣрена, швое спокой-
ствіе, швое счастіе вмѣстѣ и мое. — Жела-
ешь ли ты вѣсего?“

— „Полагаюсь на Бога и на тебя!“
сказала она тихо. „Мнѣ легче; какъ будто
камень выпалъ изъ подъ сердца. Надѣюсь: ты
устроишь шакъ, чѣмъ я ни въ чемъ себя
не упрекала.“

Онъ напечатывая поцѣлуй на челѣ ея,
вышелъ изъ комнаты, заперъ дверь и пред-
сталъ съ величавымъ видомъ предъ ста-
рушкою: „Расскажи те шеперь мнѣ все, но
расскажи правду!“ сказалъ онъ ей.

Старушка призадумалась; но попомъ
отвѣчала: „Вы вѣдь знаете его? — Самы го-
ворили — знаете ли же, гдѣ онъ шеперь?“

— „Да, если не ошибаюсь.“

„Такъ лучше поговорите съ нимъ сами.
Какая нужда, если бѣ вѣщо ему и не попра-

вилось. — Но безъ его согласія не могу я выдать внучку. — Онъ вѣдь богашь, очень богашь“

— „До того мнѣ дѣла нѣтъ. Но я конечно буду говорить съ нимъ“ — возразила Констанцинь. „Скажи же, что ему до Сары?“

„Тутъ нѣчего много рассказывать“ ошвѣчала старушка, нѣсколько заминаясь. „Лѣтъ двадцать, или около того, назадъ, завѣхалъ къ намъ гость, котораго зянь мой, кашеланъ, по видимому, зналъ хорошо. Не извѣстно мнѣ за чѣмъ, только нужно ему было частенько прѣзжать въ нашу сторону, и какъ онъ очень досадовалъ, что люди въ городѣ дивятся лицу его, то уговорилъ моего зяня пускать его въ пустыя барскія комнаты, съ шѣмъ, чшобъ никто и не зналъ объ его прѣздѣ. То вдругъ онъ пошхоньку уѣдетъ, то явится опять пошхоньку. Однажды прѣхалъ онъ къ намъ, когда, незадолго передъ шѣмъ, родилась Сара. Хотя мать не слишкомъ его желала, но ребенку такъ привидался онъ, что чаще прежняго спалъ посѣщая насъ и умѣлъ привязать къ себѣ и малюшку. Ей, когда она подросла, также велѣлъ онъ молчать о себѣ; хошь это было и напрасно, пошому, что наша Сара никогда и въ дѣтствѣ не любила болшать. —

Уже долго спусти, сказалъ онъ мнѣ однажды, что ей откажешь все свое имѣніе, если я не выдамъ ее замужъ безъ его вѣдома. После того спалъ онъ рѣже къ намъ прѣзжая — и мнѣ сдавалось уже, что вѣрно завхалъ куда нибудь далеко. . . Теперь я все вамъ сказала. — Въ городѣ издавна его называли дьяволомъ, потому что, какъ тогда говорили, онъ все изъ спранныго лица своего спроилъ дьявольскія гримасы, что и немудрено было, когда со всѣхъ сторонъ глядѣли на него, какъ на диво. Настоящаго своего имени не сказывалъ онъ и намъ — его зналъ только зять мой — а мы между собою называли его пдакъ, какъ зовущъ и въ городѣ. — Если знаете, гдѣ его найши, то говорите съ нимъ сами.“

Константинъ хотѣлъ спросить еще что другое, но вдругъ задумался и сказалъ самъ себѣ: „Къ чему еще спрашиваешь? Развѣ я не довольно знаю. Поклонись отъ меня Сарѣ“ — прибавилъ онъ вслухъ: „сегодня просилъ я руки ея, потому, что сей же часъ долженъ, по порученію Лорда, отсюда отправиться. Скоро возвращусь. Пусть будетъ она покойна и весела; скажише ей что отъ меня.“

Когда Константинъ вошелъ къ Лорду, послѣдній замѣнилъ въ немъ что-то необы-

кровоенное: при всемъ глубокомыслии, какая-то веселость изображалась на глазахъ его. Тѣмъ съ большею мрачностію успремилъ на него Лордъ свои глаза, видя въ изъявленіи радости Константина, одно лишь поруганіе своихъ бѣдсвій.

„Милордъ!“ сказала Константина: „можешь быть, рушишься скоро объшь вашу, только не спрашивайте!“

На другое утро, когда Лордъ проснулся, Константина уже не было; только письмо оставилъ онъ, въ которомъ просилъ: доставить немедленно свободу Илья и не докучать Сару, а покойно ожидать его возвращенія — шакъ покойно, какъ, по его мнѣнію, будетъ она сама ожидать того.

Радостная надежда просіяла на душѣ Лорда, но все не могъ онъ исполнить первой просьбы; онъ стыдился даже и видѣть Сару; однако скука, родительская нѣжность къ дѣтями, какое-то робкое ожиданіе — онъ самъ не зналъ что прогнало его туда. Его приходъ привелъ ее сначала въ смущеніе; потомъ оправилась она и спала совершенно покойна. Онъ прислушивался внимательно къ словамъ ея, но только объ сынѣ его говорила она, о своемъ любимцѣ, о которомъ заботилась еще, буде можно, съ большею нѣжностію. Ни слова о письмѣ Лорда, ни

слова даже объ Ильѣ. Старушка не смѣла сдѣлать ни одного вопроса. — Лордъ спалъ часто приходилъ, но все не на долго. Его нерептѣкіе, внутреннее разстройство не давало ему покоя. Въ Констаншинѣ, котораго непринужденная веселость и пламенная душа отгоняли прочь все непріязненное, все разномысленное — въ немъ чувствовалъ большую потерю Лордъ, а въ присутствіи его и всѣ, съ нимъ бывавшіе. Такъ прошаулялись при длинныхъ, скучныхъ недѣляхъ; только для Сары сокращалось время упованіемъ и крошечными надеждами.

Наконецъ въ одно утро Лордъ, пробудясь, услышалъ очень знакомую походку. Это былъ Констаншинъ. Поспѣшно въбѣжалъ онъ и пламенно смѣлъ друга въ своихъ объятіяхъ; но испытующій взоръ Лорда не могъ не замѣтить какой-то угрюмости на челѣ юноши, — какъ будто свѣжестъ лица его потерпѣла отъ вреднаго, льданохолоднаго дыханія свѣта.

„Говорите, Милордъ!“ вскричалъ онъ: „скажите мнѣ смѣло: здравствуй! поштому что наступилъ конецъ объята вашего. Преступникъ открытъ; я его знаю, скоро узнаете и вы. Мнѣ удалось быть вамъ полезнымъ, хотя — не удивляйтесь — вы, вы сами подали поводъ къ надежнѣйшему,

безопаснѣйшему открытію. — Какъ я спѣшилъ! Не позволилъ себѣ даже повидаться съ доброй своей машушкой.“

Лордъ радостно изумился; но скрѣпилъ себя; вынулъ часы, пристально посмошрѣвъ на нихъ, а потомъ нѣсколькими строками приказавъ шайно Вуду пошребовать немедленнаго освобожденія Ильи, просилъ наконецъ Коншаншина знакомъ, чѣшобъ онъ продолжалъ.

„Правду говоряшь шѣ люди“ — такъ началъ Коншаншинъ — „которыя утверждають, чѣшобъ это убійство произошло отъ злыхъ духовъ, въ домѣ водящихся. — Однако я долженъ вамъ прежде расказашь небольшую исторію; расказу на-скоро и бьгло, зная, чѣшобъ для раненаго нужна скорая и легкая перевязка. Само Священное Писаніе говоряшь, чѣшобъ Богъ ошмщася иногда злобу родителей на ихъ дѣшакъ. Бьшенная госпожа дома, въ кошоромъ вы жили, такъ однажды разсердилась во время беременности, чѣшобъ желчь, по мнѣнію врачей, хотъ и разлилась въ крови, но большешю частію ударилась на младенца. По этому на всемъ шѣлъ сына, кошорый родился, оказалась темно-желшая целена, какъ бы на шруль. Когда мальчикъ спалъ подросташъ, онъ всѣхъ нугалъ собою и даже въ послѣд-

сшвѣя, когда сдѣлался богатымъ, отвращалъ отъ себя людей. Онъ былъ наподобіе того человека, котораго, если вы припомните, Милордъ, вмѣстѣ съ нами ужиналъ въ пракшурѣ, гдѣ состоялось первое знакомство наше. Ребенокъ былъ сиротою уже въ колыбели. Когда умерли его родители, вмѣстѣ съ ними умерла для него и любовь. Въ домъ опекуна былъ онъ въ небреженіи, униженіи, презрѣніи, въ посмѣяніи у дѣшей его, у служителей. Это возмутило мальчика, который, по видимому, наследовалъ весь характеръ своей матери. Уже ему было близко шестнадцать лѣтъ, когда кашелянъ его замка явился къ опекуну по дѣламъ. Этого человека приобрѣлъ его довѣренность, по тому что онъ одинъ, хотя съ внутреннимъ ужасомъ, оказывалъ ему уваженіе, какъ своему господину и припомъ вскормленному его женою. Едва только кашелянъ отправился домой, какъ онъ зацѣплялъ побѣгъ: ему какъ-то удалось прибрать къ рукамъ нѣсколько свершковъ золота, вмѣсто которыхъ — довольно ума и лукавства! — положилъ онъ квишанціи за своей подписью. Съ этимъ запасомъ явился онъ въ своемъ помѣстьѣ, постарался видѣть кашеляна украдкою, открылся ему, уговорилъ пустить его тайно въ домъ, чтобы опекунъ не могъ

Предполагашь между ними никакой связи. Такимъ образомъ открылись для него комнаты, шкапы, ящики; словомъ все, кромѣ одного бюро, ошъ котораго ключъ хранился у опекуна, пошому что въ немъ заперты были всѣ драгоценныя вещи, и даже деньги; какимъ-то образомъ удалось ему однако, безъ большаго труда, оппереть въ немъ одинъ ящикъ съ бумагами. Изъ нихъ увидѣлъ онъ, что родителами его сдѣлано было съ опекуномъ условіе, чтобы послѣдній выдалъ за него со временемъ одну изъ дочерей своихъ, кошорыхъ онъ ненавидѣлъ, какъ самого опекуна и все, ему принадлежащее. Это еще болѣе уцвердило въ немъ рѣшимость никогда не возвращашься. Съ помощію ка-спеляна, котораго задобрилъ онъ разными обвѣщаніями, удалось ему выбраться за границу, не взирая на разосланную опекуномъ сыскную, въ кошорой хотя пощажено было его имя, но наружность была подробно описана. Но куда ни приходилъ онъ; вездѣ долженъ былъ бороться съ непріятностями; нигдѣ не находилъ прямой искренности; нигдѣ не могъ приобрьсть утѣшительнаго участія. Наконецъ, видя безпрерывныя неудачи ошъ ничтожной причины, рѣшился онъ ѣхать въ Остъ-Индію. Тщетная проба! Безъ денегъ и прощанія, презрѣнный бѣ-

лыми болѣе, нежели въ Европѣ, непризнаваемый Креолами, съ опчаянія бѣжалъ онъ опшуда къ дикимъ, чшобы шамъ найши средство истребляшь по крайней мѣрѣ людей, копорые ненавидѣли его — копорыхъ онъ самъ шакъ ненавидѣлъ. Въ ихъ рядахъ сражался онъ и понравился имъ, но дикая жизнь не понравилась ему, избалованному уже Европейскою образованностью. Онъ возвратился къ шакъ называемымъ просвѣщеннымъ народамъ. Опыты показали ему, что между ними находится въ общемъ, всѣми признаваемомъ уваженіи — золошо. Пошому-шо въ немъ, никогда ненаходившемъ взаимной любви, развернулась давно шавшаяся уже шпращь къ мешалуу, копорый одинъ никогда не опшвергаетъ посполянаго искашеля, устремляющаго къ нему всѣ мысли свои и желанія. Но нешумимъ долженъ быть искашель, если хочешъ приобрѣсть его благоклонность. Нешумимъ былъ и шотъ, о комъ говорю, не смотря на многоразличныя перемѣны своей участи. Случайно попалъ онъ между дикими къ людямъ, копорые вели запрещенный шоргъ брилліаншами, и копорые подали ему первый поводъ къ его возвращенію въ образованный край. Предосторожность, хипросшь, даже обманъ, соединенные съ ашимъ шоргомъ, ему понравились.

Притомъ золото и драгоцѣнные камни равно милы для любителя.

Сказываютъ, что люди, пристрастные къ какому либо рода ученымъ собраніямъ, напримѣръ манускриптовъ, монетъ и другихъ рѣдкостей, не считаютъ за стыдъ умножать свои кабинеты какими бы то ни было образомъ, даже и непозволительнымъ. Мнѣ и самому случалось знать такихъ собирателей, которые показывали охотно свои сокровища, но если посѣщала ихъ любитель въ томъ же родѣ, то никогда не сводили глазъ съ рукъ его. Мудрено ли же, что и въ вѣпмъ молодомъ чловѣкѣ возбуждалось сильное пристрастіе къ бриллиантамъ, хотя онъ доставалъ ихъ и не кровавымъ путемъ, какъ второй Кардильякъ, а самую осторожную мѣною. И своего собственнаго имѣнія на родинѣ не выпускалъ онъ изъ виду, пошому что опекунъ время отъ времени получалъ, самъ не зная откуда, письмо, въ которомъ сполало только: я еще не умеръ, и было подписано имя наследника. При желаніи богатства, самый лучший способъ къ достиженію цѣли — не безопасное презрѣніе людей, но дѣятельная къ нимъ ненависть. Молодой чловѣкъ уже сохранилъ себѣ небольшой запасъ любимаго имъ мешала, и шогда, какъ незадолго предъ

своимъ совершеннолѣтшiemъ, явился внезапно къ опекуну и принудилъ признать себя безъ дальнихъ письменныхъ документовъ, пошому что убѣдительнѣйшій документъ носилъ онъ на лицѣ своемъ. Между тѣмъ опредѣленная ему невѣста сдѣлалась прекрасною дѣвушкой и возбудила несомнѣнно еще умершій чувства въ его сердце. Не столько изумленіе, какъ ужасъ овладѣлъ всѣми, когда онъ объявилъ, что знаетъ о старинномъ условіи и потребовалъ его исполненія. Это огорчило и отвратило его; однако онъ успокоенъ былъ тѣмъ, что взавнѣ всего, не слишкомъ значительнаго родительскаго имущества, кромѣ стараго замка, съ которымъ не хотѣлъ онъ расстаться, согласились дать ему деньги, чтобы только онъ него отдѣлался.

Ему захотѣлось очень побывавъ въ своемъ замкѣ: еще не охладѣло въ немъ воспоминаніе о комнашахъ, въ которыхъ, хотя и ребенкомъ, но въ первый разъ почувствовалъ онъ себя свободнымъ и владѣльцемъ. Съѣвъ на коня, пустился онъ шуда одинъ. Пріѣхавъ уже ночью. Еще отъ опекуна извѣстно ему было, что старый кашпелянъ умеръ и замъ его заспунилъ это мѣсто. Ему вздумалось окинуть по крайней мѣрѣ взоромъ это незнакомое ему семейство, прежде, нежели войдешь въ него. Такимъ же

образомъ, какъ недавно мы, подошелъ онъ къ низкимъ окнамъ кашеляновыхъ комнатъ; но первый предметъ представился ему — дѣвушка, еще прелестнѣйшая, чѣмъ бывшая невѣста его, простая и привлекательная, словомъ, какъ наша Сара — и онъ не видалъ болѣе никого. Еще разъ вспыхнула любовь въ груди его. Но тушь почувствовалъ онъ, что долженъ будетъ лишиться всякой надежды, если прелестная вдругъ увидитъ его. Онъ идетъ теперь къ пракширу, въ кофромъ теперь мы, выдаешь себя за путешественника, Индѣйца и требуетъ комнаты. Здѣсь оспрашивается онъ жить надолго, почти безвыходно, чтобы какъ можно меньше показываться людямъ; не смотря на то, становится предметомъ любопытства и удивленія цѣлаго города, но переноситъ съ непоколебимою твердостью свое привычное положение — дѣйствительно привычное, потому, что въ пракширь сбѣгались нарочно со всѣхъ сторонъ горожане, чтобы позвать на него, и у всѣхъ прослылъ онъ за *дьявола*, какъ по выразительности названія, такъ и по мѣстному употребленію слова, означающаго необыкновеннаго и почему либо страшнаго человека. Между тѣмъ молодой человекъ начинаешь пользоваться продолжительнымъ полусвѣтомъ осеннихъ вечеровъ; онъ

смикнулъ, что лунное сіяніе не только не представляешь лица его въ натуральномъ гнусномъ его видѣ, но своимъ пріятнымъ мерцаніемъ озаряя на немъ юношескую живость, дѣлаешь его даже привлекательнымъ, что подало ему мысль познакомиться съ любезною вечеромъ, и не иначе, какъ въ это же время являясь ей всегда; онъ успѣваетъ въ своемъ намѣреніи, и подъ разными предлогами достигаешь даже того, чтобъ видѣться съ нею тайно; такъ увлекаетъ онъ безпечную въ свои сѣти. Уже тогда, какъ она, болѣе по невинности, нежели по слабости, совершенно ошдалась ему, открываешь онъ ей, и въ сумерки того же вечера идетъ, почти шоржествуя, къ ея матери, бывшей своей кормилицѣ. Тамъ находишь всю семью, сказываешь о себѣ, о злой судьбѣ своей и о томъ, что намѣренъ побороть ее счастливымъ супружествомъ съ своею любезною. Последняя, чувствуя къ нему любовь, считаешь себя твердою, противъ всякаго вѣшняго вліянія, но при всемъ томъ, съ ужасомъ отступашь назадъ, когда мать, радуясь, что вышла своего вскормленника и что онъ хочетъ составить счастье ея дочери, вносишь наконецъ свѣчу. Однако дѣвушка преодолеваетъ себя; готова покориться судьбѣ своей.

Положили такъ, чѣмъ женихъ выѣзжалъ изъ города въ видѣ Индѣйца и, возвращаясь назадъ, поселился тайно въ замкѣ. Свадьба сыграна была также въ тайнѣ и не въ городѣ, а въ отдаленномъ отъ него селеніи. Но скоро очарованіе любви его исчезло: крошкая, суевѣрная женщина, еще увеличивая свой ужасъ непрерывнымъ представленіемъ проступка своей дѣвственности, въ который такъ хитро увлечена была, стала претешать въ его объятіяхъ, какъ бы перзаемая демонскою силою. Къ сему же услышала она о данномъ ей мужу прозвищѣ, когда онъ жилъ въ пракширѣ. Слово *дьяволъ*, часто вырывавшееся изъ устъ завистливыхъ сестеръ ея, дѣлало на нее необыкновенное впечатлѣніе, котораго не могла смягчить она всею силою своего разсудка. Мужъ, привкнувъ спрививовашъ и соскучась въ укывашельспивѣ, вздумалъ ѣхать въ дальнія спраны; но уже замѣчалъ онъ шрепетъ жены и чипалъ, ей невѣдомо, въ ея сердцѣ. Она хотѣла всюду за нимъ слѣдовать, но была не въ состояніи: онъ это видѣлъ. И такъ, мало того, что его наружность отгоняла любовь; онъ долженъ былъ видѣть въ любимой своей отвращеніе, даже ужасъ самый жестокій—ужасъ, котораго причина приводила его въ бѣшенство. И такъ слышь

уязвляли его подобныя чувства жены, чѣмъ болѣе старалась она скрывать ихъ. Въ минуту досады и рѣшительности, онъ вдругъ уѣхалъ одинъ, оставя письмо съ приложенными векселями на большую сумму и съ угрозами: шѣмъ и другимъ хотѣлъ онъ купить глубочайшее молчаніе всей семьи о себѣ. Въ то же время взялъ онъ съ собою главный ключъ отъ жилыхъ покоевъ, чшобъ всегда имѣть шуда свободный входъ. Спротгій приказъ отданъ былъ на счетъ шого, чшобъ никому не показывать эшихъ комнатъ и совсѣмъ не ходитъ шуда, даже и шогда, если тамъ видѣнъ будетъ огонь или замѣчено какое нибудь движеніе.

Тогда съ неушомимымъ усердіемъ спалъ онъ продолжая ненадолго прерванныя дѣла свои, объѣхалъ всю Европу, вошелъ въ связи со многими Жидами-бриллианщиками; посѣщалъ нерѣдко свой замокъ, заключалъ тамъ свои шайные коншракшы и хранилъ драгоценности; въ томъ числѣ извѣстныя цѣлому свѣшу, но въ печеніе послѣдняго смущнаго времени пропавшія безъ вѣсти: не мудрено, когда онъ попались въ руки дьявола. — Однажды, при его возвращеніи на родину, былъ онъ пріяшно изумленъ рожденіемъ дочери, въ которой увидѣлъ совершенное подобіе жены своей. Послѣдняя назвала ее Са-

рою и окрестила не дома, а также въ помѣ опдаленномъ селеніи, гдѣ была свадьба ея; что еще болѣе заставило сосѣдей считать ребенка незаконнорожденнымъ. Съ сего часа возобновились между мужемъ и женою искреннія отношенія, только не брачныя. Оба, по различнымъ причинамъ, согласились между собою скрывать отъ ребенка, что отецъ его живъ. Разумѣется, что и въ городѣ никто не долженъ былъ знать о немъ. По роду дѣла его, нужно было каждое посѣщеніе на родину облачать, какъ и прежде, въ глубочайшую тайну. Впрочемъ онъ болѣею частію продолжалъ колесить по свѣту; ѣздилъ къ разнымъ минеральнымъ водамъ, на ярманки, словомъ всюду, гдѣ только могъ ожидать успѣха скрытымъ дѣламъ своимъ; иногда случалось ему жить въ шпиряхъ съ неизвѣстной роскошью, но чаще берегъ онъ мешалъ, съ которымъ не любилъ разсуждаться, какъ не любилъ разлуки женить и невѣста.

Прошли годы; мать Сары, жившая хотя и въ забвеніи, но тѣмъ болѣе довольная своей участью, наконецъ умерла. Мужъ ея не перемѣнилъ и тогда образа жизни; въ разное время являлся онъ въ замокъ для свиданія съ дочерью, которой, по родительской вѣжности, не хотѣлъ открывать близкаго

своего родства, боясь возмутишь крошкѣй духъ ея печашью отверженія на лицѣ своемъ. Однако люди, жившіе въ домѣ, нерѣдко подозрѣвали его присутствіе, почему вѣроятно и прозвище его сохранилось у нихъ въ памяти, шѣмъ болѣе, что домоправительница, кошорая, по смерти зятя, одна знала настоящее имя его, хранила свою шайну ненарушимо,

Однажды, когда случилось ему посѣшнить свой замокъ, чшобъ видѣшь уже взросшую дочь, кошорая съ каждымъ годомъ спановилась ему дороже, къ величайшему своему удивленію узнаешъ онъ, что часть комнать опидана подъ постой одного Дашскаго семейства. Впрочемъ распоряженіе сдѣлано было такъ хорошо, что ему нельзя было сердиться. Онъ рѣшился повидаться на минуточку съ дочерью и щопчасъ ѣхашъ, но когда просидѣлся съ нею и пришелъ въ свою комнату, чшобъ устроитъ еще нѣкошорыя дѣла, вздумалось ему посмошрѣшь на сосѣдей сквозь небольшую щель, кошорую нашель случайно въ перегородкѣ.

Но каково было ему, когда увидѣлъ, что недурная собою женщина разбираешъ въ шпичу разъ прелестнѣйшіе брилліанты. Хотя онъ самъ никогда еще не позволялъ себѣ простой кражи, но шуть у него разбѣжа-

лись глаза, и онъ не могъ отойти отъ щели, не могъ приняться за дѣла свои, пока сокровище не было спрячано. Тогда же повхалъ онъ дѣйствительно, однако все казалось ему, какъ будто блескъ брилліантовъ невольно шпандеть его назадъ, будто надобно ему выдумать средство сблизиться съ пріѣзжими, войти съ ними въ торгъ — онъ самъ не понималъ, что такое смущно превозило его мысли — только въ глазахъ его былъ безпрестанный блескъ, манящій жадную душу къ спрасно любимому предмету. Тотчасъ повернулъ онъ назадъ, и еще ни съ кѣмъ не говоря ни слова, рѣшился выждать случая и наблюдать, а къ этому положеніе комнаты доставляло ему наилучшее средство. Тутъ узналъ онъ, едва только пріѣхавши, что недурная собою женщина всѣ свои брилліанты навязываетъ молодому человѣку, ему известному, за такую цѣну, которая для него самого была выше даже всѣхъ брилліантовъ. Тогда показалось ему не только позволительно, даже необходимо похитить блестящіе камни. Чужой умыселъ сблалъ его собственннй чистымъ, какъ свѣтъ. Между тѣмъ не всѣ переговоры могли быть имъ слышаны, и самый ящикъ съ драгоценностями скрылся отъ глазъ его. Онъ готовился къ своему предпріятію: пошатенную дверь, закрытую

обоями, спарался онъ ослабить на пешляхъ, шакъ, чѣшобъ она опшворядась безъ малѣйшаго шума; а наконецъ рѣшилсь и совершилъ умыселъ, въ часъ обѣда, когда какъ, онъ зналъ, никого не оставалось въ комнашѣ. Но именно въ эшошъ день, сосѣдка не выходила изъ своего кабинеша. При наступленіи вечера, явился къ ней Илья — брилліаншны вынущы были онашъ изъ-подъспуда. Тушъ подслушываешъ ошъ условіе, ошъ кошораго кровь закипѣла въ его жилахъ. Входишъ его дочь; онъ слышишъ, какъ ее браняшъ; видишъ, что намѣрены упошребитъ съ нею насиліе; крики ея раздираюшъ въ немъ слухъ и душу. Уже давно ключъ его обернулся въ замкъ и взяшъ были всѣ предоспорожности, чѣшобы, въ случаѣ побѣга, не оспалось въ жилашѣ его никакого измѣнническаго слѣда. И шакъ безъ дальнихъ размышлений схващываешъ онъ охошничій ножъ, висѣвшій на спѣшѣ со многимъ другимъ оружіемъ, шолкаетъ дверь въ шо самое мгновеніе, когда молодая дама, сподвшшая позади Ильи, приказывала завязашъ плашкомъ рошъ его дочери, и внѣ себя ошъ кипящей злошни бросаешъ ножъ въ похишшеша; но сей въ борьбѣ съ прошивящешою дѣвушкою, въ шошъ самый мигъ нагнулся, а дама съ крикомъ поверглась, убишшая, на полъ. Илья покидаешъ дѣвушку и броса

бѣглый взглядъ на кровавую руку, спремипси- ся со всѣхъ ногъ вонь изъ комнашы. — Едва совершилось злодѣйство, какъ отцу пред- сшавляешся на мысль все опасное положеніе дочери; онъ чувствуешъ, какимъ ужаснымъ слѣдствіямъ подвергнется она, когда най- душъ ее шуть одну; входипшь и, бросая въ первый разъ равнодушный взоръ на разсы- панные брилліаншы, выносптъ почти без- чувстввенную дѣвушку чрезъ пошпенную дверь, кошорую потчасъ за собой запираешъ; по- шомъ перейдя чрезъ многія комнашы, впал- киваешъ ношу свою въ дѣтскую, ошкуда толькo чшо выбѣжала испуганная шумомъ и подспрекаемая любопышствомъ кормилица; наконецъ, шепнувъ Сарѣ на ухо: „я спасъ тебѣ, и пошому молчи“ онъ бѣжипшь, никѣмъ незамѣченный, вонь изъ дому; даже никому изъ домашнихъ своихъ не могъ онъ прійши въ годову въ эши минушы, пошому, чшо всѣ счшшали его давно уѣхавшимъ. Такимъ образомъ сей несчастливецъ, гонимый бѣ- шенствомъ и судьбою, долженъ былъ ошка- зашся ошъ послѣдняго сшасшя, кошорое передъ шѣмъ еще могло бы просіашъ ему въ примиренныхъ очахъ прелесшной до- чери.“

Лордъ хотѣлъ, казалось, что-то ска- зашъ, но быспро взглянувъ на часы, оспал-

ся неподвиженъ, какъ былъ. Коншанпинъ продолжалъ.

„Съ эпихъ поръ — съ той минутой, когда взглядъ на пролитую человѣческую кровь какъ бы вдругъ ошмспилъ ему за любовь къ бездушнымъ свѣпящимся вещамъ — онъ почувствовалъ къ нимъ сильное отвращеніе, такъ, что каждый драгоценный камень казался ему пускль и спрашенъ, какъ собственное лице его. Впрочемъ это произошло не ошъ раскаяніа въ злодѣйствѣ, которое въ глазахъ его извиняли общоипельства и его намѣренія, но ошъ опасенія, что эпихъ дѣломъ пробудитъ онъ дремоту Судовъ по другимъ скрытымъ дѣламъ его. Къ тому присоединялась неизвѣстная ему допоздъ шоска о совершенно невинныхъ, завлеченныхъ имъ въ пагубу, и необыкновенная прусосшь. Но тогда же рѣшился онъ, прекративъ всѣ дѣла свои, жить въ большемъ, веселомъ и шумномъ городѣ, и оградить себя блиспашельнѣйшею лышноспію и роскошью, какъ спѣною, чрезъ кошорую не скоро можешъ проникнуть взоръ подозрѣнія. Между нѣмъ хошя онъ всячески стараася имѣть видъ крошкій и спокойный, но сильныа спраспи, кошорыа владѣли имъ, безпрерывно ему измѣняли и могли сдѣлаться для него опасными. Вашъ подарокъ, Милордъ, шай-

но мнѣ сдѣланный, ввелъ меня въ странное заблужденіе, и составилъ мое съ нимъ знакомство. Сильныя чувства, раскрывшіяся при этомъ въ насъ обоихъ, безпрестанно по привязывали насъ другъ къ другу, по опять општакивали. Когда мы распались, онъ думалъ выпуститься изъ предвидѣнной западни, распавленной ему судьбою, но не совсѣмъ ушелъ изъ нее. Не желая опять повстрѣчаться со мною и спрашась собственнаго предчувствія, возбужденнаго мною, вздумалъ онъ опдалить меня такимъ средствомъ, которое безъ вашего въ то время посредничества, гораздо скорѣе послужило бы къ споль спрашному для него раскрытію дѣлъ; но тогда еще самъ я бродилъ во шмѣ. Въ послѣдствіи, при одномъ слабомъ возбужденіи того, что шайлось смушно въ душѣ моей, я вспомнилъ его, и все дѣло объяснилось мнѣ какъ бы само собою: мысль, какъ молнія, сверкнула въ моемъ умѣ, что имя, названное вамъ Сарою, было: *дьяволъ*, и теперь я уже въ томъ увѣренъ. Тотчасъ опправился я къ нему, но какъ происходили наши переговоры, что я узналъ, что испыталъ — о томъ не скажу ни слова: клятва и обѣтъ заграждають пелерь и мои уста. Довольно того, что я во многомъ успѣлъ. Вошь въ эшихъ докуменшахъ находишся сви-

дѣшельство о законномъ рожденіи Сары, еогласіе отца на свадьбу ея со мною, и права ея на владѣніе нѣмъ имѣніемъ, въ которомъ она живетъ. Отъ послѣдняго я не могъ отказать, но это малость въ сравненіи съ нѣмъ сокровищами, какія онъ мнѣ предлагалъ. Я кончилъ, Милордъ. Теперь многое зависить отъ васъ. Хотя пресупникъ находится уже внѣ той страны, гдѣ бы могли достать его преслѣдованія ваши и законовъ, но я увѣренъ, что хотя бы не было и ничего, говорящаго въ его пользу, ваше великодущіе не забудетъ, что онъ отецъ Сары, а вскорѣ сдѣлается и моимъ. Пусть же никогда не узнаетъ она, что ея благочестіемъ можете быть спасенъ собственный отецъ ея — благочестіемъ, говорю я, попому что невинность ужасается пресупленія, но не требуетъ для него наказаній.

Лордъ поспѣшно вспаль и съ часами въ рукѣ, ходилъ нѣсколько времени по комнатамъ назадъ и впередъ; попому вдругъ оборотился къ Коншаншину, крѣпко его обнялъ и произнесъ: „къ ней! — желаю“ — продолжалъ онъ: „только того, что уже получилъ: упопребленія языка своего. Оспавимъ все происшедшее; не будемъ даже думать о помъ! — Куда ни обращу взоры, вездѣ пресупле-

ніе. Кто безъ грѣха, пошь первый подыми камень, и Сара того не сдѣлала. Къ ней!“

Когда они пришли, невинная дѣвушка въ юношескомъ радостномъ забвеніи самой себя, бросилась на встрѣчу Константину; но не добѣжавъ до него двухъ шаговъ, вдругъ остановилась и покрасилась. Лордъ схватилъ ее за руку; долго и быстро смотрѣлъ ей въ блестящіе глаза. „Какъ“ — сказалъ онъ наконецъ: „какъ долженъ я теперь, когда могу быть снова опцемъ, возблагодарить тебя, милая дѣвушка, которая была впроую лучшею матерью для моего сына? Ну, постой! жизнь за жизнь, любовь за любовь, мужа за сына!“ Онъ повелъ ее въ объятія Константина.

Въ изумленіи она едва слышала слова его, хошя и опдалась свободно въ объятія возлюбленнаго. „Вы говорите?“ вскричала она только.

„Да, я выздоровѣлъ, я обѣщаль вамъ молчасть“ — прибавилъ онъ тихимъ голосомъ: „пока не раскроется извѣстное дѣло; оно объяснилось теперь, и къ общей нашей пользѣ. Благодарите вопъ кого.“ Онъ показалъ на Константина. „Пора“ примолвилъ онъ еще, обращаясь къ Ильѣ, который вскорѣ послѣ него вошелъ съ обрадованной бабушкой, и оба онѣмѣли, услыша, что Лордъ го-

воряшъ: „пора мнѣ теперь поговорить съ вами. Я знаю все“ — онъ опшелъ обоихъ къ сторонамъ и сказалъ тихо: „Дьяволъ оказался убійцею — не называю насъпоящаго имени, но ты знаешь его, старушка. Вотъ докуменшы, которые скажутъ вамъ, что мнѣ извѣстно и происхожденіе Сары, но ни слова — она не должна никогда знать о томъ.“

Ни Константину, ни Лорду не нравилось въ томъ городкѣ, гдѣ они жили; хотя первый чувствовалъ себя счастливымъ въ присутствіи Сары, но все хотѣлось ему бытъ подалѣе отъ своихъ, тайно прибрѣщенныхъ владѣній. Между тѣмъ, какъ любовь взяла права свои, и отдала Константина отъ его друга, Лордъ, уже необязанный только слушать въ нѣмотѣ, какъ будто спать предпочиталъ ему Илью, который, молча и съ участіемъ гостей былъ выслушивать все, что ни говорено ему было Лордомъ, сдѣлавшимся очень словоохотнымъ, какъ бы въ замѣнъ потеряннаго въ безмолвіи времени. Между тѣмъ, хотя Лордъ во многихъ отношеніяхъ перемѣнился — сдѣлался справедливымъ, не столько самолюбивъ, словомъ лучше, нежели былъ; но, казалось, гостей былъ опять обратиться къ той жизни, какую привыкъ вести въ своей моло-

дости. Крошечное счастье молодых людей не очень ему нравилось. Он пустился путешествовать с Ильею, копорого хотѣлъ вознаградишь за свою опрометчивость, послужившую ему однако въ пользу; устройшь счастье своего спутника Лордъ взялъ совершенно на себя. Однако прежде всего проводили они Сару и Константина къ матери послѣдняго. Здѣсь онъ съ сыномъ, Лорда, для копорого онъ не могъ бы найти болѣе попечительныхъ воспитателей, составляли вчетверомъ совершеннѣйшій образецъ чистаго житейскаго счастья во всѣхъ его измѣненіяхъ. Спокойная почтенная старость; нѣжное улыбающееся дитя — начало и конецъ, между копорыми счастливая любовь высочайшее на землѣ благо, составляло середину.

Случилось, конечно не безъ намѣренія Константина, что день его свадьбы былъ пошъ самый, въ копорый онъ за годъ передъ тѣмъ, познакомился съ Лордомъ, и въ то же утро отдалъ онъ самъ своей счастливой матери за годъ написанное и запечатанное письмо. „Оно тогда не было опровержено“ — сказалъ онъ съ веселымъ тономъ: „пошому, что въ немъ пишется о счастливомъ днѣ, копорый, какъ тогда же

казалось, сдѣлался было для меня очень несчастливымъ. Однако жъ я точно былъ правъ; но мы, сѣльные люди, не смѣемъ думать о возможности повелѣвать счастьемъ; потому, что имъ повелѣваетъ Провидѣніе, а мы только не должны упускать изъ виду и изъ памяти легкія намѣтки Его, и среди самыхъ смутныхъ обстоятельствъ должны вѣрно сохранять внутренній свѣтъ свой, чтобы различать злое отъ добраго и, гдѣ только возможно, пользоваться послѣднимъ, предоставляя судьбу вѣрочашь нами и всѣмъ. — По этому все таки шотъ день былъ для меня счастливымъ!“ —

Молодые люди нашли на родинѣ Константина пріютъ, большой кругъ дѣятельности и внутреннее спокойствіе. Продажа полученнаго въ приданое имѣнія, котораго не хотѣли они болѣе видѣть, и награда отъ благодарнаго друга обезпечили ихъ на всю жизнь. О томъ, который такъ странно запечатлѣнъ былъ природою, не было никакого слуху. Онъ шотчасъ выѣхалъ изъ города, гдѣ Константинъ съ нимъ разстался. Однако послѣднему казалось въ теченіе времени, что онъ открылъ слѣды его въ огромномъ капиталѣ, который однимъ умершимъ завѣщаемъ былъ на построеніе больницъ.

цы въ ***. Сара живетъ счастливо, все еще въ этой увѣренности, что ея отецъ умеръ прежде ея рожденія.

Съ Ньм. К.

II.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ:

ОБЪ АРМИИ МЕГМЕДА-АЛИ, ПАШИ ЕГИПЕТСКАГО, ОБРАЗОВАННОЙ ЕВРОПЕЙСКИМИ ОФИЦЕРАМИ, СЪ БИОГРАФИЧЕСКИМИ ИЗВѢСТІЯМИ О НАЧАЛЬНИКАХЪ ОНОЙ.

Сог. Гюбберта Ловерно, Тулонскаго корабельнаго Доктора.

Въ Январѣ 1825 года принуждены мы были пристать къ острову Крипу, въ самое то время, какъ Мегмедъ-Али, Паша Египетскій, замышлялъ слишкомъ славную экспедицію свою противъ Пелопоннеза. Сынъ его былъ Генералиссимусомъ арміи, и имѣлъ подъ командою своею многихъ Европейскихъ Офицеровъ, коихъ особенныя обстоятельства завели на палящую почву Египта. Войско Мегмеда состояло изъ однихъ Арабовъ, рабовъ, неполучавшихъ никакой платы, изувъ-

ровъ, которыхъ самрапъ увѣрилъ, посредствомъ своихъ Имановъ, что они будутъ вѣчно блаженствовать на лонѣ Гурій, если умрутъ, проливъ кровь ненавистныхъ имъ Христіанъ. Армія сія, состоявшая изъ пятнадцати тысячъ чело-вѣкъ, отправилась съ береговъ Нила въ концѣ 1824 года, и въ ожиданіи благопріятнаго времени, расположилась станомъ по берегамъ залива Судскаго, лучшаго порта на островъ Крипъ, а можешь быть и во всемъ Архипелагѣ. Здѣсь видѣлъ я ея ученье, и познакомился съ главными начальниками, которые были какъ бы душою оной. Чтобы удобнѣе расположить станъ Арабовъ, вооруженныхъ для утвержденія могущества ихъ владѣнія, принуждены были срубить вѣсъ маслины, покрывавшія обширную равнину. Мы сначала сообщимъ читателямъ нашимъ все, что сами видѣли и что слышали объ арміи Паши Египетскаго, потомъ опишемъ главныя лица, которые усиліями своими, подъ небомъ Египта и Греціи, придали хотя нѣкую Европейской дисциплины войску варваровъ.

Мегмедъ-Али, какъ извѣстно, покорилъ Египетъ силою своего оружія и посредствомъ особеннаго рода правленія, имъ самимъ изобрѣтеннаго, утвердился въ обладаніи Государствомъ и безчисленными сокровищами, которыхъ производитъ почва, орошаемая

Ниломъ. Вся его подданные спрудятся единственно для него; они не имѣютъ никакой собственности; каждый Арабъ, хлѣбопашецъ и мануфактурщикъ, обязанъ представлять новѣренными Паша, плоды собранные съ земли, имъ засѣянной, или шкани, его руками выдѣланныя; Паша покупаетъ ихъ по цѣнѣ, имъ самимъ назначенной, и потомъ продаетъ Европейцамъ, копорыхъ корабли во всякое время года наполняютъ гавань Александрийскую. Такимъ образомъ Мегмедъ-Али есть не что иное, какъ неограниченный владѣтель огромнаго помѣстья, приносящаго пятьдесятъ милліоновъ дохода. Вся Египтяне рабы; жизнь Араба, Кофта принадлежитъ, по праву, владѣтелю всѣхъ имуществъ. Эти основныя идеи нужны для того, чтобы объяснить, какимъ образомъ Паша сей скопилъ несмыслимое богатство, и достигъ могущества, копорыя даютъ ему средства пропавшися вліянію Дивана, не покоряются иногда велѣніямъ самого Султана и вестъ нынѣ войну разорительную, копорая, почти въ чешыре года, испощала всѣ способы Высокой Порты.

Мегмедъ видѣлъ и твердо помнилъ успѣхи Французской арміи въ Египтъ. Онъ зналъ, что Турокъ никогда не въ состояніи достигъ до сей степени воинскаго совер-

шенства, а пошому никогда и не помышлялъ о томъ, когда владычествовалъ надъ одними только Оппоманами. Сдѣлавшись, подъ именемъ Паша или Вице-Короля, египетскимъ Государемъ Египта, онъ замыслилъ образовать милицію изъ Арабовъ, надъ коими господствовалъ, и сдѣлать почетнымъ въ глазахъ невольника шихло содапа Мегмедова.

Случай привелъ въ Египетъ одного Французскаго офицера, котораго, по причинѣ переворошъ, происходившихъ тогда въ его отечествѣ, подвергнулся добровольному изгнанію. Въ 1815 году Г. Севъ прибылъ въ Александрію. Паша, которому онъ былъ представленъ, тотчасъ увидѣлъ, что этого человѣка можешь быть ему полезенъ, и призвалъ его.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ сего, Греція, подавляемая игомъ, которое годъ еще году спановилось тяжеле, наконецъ возстала, и встревоженная Порта употребила всевозможные способы, чтобы вновь покорить сію прекрасную провинцію. Паша Александрійскій, обрадованный возмущеніемъ Греціи, которое могло служить порукою въ непоколебимости его Египетскаго прона, сначала помогать Главу Имперіи только шить, что доставлялъ ему, для веденія войны суммы, впро-

чемъ довольно важныя. Но когда Порша испощила всѣ свои силы, тогда содѣйствіе болѣе дѣятельное сдѣлалось необходимымъ. Г. Севъ уже образовалъ башаціонъ Арабовъ, которые довольно хорошо соотвѣществовали намѣреніямъ своего Государя, но число ихъ было недостаточно. Мегмедъ повелѣлъ набрать 15 000 Арабовъ, зная, сколь важно для него имѣть благоустроенное войско, какъ для того, чтобы отправить его въ Морею, такъ и для утвержденія своего могущества, если бы пришлось защищать его и вести войну въ Египтъ. Египетскіе невольники иногда бѣжали спростись подъ новыми знаменами; несчастный Арабъ, сравнивая настоящее положеніе свое съ шѣмъ, которымъ онъ будещъ наслаждаться въ солдатахъ, почиталъ шаковую перемену сосщоднія чрезвычайно для него выгодною.

Обстоятельства благопріятствовали намѣреніямъ Паши. Нѣкоторые Европейскіе Офицеры, заведенные непрочнымъ энтузіазмомъ на земли Эллиновъ, оставили священное дѣло ихъ, и предложили услуги свои Государю, который самъ покровителемъ наукъ и военной славы. Въ числѣ сихъ Офицеровъ былъ нѣкто Мори, родомъ Корейкаецъ, служившій некогда Капитаномъ въ Французской арміи. Съ самаго начала обра-

зованія Арабовъ, ихъ всѣхъ офицеровъ, опредѣлившихся въ службу Мегмеда, онъ наиболѣе гордился Гг. Севомъ и Мори. Оба имѣли познанія по своей части, оба должны были ревностно споспѣшествовать успѣхамъ новаго своего власселина, ибо первый не могъ уже возвратиться въ опечество, впрочемъ думалъ шолько о томъ, чшобы въ нѣсколько лѣтъ скопить независимое состояніе. Севъ принялъ Магомешаншво, и въ награду своего отступничества сдѣланъ былъ Беемъ; онъ былъ названъ Солиманомъ. Но Мори усполялъ прошиву всѣхъ оболъщещій и не отречея отъ своей религіи; а какъ, по законамъ джепророка, презираемый *Христианинъ* не можеть имѣть никакой власти надъ Магомешанами, то Мори остался прослымъ учителемъ войскъ Мегмеда - Алл. Однако жъ онъ оказалъ большія услуги: перевелъ на Турецкій языкъ Военскій Уставъ (*Ecole de peloton*), по кошорому Арабы въ короткое время усовершили свои зволюціи.

Устроивъ свою армію, Паша Египетскій велѣлъ ей расположиться на зиму лагеремъ на берегамъ Суды, на островѣ Критъ, съ швъю, чшобы по наступленіи благоприятнаго для похода времени, перевести ее въ Морею. Хотя порядокъ и дисциплина, кошорые тогда уже были замѣсны въ семъ войс-

скъ, казались удивительными для нѣхъ, кто хорошо зналъ характеръ восточныхъ народовъ, однако же должно сказать, что армія сія довольно смѣшно образована, и совсѣмъ не стоила похвалъ, копорыми приверженцы Мегмеда ее осыпали. Арабовъ было всего пятнадцать тысячъ, копорыя раздѣлялись на три бригады. Сынъ Мегмеда, Ибрагимъ, былъ главнокомандующимъ; Хуршидъ-Бей, Солиманъ и Гуссейнъ были Генералами, сослужившими подъ его начальствомъ. Подполковники, баталіонные командиры, офицеры и унтеръ-офицеры выбирались изъ Арабовъ, копорые прилежаніемъ къ службѣ показывали желаніе повышенія.

Солдаты Мегмеда не получаютъ никакого жалованья: поелику жизнь ихъ не принадлежитъ имъ съ нѣхъ поръ, какъ они сдѣлались рабами, то властелинъ можетъ располагать ею по волю. Посупивъ въ солдаты, Арабъ получаетъ на два года полную пару плащя, и на полгода башмаки; въ эшомъ одянїи почитаетъ онъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, потому, что въ Египтѣ, по причинѣ опшрашительной наготы, неразлучной съ его состояніемъ, онъ завидовалъ нѣмъ, копорые имѣютъ возможность завести плащя. Одежда Арабовъ состояла изъ исподняго плащя на ма-

дерь Греческаго, куртки изъ краснаго сукна, подсаго и дурно выкращеннаго, шапочки того же цвѣта и наконецъ шенели съ воротникомъ, для защиты отъ дождя и холода. Все это платье очень не прочно, почему оно въ мѣсяцъ мараешся и рвется, такъ, что Арабы всегда почти ходятъ въ лохмотьяхъ. Малое попеченіе о здоровьи солдатъ должно было сдѣлаться чрезвычайно пагубнымъ для нихъ въ непосоянномъ климатѣ Мореи: видя, какъ они дрожали при теплой Кришской шемперашурѣ, можно было предсказать то, что дѣйствительно случилось въ Морѣ, во время зимы неровной и весьма часто сырой и холодной.

Арабы каждый день учились ружью; мѣсто, назначенное для сего въ лагерь, походило на площади во Франціи, на коихъ учащ конскрипшовъ; они повторяли команду, ходили на право и на лѣво; однимъ словомъ, показывали величайшее желаніе научиться тактикѣ, о которой не имѣли прежде ни малѣйшаго понятія, и не понимали, какую пользу можетъ принести она въ сраженіи. Барабаны ихъ били Европейскіе марши, и эти несчастные невольники, копорые, взятые по одиначкѣ, возбуждаютъ только жалость и состраданіе, въ массѣ и съ оружіемъ въ рукахъ походили на порядочное вой-

ско: Въ арміи Паши Египетскаго, для наказанія проступковъ употребляется одно только средство — палки; только онъ можетъ запечатлѣть въ памяти Араба чувствованіе долга; одно только это ужасное срацилище можетъ водворить между ними порядокъ, уваженіе и повиновеніе. Исключая Турецкихъ начальниковъ, никто не избавляется отъ сего поноснаго наказанія: Арабскій Подполковникъ, который бы не исполнилъ своей должности, пошчасъ былъ бы выколотень палками; только для него сдѣлали бы измѣненіе въ наказаніи: бить его долженъ самъ Полковникъ. Эта высокая честь уменьшаетъ въ глазахъ наказываемаго и боль и поношеніе. Недалеко отъ Наварина, видѣлъ я, какъ Солиманъ-Бей далъ пятьдесятъ ударовъ палкою несчастному Арабскому начальнику. Солиманъ признался мнѣ, что эта обязанность чрезвычайно для него тягостна, но что сіи варвары дѣлали бы величайшія преступленія, если бы дикія страсти ихъ не были обуздываемы страхомъ боли.

Въ арміи Мегмеда не принимаютъ почти никакого попеченія о здоровьѣ людей; известно, что послѣдователи Магомета сѣло въряшъ въ предопредѣленіе, и что смерть ихъ, гдѣ бы она ни приключилась, была назначена заранѣе, и сдѣловательно неизбежна. Однако

же Ибрагимъ почелъ нужнымъ имѣть при себѣ врача; а случай завелъ въ Александрію цырюльника изъ одной Корсикайской деревни, кошораго пошчасъ сдѣлали главнымъ Хирургомъ. Воишь шѣ, на кошорыхъ возлагалось попеченіе о здоровьѣ войска! Первый назывался Лордони, онъ былъ Римлянинъ и зналъ свое дѣло, кошорому учился въ одномъ изъ первыхъ Ишалаіянскихъ Университетовъ. Необыкновенныя обстоятельства заставили его сначала вступить въ службу къ славному Али-Пашѣ Янинскому, а пошомъ къ суровому Ибрагиму. Главный Хирургъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о первыхъ правилахъ леченія: онъ зналъ шолько чрезвычайныя свойства яланы, кошорой давалъ ужасныя приемы. Бездѣльникъ сей не умѣлъ даже пускать кровь. *Хуршидъ-Бей*, у кошораго болѣла грудь, послалъ за Французскимъ Докторомъ, и врачъ предписалъ кровопусканіе. Докторъ Арабскаго войска признался, что онъ никогда не пробовалъ пускать кровь, и не смѣлъ начашъ со шмоль знашнаго Бей. Въ арміи Ибрагима нѣтъ ни апшеки, ни хирургическихъ инструментовъ; человекъ, кошорому въ Греціи опорвешъ ногу, непременно уже долженъ умереть. Не шолько нѣтъ никакихъ средствъ отнять ее, но если бы они и были, шо Арабъ не позволялъ бы

сдѣлать операціи, пошому чшо, по его мнѣнію, приключеніе, съ нимъ случившееся, означаетъ , чшо земное спранствіе его должно такимъ образомъ окончиться , и чшо онъ скоро перейдетъ въ міръ лучшей. Однако жъ, когда Ибрагимъ почувствовалъ необходимость спасать раненыхъ, и имѣлъ искусныхъ Хирурговъ, то онъ объявилъ чрезъ начальника молишвы , чшо предопредѣленіе не есть догмашъ Алкорана, и чшо человекъ долженъ спарашься сохранять жизнь , которая еще можетъ быть полезна.

Въ арміи Ибрагима есть много Имановъ; должность ихъ состоишь въ томъ , чшобы говорить съ Арабами о блаженствѣ будущей жизни и показывать имъ , чшо они должны дѣлать для того, чшобы сдѣлаться достойными онаго. Не трудно угадать, чшо побѣдишь Грековъ или умереть , сражаясь съ ними, составляетъ дополненіе всей ихъ морали. Иманъ избираютъ изъ образованныхъ Арабовъ , но люди сіи, происходящіе отъ племени невольниковъ , облечены могуществомъ и споятъ на ряду съ Бейями. Я зналъ только перваго Имана или главнаго начальника молишвы ; ему льтъ придаютъ; онъ ростомъ высокъ, цвѣтъ его оливковый, черны лица важны; черные, пронцашельные глаза его имѣють выраженіе опмѣнно значитель-

ное. На вопросы мои о вѣрѣ его, отвѣчалъ онъ: „мы обожаемъ Бога различнымъ образомъ, но можешь бышь, осыпанные Его благодѣянiями, со временемъ узнаемъ, что еиміамъ нашъ принимаемъ былъ одинаково (*).“

Иманы моляшся три раза въ день; они вшыкають въ землю копые, обращенное къ Меккѣ; окруженные Арабами въ благоговѣнномъ положеніи, они поють важный и громкій гимнъ Богу Магомешову. Арабъ, неисполняющій обязанности религіи, строго наказываешся.

(Продолженіе впрѣдъ.)

III.

К Р А С Н О Р Ъ Ч І Е.

П А М Я Т И

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢВНЫ.

• Едва Императоръ Александръ преселлся къ Предкамъ Своимъ, едва престалъ раздаваться вокругъ насъ печальныя звуки, сопровождавшіе Его гробъ, какъ новое състо-

---

(*) Догадка не сбыточная: она не сообразна ни съ правосудіемъ Божиимъ, ниже съ здравымъ смысломъ, человеческимъ, кошорый требуетъ разборчивости.

ваніе посвѣпило Его Августѣйшій Домъ и вѣрныхъ подданныхъ. Императрица Елисавета, кошорую шолько наша любовь и Ея скорбь привязывали къ землѣ, соединилась на небѣ съ другою половиною самой Себя. Сіи двѣ столь сходныя души, не могли бытъ; долго разлучены; остававшаяся еще на землѣ отрѣшилась ошъ узъ ея съ быспропою и спокойшвіемъ, предвѣспниками безконечной радости и ненарушимаго блаженства.

Если намъ вѣшь причины печалиться объ участи Императрицы въ будущей жизни, если внушрѣнній гласъ, никогда не обманывающій, говоритъ намъ, что Она достигла полношты желаній, то сколько причинъ оплакивашъ Ея внезапную ушрашу!... Въ Ней пережило вѣчто принадлежавшее Императору Александру, и ошн драгоцѣнныя останки Его не существуюшъ болѣе; свидѣтельница борьбы Его съ смертію, драгоцѣнный, любезнѣйшій Ему предметъ, на которій обращень былъ послѣдній взоръ Александра; оставалася среди насъ, и Она покинула насъ; рука, кошорую Александръ сжималъ охлаждающею рукою Своею, оледенѣла; уединенный свѣщникъ, горѣвшій при гробѣ Его, погасъ на вѣки.

Ахъ! какъ сухи и слабы ушѣшенія челоушческой мудросши въ печалахъ великихъ

и несчастійхъ чрезвычайныхъ! Какъ неудовлетворительно изъясняешь сія мудрость сѣбленіе окружающихъ насъ явленій, и какъ раздираетъ сердце, которое жалеетъ ушибши, когда похищаетъ у него сіе чудесное чувство, которое сближаетъ его съ безпредѣльнымъ! Нѣтъ ничего краснорѣчивѣе и искреннѣе горести челоуѣка чувствительнаго и благочестиваго. Не будемъ же оптимамъ у нее лучшихъ надеждъ ея; болѣе всего не будемъ бояться преступить мѣру почитанія къ памяти усопшихъ: вмѣстѣ нѣсколькихъ благочестивыхъ и преданныхъ имъ душъ; толпа думаетъ только о живыхъ.

Тридцать лѣтъ жизни Императрицы Елисаветы, проведенныя Ею во шпоромъ Ея опечесствѣ, были тридцать лѣтъ добродѣтелей безъ славолубія, и благошвореній безмолвныхъ. Прекраснѣйшія способности ума, благороднѣйшія качества сердца, неземное выраженіе лица, душу еще болѣе небесную, — вошь чтно Она къ намъ принесла, и чтно Она, послѣ тридцати лѣтъ, вѣрно предала гробницѣ и вѣчности.

Тѣсный кругъ жизни жены сокращается еще болѣе на престолѣ; тогда одно только исполненіе претребаній сердца и естественныхъ обязанностей наполняютъ ея едине-

ніе. Небу не угодно было, чтобы Императрица долго наслаждалась радостями материнской любви, и жена, наиболее способной чувствовать достоинство сей любви и исполнять налагаемый ею долг, суждено было видѣть умирающими на руках Своихъ предметы Ея нѣжности. Они были похищаемы у Нее одинъ за другимъ, и сія нѣжная Мать, подобно Рахили, не хотѣла быть утѣшенною, потому что ихъ уже не было (*).

Имѣвшіе счастье быть близкими къ Императрицѣ Елисаветѣ, могли видѣть чрезвычайную обширность и удивительную точность ума Ея. Одарена будучи понкимъ вкусомъ и превосходною способностію судить о вещахъ, обладая множествомъ разнообразныхъ и основательныхъ познаній, Она съ такими же тщательностію и искусствомъ старалась скрывать Свое превосходство, съ какими другіе стараются показать оное. Умъ Ея одаренъ былъ какою-то глубокою, сленностію, которая представляла Ей вещи съ важной ихъ стороны, а гибкое и блестящее воображеніе придавало точности ума Ея прелесть легкаго и естественнаго оча-

---

(*). Рахиль плачущая чадъ своихъ, и не хотѣше утѣшиться, яко не сущъ. Св. Евангелія ошъ Матвеея Глав. II. стихъ 18.

рованія, котораго дѣйствіе невозможно опи-
сать. Знакома будучи съ Литературами
всей Европы, и расположена понимать раз-
личныя свойства оныхъ, Императрица во
всѣхъ источникахъ познаній почерпала бо-
гашество мыслей и зрѣлость сужденія, ко-
торая дѣлала разговоръ Ея особенно замѣ-
чательнымъ. Съ самаго начала слушатели
удивлялись въ Императрицѣ превосходству
здраваго смысла, твердому и просвѣщенному
разуму и совершенному простосердечію; по-
томъ открывали то, что скромность Ея
спаралась всячески скрыть: превосходный и
тщательно образованный умъ, рѣдкую способ-
ность изъясняться на словахъ и на письмѣ пре-
красно и почто, естественное расположеніе
смотрясь на мірскія вещи съ высшей точки
зрѣнія, ясность сужденія, которая давала
Ей возможность достойно оцѣнивать оныя,
и увлекающій и сообщающійся жаръ душев-
наго чувства, который возвышалъ въ соб-
ственныхъ глазахъ нѣхъ, когъ Она удостои-
вала Своего уваженія. Безпредѣльная власть
надъ самой собою; невольный блескъ вели-
кихъ Ея добродѣтелей, уединенное Ея поло-
женіе въ высокомъ санѣ, въ который возвелъ
Ее судьба, распространили во всей особѣ
Ея нѣчто величественное, вынуждавшее по-
чтеніе и удивленіе, но не позволявшее знать

Ее совершенно въ шего шѣснаго круга, который начертали Ей жребій Ея, и душевное расположеніе. Умолчать шеперь о безчисленныхъ благодѣяніяхъ, ознаменовавшихъ весь минушый Ея жизни, значило бы нѣкоторымъ образомъ помрачить Ея память; попечительность Ея о несчастныхъ была просвѣщенна, какъ Ея разумъ, и возвышенна, какъ душа Ея. Будучи нечувствительна къ наслажденіямъ гордости, презирая житейскую пышность, Императрица отказывала Себѣ во всемъ, чтобы удовлетворить споль живому побужденію къ благошворительности, составляющей удѣлъ всей Августѣйшей Фамиліи, которой Она была утѣшеніе и честь въ продолженіе тридцати лѣтъ. Дѣшельная Христіанская любовь, которою исполнена была душа Ея, происпекала изъ благочестія высокаго, просвѣщеннаго, твердаго, истиннаго. Сія чистая душа безъ усилія возносила къ горнему міру, въ которомъ созерцала высшій порядокъ вещей и въ которомъ почерпала свою силу и спокойствіе. Будучи строга къ самой Себѣ, и снисходительна къ другимъ, Императрица дѣлами исполняла то, что другіе только признають за правила. Возвышенность занимаемаго Ею сана можно было узнать только по чрезвычайной возвышенности Ея чувствованій; изъ

всѣхъ величій Престола сохранила Она только совершенное отчужденіе отъ обыкновенныхъ заботъ житейскихъ, и болѣе искренною и явную привязанность ко всему, что имѣло отношеніе къ предметамъ Ея любви и уваженія.

Императрица Елисавета до конца жизни Своей, сохранила сію величественную и вѣдствъ любезную наружность, которая пѣвляла всѣ сердца, прекрасный голосъ, прелестный станъ, величайшую пріятность во всѣхъ движеніяхъ, непринужденность, исполненную простоты и истинно Царскую. По прибытіи Ея въ Россію, ничто не могло сравниться съ Ея очаровательною красотою. Присутствовавшіе на праздникахъ, бывшихъ по случаю бракосочетанія Ея, съ восторгомъ воспоминають картину юной чумы; говорятъ, что при появленіи оной, невольный шопотъ удивленія слышенъ былъ со всѣхъ сторонъ; имя Психеи было во всѣхъ устахъ; не могли довольно насмотрѣвшись на сихъ Супруговъ, споль молодыхъ, споль прекрасныхъ, споль счастливыхъ, знавшихъ жизнь еще только по первымъ ея впечатлѣніямъ, и непредчувствовавшихъ жестокихъ горестей, когорыя она Имъ готовила. Когда исчезъ сей весенній блескъ, сей цвѣтъ юности, Императрица сохранила выраженіе

лица Своего и всѣ пріятности, и черты Ея были запечатлѣны выраженіемъ, кошорого очарованіе, казалось, принадлежало только Ей одной. Время, совлекши съ сего благороднаго чела розовый вѣнокъ, возложило на оное вѣнецъ не столь плавный, и сіяніе сего вѣнца не померкло. . . .

Любовь къ Искусствамъ служила опдохновеніемъ Императрицѣ Елисаветѣ. Любовь сія сопровождается была особеннымъ вкусомъ и разнообразнѣйшими познаніями. Всѣ Искусства имѣли право на покровительство Императрицы: молодые живописцы Роесіяне, посланы были на Ея щепъ въ Италію, другіе учились подъ Ея покровительствомъ. Поэзія имѣла также привлекаемость для ума Ея. Будучи свободна ошъ всѣхъ лишературныхъ предразсудковъ Она съ равнымъ удовольствіемъ занималась ею, переходя ошъ одной Лисературы къ другой. Расинъ желалъ бы имѣть Ее судьей, и Гёте не написалъ ничего классическаго, что бы не привлекло Ея вниманія. Карамзинъ читалъ Ей свою Исторію въ рукописи, и нѣтъ сомнѣнія, что Скопшъ, Бейронъ и Муръ были бы достойнымъ образомъ удивлены тонкою разборчивостію, съ кошорою Императрица читала ихъ произведенія на собственномъ языкѣ ихъ; но вниманіе Ея не

*

ограничивалось. одними Искусствами, которыми рожденіем своим обязаны воображенію; самыя важныя сочиненія были предметомъ Ея размышленій, и конечно нѣтъ замѣчательнаго произведенія, появившагося въ нынѣшнемъ столѣтіи на какомъ бы то ни было Европейскомъ языкѣ, котораго бы Императрица одна въ Своемъ кабинетѣ не оцѣнила съ рѣдкою проницательностію достоинствъ или недостатковъ. Такъ протекла жизнь Ея, посвященная добродѣтельнымъ дѣяніямъ и благороднымъ размышленіямъ, которыми Она равно старалась скрывать ошь всѣхъ; поелику истинно то, что возвышенный умъ и высокая добродѣтель имѣють по общаго, что они находятъ удовольствіе въ самихъ себѣ, и что похвалы людей внушаютъ имъ нѣкоторый страхъ, отъ котораго они освобождаются только въ тишинѣ уединенія и среди спокойствія размышленія.

Красоты природы не могли не имѣть большаго владычества надъ чувствительною и возвышенною душою Императрицы. Она предавалась впечатлѣніямъ ихъ съ естественною простотою, отличавшею всѣ Ея чувствованія; видъ прелестнаго мѣстоположенія оживлялъ Ея воображеніе, и внушалъ Ей тихую и сообщающуюся веселость, оп-

ражавшуюся съ необыкновеннымъ очарованіемъ на лицѣ Ея. Видя Ее посреди природы, почти можно было подумать, что мирная и неизвѣстная доля исполнила бы всю Ея желанія; въ багряницѣ Она казалась рожденною для того, чтобы быть Царицею. При отличныхъ качествахъ души, какими Она равно могла возвысить всякое состояніе, не было престола, который бы не преклонился предъ Нею, не было хижины, которой бы не возвеличило Ея присутствіе. . . .

Два года уже здоровье Императрицы чувствительно ослабвало. Для излеченія отъ глубоко вкоренившейся болѣзни, нашли нужнымъ перевезти Ее въ климатъ менѣе суровый: Таганрогъ избранъ былъ мѣстомъ пребыванія Ея. Знали, что Императрица желала только одного, не быти ни на минушу разлученною съ Августѣйшимъ Супругомъ. Нѣжность Императора удовлетворила сіе желаніе. Они оба отправились вмѣстѣ: Александръ въ цвѣтѣ здравія, сильный духомъ и шломя, Елисавета, спржадущая, изнуренная слабостію, и, шакъ сказать, сокрушаемая неизлечимою болѣзнію. Сіе краткое время, проведенное среди безпредѣльной довѣренности и нѣжности, которыхъ еще нѣкоторымъ образомъ увеличивали опасность, пресѣчено самымъ неожиданнымъ несчастьемъ

Императора поразила смерть внезапнымъ ударомъ, и Императрица закрыла Ему глаза. Превышающее человѣческія силы мужество, которое Она оказала въ сіи плачевныя и поржесшвенныя минушы, подало надежду на возвращеніе силъ Ея, и шакъ сказашъ, на обновленіе здоровья; но это было послѣднее усиліе потухающаго пламени; ударъ, поразившій Императора, былъ смертельнымъ ударомъ для Императрицы. Казалось, Она покорилаь необходимости жить, потому что Она одна знала, что смерть Ея близка. Тогда Она совершенно предалась Богу; всѣ минушы Ея посвящены были уединенію и глубокимъ размышленіямъ; дерзкое было бы усиліе спараться поднячь завѣсу, скрывавшую Ее въ сіи минушы отъ свѣта, которому Она болѣе не принадлежала. Одна только мысль Ея оставалась на землѣ, и сія мысль тревожила духъ Ея: желаніе увидѣшь Императрицу Марію Ѳеодоровну, Которая съ неизреченною нѣжностію пеклась о Ней и, кажда, судьбою назначена для того, чтобы представилъ свѣту примѣръ мужества равнаго Ея добродѣтелямъ. Какъ прогашедно было бы свиданіе сихъ знаменитыхъ жертвъ одного и того же несчастія! Сколько слезъ было бы пролито, и въ какихъ изліаніяхъ явились бы нѣжность и довѣренность съ

обвѣхъ споронъ! какія моленія были бы единодушно возсылаемы къ Небу! . . . Но оно опредѣлило иначе. Свиданіе назначено было въ Калугѣ; прибывъ 3 Мая въ Бѣлевъ, въ Тульской губерніи, Императрица Елисавета не въ состояніи была продолжать пушъ Свой. Немедленно уведомили о семъ Императрицу Марію Ѳеодоровну, Которая немедленно оправила въ дорогу. Когда Она прѣехала въ Бѣлевъ, Августѣйшая Ея Невѣстка уже скончалась . . . .

Не будемъ описывать послѣднихъ минушъ Императрицы Елисаветы; единъ Всебѣдущій знаетъ ихъ. Вечеромъ 3 числа, ничто не предвѣщало чрезвычайной опасности. Къ ночи Императрица почувствовала наклонность ко сну; чрезъ нѣсколько часовъ, находя Ее менѣе спокойною, нежели прежде, предложили Ей позвать докторовъ. Она не позволила сего сдѣлать: немного спусти, казалось, слышали легкій стонъ, и сей стонъ былъ, можешь бышь, гласъ радости. Утромъ, когда вошли въ Ея комнату, нашли Императрицу уже скончавшеюся. Не знаяшъ точно минушъ, въ которую прекратились и жизнь Ея и спрданія. Она все относила къ Богу, и Богъ воззвалъ Ее къ Себѣ, какъ бы тайно опъ людей. Можно было бы сказать, что они недостоинны были присутствію-

вашъ при такомъ великомъ зрѣлищѣ. Последняя борьба духа чистаго, въ половину уже опрѣшившагося отъ земли, сіе шамисивенное поржесиво, котораго единъ Богъ былъ и учредилелемъ и свидѣтелемъ, и которое Ему угодно было покрыть мракомъ ночи, не оставило по себѣ никакихъ слѣдовъ, и люди не были о немъ предувѣдомлены.

Императрицу нашли уже обьяшующаю хладомъ емерти, но лице Ея блиспало спокойствіемъ и веселіемъ, которыя поразили всѣхъ присутствовавшихъ. Къ Ней возвращился даже блескъ красоты, которая давно уже исчезла отъ спраданий. Когда приступили къ анатомированію пѣла, нашли сердце сокрушеннымъ (*brisé*) въ буквальномъ смыслѣ сего слова.

Такимъ образомъ ударъ, похитившій у Россіи Монарха, чести Своего народа и Престола, похитилъ у Россіи, у свѣта, у человечества, одну изъ совершеннѣйшихъ женъ, которая когда либо являлась въ мірѣ. Безъ сомнѣнія, мѣсто, которое Она занимала среди насъ, всегда будетъ ошличнѣйшее, и узы, связывавшіе Ея съ нами, не совсѣмъ прерваны. Мы чувствуемъ, яко теперъ еще одинъ новый Ангелъ бодрствуетъ надъ судьбою Россіи; не будемъ сомнѣваться, что живая

попечительность Еднсаветы объемлеть своею любовію и родину Ея, и второе опечесство, и Пресполь, который Она украшала, и Авгуспѣйшую Фамилію, которую Она оставила въ безконечной горести. Даже шѣ, кои хъ Она удоспоивала благосклонностію Своею въ сей жизни, могутъ покоиться съ большію безопасностію подъ сѣнію криль Ея: они приобрѣли сильную Заслупницу, которая покровительствуетъ ихъ съ вышины новаго своего жилища.

IV.

Ф И Л О С О Ф І Я.

О П Р Е О Д О Л Ь Н И Н Е С Ч А С Т І Й.

Между дѣйствіями предметовъ на душу нашу и души нашей на предметы, находится то различіе, что послѣдняя можетъ опредѣлять мѣру и границы дѣйствію первыхъ. Сіе право, сія важная власть, дарованная Творцемъ разумной швари, есть корень всей той силы, кою осуществляютъ умшвенныя наши понятія. На ней утверждается не только отрицательная независимость

наша опъ вѣщнаго, но и возможность по-го законоположенія нашей воли, по коему она всѣ прочія силы, неимѣющія съ нею равныхъ правъ, употребляетъ, какъ средства для своихъ цѣлей.

То, что дѣйствуешь на насъ вопреки пониманію нашему о благополучіи, мы называемъ несчастіемъ. Не будемъ углубляться въ происхожденіе человѣческихъ несчастій вообще: при тщательнѣйшемъ ихъ разложеніи, можешь быть, оказалось бы много такого, что заставило бы насъ успыдниться самихъ себя и лишило бы насъ удовольствія проливать безнаказанно иногда слезы сладкія слезы малодушія. Мы посмотримъ только, нельзя ли изъ предложеннаго выше основанія занять нѣсколько такихъ правилъ, или мыслей, которыхъ бы можно было съ успѣхомъ противопоставить мучительному чувствованію нашихъ скорбей.

Несчастія бываютъ двухъ родовъ: внѣшнія и внутреннія. Однѣ происходятъ изъ отношеній нашихъ къ міру; источникъ другихъ собственныя наши пожеланія и страсти. Чѣмъ же оштрапишь ихъ ужасною, усмиренною на насъ злобу — или чѣмъ облегчишь ударъ, ими уже нанесенный? Пославъ прошиву несчастій міра силу духа, прошиву прищизаній сердца силу долга и

добродѣтели. Пусть онъ будущъ спрѣжани
 швоего спокойствія; поручи имъ швою судь-
 бу, дай имъ санъ и власть — и будь увѣ-
 рень, что онъ исполнитъ свое дѣло шакъ,
 что ты не будешь жалѣшь о пошерѣ удо-
 вольствій, происходящихъ ошъ шой усилен-
 ной и упокченной чувствительности, съ
 какою смопримъ мы на приключенія жизни.
 Ослабивъ узы міра и узы спрѣсшей, ты бу-
 дешь меньше зависѣшь ошъ шѣхъ случайныхъ
 впечатлѣній предметовъ и волненій сердца,
 которыя всегда возбуждаются непримѣнно;
 но поспешенно приходѣшь въ силу, спущы-
 ваютъ основныя понятія нашей души и на-
 конецъ съ яростію, подобно бурному все-
 увлекающему потоку, происшедшему ошъ
 слиянія многихъ небольшихъ ручьевъ, мчатъ
 насъ изъ одной пучины въ другую, ошъ зло-
 каученія къ злокаученію.

Жизнь чловѣческая — борьба; цѣль ея
 — заслуга и награда. Кто выдержалъ болѣе
 браней, кто съ большимъ цосподѣнствомъ
 оспразилъ враговъ и съ большимъ мужеспвомъ
 перенесъ удары ихъ и нашискъ — шощъ ге-
 рой и шому вѣнецъ! Получѣшь язвы ешъ
 необходимощъ; сносить ихъ ешъ долж-
 нощъ. Мы живемъ не для шого, шшобы,
 подобно изнѣженнымъ шунелцамъ, пресмыкашъ-
 ся въ прахъ бездѣйствія и ничшожества; не

для покоя кипитъ въ душѣ нашей чувства высокія, паритъ въ превыспрення разумъ, и жаждетъ чего-то неизъяснимо-сладостнаго сердце: мы живемъ, чтобъ подвизаться на славномъ поприщѣ, мы живемъ для доблестей! Поприще сіе — міръ и мы сами; доблести — сила разума и сила духа въ превращеніяхъ рока и страстей! —

Что причиною въ насъ сей неизъяснимой тоски сердца, этихъ мятежныхъ бореній внутреннихъ силъ нашихъ, сего неудовлетворимаго стремленія къ поглощенію, такъ сказать, всего внѣшняго, сихъ дикихъ порывовъ ничѣмъ недовольной души, которыя служатъ наибольшею, главною виною нашихъ скорбей? Одинъ и тотъ же законъ вселенныя, изъ коего испекаютъ и жизнь и различныя видоизмѣненія оной, и противоположія частей и гармонія цѣлаго — законъ дѣятельности. Въ человѣкѣ получаешь онъ только другую форму, является на высшей степени — на степени самосознанія. Въ душахъ слабыхъ сіе самосознаніе простирается по нити чувственныхъ предметовъ, упоаетъ во внѣшнемъ; въ душахъ высокихъ оно является въ преобладаніи нравственной свободы, и сіе преобладаніе наиболее обнаруживается въ томъ, что препятствуетъ ей дѣятельности. Такимъ образомъ здѣсь

нѣтъ середины: или должно быть утѣснено силами внѣшними; или, раздвигая ихъ, такъ сказать, предъ собою силою своей воли, очищаешь себя путь и восходишь къ той спешени нравственнаго усовершенія, гдѣ находишься болѣе сродства между силами, болѣе гармоніи и единства — однимъ словомъ, гдѣ дѣятельность перяешь форму зла и облакается въ форму блага, гдѣ самосознаніе испекается не изъ чувствованія силы, или слабости, но изъ однихъ нравственныхъ соотношеній. — Человѣкъ черезъ внѣшній міръ и черезъ сторону общенной своей природы, соприкосновенную оному, снисходишь во внутренность самого себя для созданія въ себя той самоспопашельности и того совершенства, къ которымъ онъ предназначенъ.

Посему несчастія неизбѣжны на земли; они задогъ блага и необходимое условіе правственной нашей дѣятельности. Сія послѣдняя никогда не могла бы быть существенною безъ первыхъ: то, что ее затрудняетъ и оспанавливаетъ, побуждаетъ къ преодолѣнію, развертываетъ ея силы и производитъ скорѣе успѣха. Нѣтъ добродѣтели и обязанности тамъ, гдѣ нѣтъ испытанія; нѣтъ движенія и жизни силъ тамъ, гдѣ нѣтъ имъ прошивоборства, гдѣ не нужно усилій; нѣтъ блага, гдѣ нѣтъ пожертвованій. Внѣш-

нія несчастія не суть угнетеніе судьбы; они суть необходимые проводники добра, мѣра, кою опредѣляется полноша онаго и достоинство. Они упругія, но полезныя пружины во всеобщемъ составѣ міра.

Тщешно будемъ мы стараться обогащать себя средствами къ своему благополучію: если не приобретаемъ средствъ прошиву того, что не есть благополучіе, мы сдѣлали только половину своего дѣла. Сообразность съ устройствомъ цѣлаго есть одна изъ обязанностей и вмѣстѣ одно изъ блистательнѣйшихъ совершенствъ существа разумнаго. Въ чемъ же сія сообразность? Въ томъ, чтобы не только не дѣлать того, что угрожаетъ разумной свободѣ нашей воли въ ея хотѣніяхъ и нехотѣніяхъ; но и въ томъ, чтобы не хотѣвъ ничего того, что ниспровергаетъ зависимость оной отъ общаго порядка. Благо наше всегда есть нѣчто относительное; оно познается только потому, что не есть благо, и достиженіе перваго есть не что иное, какъ успешное преодоленіе послѣдняго. Кто не умѣетъ терпѣть, тотъ не умѣетъ жить. Онъ враждуетъ прошиву рока, когда должно благо разумно уклоняться отъ его ударовъ; онъ усугубляетъ свои несчастія въ самомъ себѣ, когда долженъ ихъ уменьшити самимъ собою;

онъ спонешъ , когда долженъ дѣйствовать ;
падаешъ подъ игомъ , которе долженъ
поднять , для того , чтобы сбросить .

Если на грудь падушъ ершвы , ихъ не-
льзя не чувствовать ; онъ расперзають ее и
гласъ мужества замреть среди болѣзненныхъ
воплей сердца . Но заблаговременно облекись
въ броню , возьми щипъ — и ты будешь
чувствовать удары безъ болѣзни , получишь
язвы не столь опасныя ; ты вдвое меньше
заплашишь дани человѣческому жребію . Бро-
ня сія и щипъ сей — мужество и перпвнне .

Такъ! несчастія суть дѣши необходимо-
спи ; но сила ихъ зрѣеть въ собственномъ
нашемъ сердцѣ . Мы какъ будто лелѣемъ ихъ
неумѣреннымъ своимъ същованіемъ ; къ дѣй-
ствію судьбы мы присоединяемъ дѣйствіе
нашего слишкомъ упонченнаго воображенія
и чувства , и готовы скорѣ лишиться пред-
лагаемаго намъ ушѣшенія , нежели горькаго
удовольствія казаться какъ можно болѣе
достойными жалости въ собственныхъ сво-
ихъ глазахъ . Таково чувство рабовъ , кото-
рые ничего другаго не могутъ дѣлать , какъ
иголько спенать подъ ударами свисшащаго
надъ ними бича . Мы охочнѣе представляемъ
себѣ великость нашихъ бѣдствій , нежели
средства къ ихъ отвлращенію ; болѣе склони-
мы показывать свою чувствительность и

привлекать состраданіе другихъ, нежели обращаешься къ пособіямъ собственнаго нашего духа и разума. Мы величавы и надменны въ счастіи: ибо оно удовлетворяетъ суебности нашей, удовлетворяетъ спроси возбуждать къ себѣ вниманіе другихъ — и дѣлаемся вдругъ малодушными въ тѣхъ самыхъ обществѣхъ, которыя должны спсвуютъ осуществишь, шакъ сказать, наше право на истинное достоинство предъ глазами разсудка и мудрыхъ.

Все зависитъ отъ раеположенія души нашей, и отъ того, съ какой точки зрѣнія смопримъ мы на вещи. Мы вступаемъ въ свѣтъ съ горячею жаждою къ благу, ищемъ предметовъ насъ веселящихъ, ловимъ одно то, что можешь развишь въ насъ и упончишь чувство наслажденія, и пренебрегаемъ то, что можешь образовашъ въ насъ силу, необходимую въ превращеніяхъ жизни. Мы забываемъ, что прелестъ счастія цвѣтеть только шамъ, гдѣ разрушается несчастье, почно шакъ, какъ сѣмя безсмертія нашего развивається посреди праха и пльнїя — шамъ, гдѣ сила вѣчнаго закона торжествуетъ надъ превращеніемъ явленія; что одна власть надъ шѣмъ, что можешь препяшспивовашъ благу, есть истинное благо — и что всѣ наслажденія наши, опши-

вживающся, шакъ сказать, единою формою нашей воли, нашего я. — Мы совершенно забываемъ о устройствѣ міра, и смодримъ на него съ одной только спороны — со спороны добра; о злѣ же совсѣмъ не думаемъ, какъ будто оно не существуетъ. Такъ неосторожный пушникъ въ упломъ челнѣ носившя вокругъ прелестныхъ острововъ бурнаго моря, любуется очаровательною ихъ природою, не думая скорѣе пристать къ своему берегу; восхищенный ею, онъ забываетъ, что море сіе имѣетъ подводные камни, что воздухъ, его окружающій, восколебавшись въ одно мгновение, можетъ дхнуть на него гибелью неизбежною. Вдругъ небо помрачается, въпры съ яростію крушатъ слабую ладью посреди разверстыхъ ими безднъ — и несчастный, щипчно сисясь прибѣться къ пристанищу, дѣлается жертвою той самой природы, коей красотаю онъ нескромно удивлялся, забывъ ея ужасы. — Всему назначенъ свой періодъ. Удовольствія исчезаютъ, какъ внезапно возгорѣвшіеся огни въ душномъ воздухѣ; горести со всею шажкою своею существованностію являющя въ свою очередь — являющя въ то время, когда мы совсѣмъ не приготовились къ принятію ихъ. Подобно безпечному воину, мы не брали въ руки оружія, и ударъ непріятелей поражаетъ насъ

на лонѣ покоя, въ упоеніи роскошныхъ нашихъ сновидній. Отъ первой раны мы слабѣемъ: ибо не научились ни изобрѣтать средствъ себѣ въ помощь, ни пользоваться тѣми, кои судьба всегда почти и въ самой крайности намъ оставляетъ. Робость, сладствіе неожиданнаго удара, стѣсняетъ духъ нашъ; мы шупѣемъ, зашумываемся въ выборѣ средствъ, не знаемъ, бѣжать ли намъ, или сражаться. Сражаться? но какъ? Мы не привыкли къ сраженіямъ, мы не умѣемъ взяться за оружіе — и если бы наконецъ рѣшились сдѣлать оппоръ врагамъ, то заранее увѣрены, что будемъ побѣждены: ибо, никогда не видавъ ихъ, никогда о нихъ не думая, мы склонны всегда приписывать имъ болѣе силы, нежели сколько они имѣютъ. Что жъ дѣлать? Ощадиться въ позорный плѣнъ; измываться, пресмыкаться духомъ въ помленияхъ горести, и дѣлать въ безсильной досадѣ укоризны року, не могши противопоставить силѣ силу, не умѣя и презрѣвъ его ига, ни обросить его, ни снести.

Мы уже видѣли, что въ душѣ нашей заключены силы, изъ соединенія коихъ можно образовать такой характеръ, какой наиболѣе долженъ намъ приличесствовывать. Нравственная наша природа устроена въ совершеннѣйшемъ отношеніи съ тою сферою, въ

коей она поставлена — и направленье нашихъ чувствованій, нашей внутренней жизни всегда двигается съ той почки, которая служить кореннымъ основаніемъ нашего характера, въ коей сосредоточиваются дарованія намъ природою силы. Но намъ должно развить, обработать послѣднія, сдѣлать ихъ способными къ примѣненію въ различныхъ случаяхъ жизни и, что всего важнѣе, соединишь ихъ узами гармоніи, узами единой, общей цѣли, къ коей онѣ должны стремиться, Всякая односторонность, приковывающая насъ исключительно къ одному предмету, занимающая одну какую нибудь силу души въ подрывъ прочимъ, или, лучше сказать, пошопляющая всѣ силы въ одномъ чувствѣ — всякая односторонность пагубна. Она-то, превращая наконецъ стремленіе наше въ страсть, ставитъ насъ въ противоположности съ нашими должностями, спираетъ съ сердца нашего священныя черты великаго всеобъемлющаго закона нравственнаго, покрываетъ въ дали иракомъ и шуманомъ высокую нашу цѣль, разрозняетъ насъ съ лучшими нашими чувствами, и съ лучшими движеніями нашей природы, и, заключивъ жребій нашъ въ одномъ ложномъ, скоропредѣляющемъ чувствованіи, отторгши насъ отъ чистыхъ понятій, покоряющихъ преврати-

жостъ онаго пошребности общей и неизмѣнной, изсушаешь въ самомъ испочникѣ чисшйшія струи жизни и счастія. Ничто не должно превышать своей мѣры. Способность наслажденія не должна покидать у челоуѣка мужества и терпѣливости, шакъ какъ воображеніе не должно покорять себя разсудокъ. — Взгляните на устройство вселенной: все въ непрерывномъ, движеніи, все стремится къ чему-то, все преисполнено живымъ, сильнымъ чувствомъ бытія, и въ шакомъ ощущеніи онаго парить въ безпредѣльность; но ни что не переходитъ далѣе предназначеннаго ему. Есть мощная власть, удерживающая порывы пламенныхъ силъ вселенной; есть предѣлъ, гдѣ соединяются разсѣвающіяся разнообразныя изліянія оныхъ въ общую почку, гдѣ хранился недѣлимость и красота единого. То власть Творца вселенной и вѣчные законы Его; шо непостижимость, всегда недоступная и всегда обнаруживающаяся, таинственная предъ очами ума — близкая, внятная, неизъяснимо-сладостная сердцу! . . . Воля наша, своею самостоятельностью, ограниченіемъ самой себя общими законами, должна сливаться съ симъ единствомъ, и разногласіе своихъ хотѣній покорять жребію цѣлаго. Надобно шмотрѣть всегда выше сферы являющагося или кажущагося; выше сферы, гдѣ

вещи зависяшь отъ вещей, и гдѣ законы все-
учреждающіе, всѣмъ правящіе, спаятся подъ
вліяніемъ одной какой нибудь преобладающей
силы; гдѣ форма измѣняетъ форму, дѣйствіе
противоборствуетъ дѣйствію; надобно воз-
носиться къ симъ самымъ законамъ, обни-
мать ихъ во всецѣлости, утверждать ихъ
владычество вездѣ, гдѣ нужды нравственныя
пробуждуть удовольствованія, обнажать ихъ отъ
сей грубой оболочки, коею покрываютъ ихъ
превращенности времени и случаевъ — словомъ,
распространять въ себя и вокругъ себя одно
то, что хранишь права, красоту, цѣлостность
единого и всего. Тогда ослабнуть отноше-
нія нашего Я къ предметамъ его пожеланій;
тогда духъ нашъ, испортившись изъ среды
воюющихъ противу нужды, раждаемыхъ углу-
бленіемъ сердца въ сферу чувственнаго, уже
же въ превращенностяхъ вещей, но въ сознаніи
своей самостоятельности, воздвигнутой на
основаніяхъ вѣчныхъ, всеобщихъ понятій,
найдетъ средоточіе своего жребія. Тамъ опи-
хростается ему та обыкновенная, но важная
для него истина, что нертдко нужно от-
вратить себя отъ любимаго своего мірнія,
чтобы избѣгнуть величайшихъ злосключеній,
и что существенное, положительное зло
есть не иное что, какъ нерасположеніе къ
цѣлостному благу.

Такъ! гармонія душевныхъ силъ въ единствѣ высокой цѣли, въ цѣли человѣческаго предназначенія — вошь условіе, на кошоромъ чловѣкъ пріобрѣтаетъ прочную самоспоптельность и независимость ошь предметовъ и спраспей. Онъ тогда шворитъ въ себя силу, коей ничто прошивишься не можешъ, кошорая наслажденіямъ умѣетъ положить границы, и у горестпей опняетъ все, что можешъ унизишь и подавишь благія чувства сердца, высокіе порывы души мыслящей, свободной. Сіе образование характера конечно не естъ дѣло легкое; оно не можешъ существовать безъ швердой воли, безъ вспомошествованія мудрости, безъ свѣта Вѣры, исправляющей то, что поршитъ своеправная чловѣческая воля, дополняющей то, чего мудрость земная дашъ не можешъ, но что имѣшь намъ необходимо должно. Посему путь жизни нашей естъ путь борьбы, путь шруда, и при побѣдѣ надъ нравшвеннымъ зломъ путь славы. Не о шомъ должно уже заботишься, чтобы провешти жизнь безбѣдно, но чтобы провешти ее съ чешію. Важныя права нашей природы налагають на насъ священнѣйшій долгъ посшупать шакъ, чтобы въ дѣяніяхъ нашихъ всегда было нѣкошорое достоинство и сполько же важно для шребія нашего избирашь то, что для насъ

приличцо, какъ и шо, чшо для насъ лучше. Горе шому, кшо уничиженіемъ нравствен-ныхъ своихъ способностей, виновнымъ нерадѣніемъ о правахъ своихъ думаетъ превозмочь потерю, неразлучныя съ пвердымъ ихъ храненіемъ; кшо колеблется въ выборѣ между благороднымъ злополучіемъ и безславнымъ счастіемъ; кшо въ чувствованіи своего достоинства не находишь вознагражденія за неизбѣжныя скорби жизни! . . . Не въ томъ, говорю, дѣло, чшобы жить счастливо, но чшобы жить похвально; чшобы, повидугдсь высочайшимъ законамъ, подобно древнимъ Лакедемонянамъ, сподоби мужественно прощяву враговъ, снзвѣдѣхся испоргуишь у насъ священнѣйшее наше достояніе — внутренній миръ и независимосшь души, чшобы въ душѣ сей, предназначенной для безсмертія, создашь нѣчто достойное безсмертія! — Были люди, которые шакъ жили, которые доблестями своими посрамляютъ низкія наши спрашенія и заграждаютъ усна малодушцію, проповѣдующему ничтожество и безславіе жизни! Были люди, конхъ взоры спремкнулись обняшь прешранство больше шого, которое они занимали сами — и никаки предметовъ для своихъ чувствованій, для любви своей и соелраданія даде въ шомъ, чшо не они; одною рукою закрывал ра-

ны груди своей, другую съ крошкою улыбкаю добродѣтели проспирали къ человѣчеству, чтобы руководить его среди заблуждений, или спасашь отъ гибели; кошотрые въ избытокъ, въ упоеніи высокихъ помысловъ, слабо слышали гремящіе надъ ними удары бѣдспвій! Событія время и истинное познаніе человѣка давно уже рѣшили вопросъ: что долженъ и что можетъ онъ сдѣлать? Рѣшили его, къ стыду презрѣнныхъ себллюбцевъ, низкихъ рабовъ спрасшей, левидящихъ ничего боже, кромѣ праха; въ комъ они пресмыкающся, неиспытывающихъ ничего, кромѣ дикихъ порывовъ чувствъ, котимъ саужашь они гнусною добычею! . . . Пусть инвнїя, предразсудки, спрасти міра берутъ свою дань; ночь, облака и туманы сокрывающъ на нѣскольکو мгновенїи лучи прекраснаго дневнаго свѣшила, но не погашающъ всепронцающаго огня его. Такъ черныя, вредоносныя испаренїя человѣческихъ дороковъ не испребашь въ чловѣкѣ неплѣннаго сѣмени, изъ коего развершывается все великое, все священное на земли! Союзъ нравешвенныхъ людей всегда превозможеть толпу ирубую, физическую, толпу рабовъ низкихъ спрасшей, и алшари добродѣтели и истинны, ушвержденные на камнѣ

Вѣры, всегда будущъ имѣть благоговѣйныхъ поклонниковъ и чистыхъ жершвы!

Вопиъ понятія, руководствующія насъ къ уменьшенію несчастій, или, что все равно, къ преодоленію ихъ. Устройте себя хорошо — и вы увидите, что предметы будутъ дѣйствовать на васъ совсѣмъ иначе. Многіе изъ нихъ лишаются всей своей силы, которую они заимствовали только отъ нашей испорченности; многіе же примутъ совершенно другое направленіе. Вы увидите, сколь много можете человѣкъ, если онъ будетъ понимать и хранить достоинство своей природы и своихъ обязанностей, если ослабитъ узы вѣшнихъ впечатлѣній и будетъ жить болѣе въ самомъ себѣ, нежели въ нихъ. Душа, исполненная обширныхъ и высокихъ помысловъ, по мѣрѣ ихъ развитія, непрерывно увеличивается и средства наслажденія своего, и средства своей обороны. Сии помыслы, приводимые ею въ гармонію, очищаемые, совершенствуются, образуютъ новый, величественный міръ, гдѣ все напоминаетъ ей силу и дѣятельность самой себя, гдѣ все есть твореніе духа возвышеннаго, рожденное любовью къ прекрасному и высокому. Для такой души не существуетъ большая часть несчастій человеческихъ: ибо для ней не существуетъ бола:

ная часть нѣкъ ничтожныхъ предмешова, коихъ лиценіе составляетъ муку людей обыкновенныхъ, и коихъ все достоинство состоитъ въ той цѣнѣ, какую захочешь положить имъ ограниченный смыслъ сихъ людей. Что можешь смущать ее? Злоба сильныхъ? но не такъ легко, какъ думаешь свѣшь, воспоржесшвовашъ надъ добродѣлюю, находящеюся въ союзѣ съ умомъ и благородразуміемъ, испровергнушь права, поддерживаемые постоянною и твердою волею. Иго бѣдности и нужды? Въ удивленіе малодушнымъ и въ укору своему жребію, она не сешъ его, не падалъ подъ нимъ. Внезапная, неожиданная бѣдствія? Она всегда готова принять ихъ; она не дремлетъ на локѣ спрассей, не расслабла въ объятіяхъ мгновенныхъ, ничтожныхъ удобольствій, не боится встрѣпншь удары, коихъ не заслужила!

Главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы не быть достойнымъ спраданій: одинъ виновный испрнмо несчастливъ. Ибо гдѣ найдетъ онъ ошраду, когда собственное его сознаніе и чувство прошиву него вооружаются? когда зао, его угнетающее, ешь правосудіе рока, ешь дошойная кара, а не испытаніе? Кто защититъ его отъ ужаснѣмаго отъ вѣхъ бѣдствій — отъ презрѣма самаго себя? . . . Нѣтъ ничего гореснѣе,

какъ не находишь друга въ самомъ себѣ, какъ среди враждующихъ злоключеній, не имѣшь права сказать: „Я не заслужилъ ихъ!“ Какъ представляешь себѣ ежечасно возможность лучшаго состоянія при лучшемъ направленіи своихъ поступковъ! Сколь ужасно не смѣшь съ довѣренностію обратишься къ самому себѣ, и съ тайнымъ, мучительнымъ страхомъ заглядываешь въ глубину своего сердца, боясь найти въ немъ новыя для себя укоризны! Сколь ужасно не имѣшь права въ самомъ шerpвнѣи находишь достоинство и заслугу, и лишишься той благородной гордости, съ которою добродѣтельный презираешь угрозы рока! — Тотъ, кто прервалъ союзъ съ добродѣтелію, погубилъ уже лучшій цвѣтъ своихъ силъ; онъ можетъ еще бороться съ бѣдствіями: но шо борьба ожесточенія съ законностію, борьба отчаянія съ явнымъ превосходствомъ, — Великая разница между спраданіемъ, которое сноситъ человѣкъ, повинаясь законамъ необходимости, и между спраданіемъ, которое онъ шerpпнеть, какъ виновный. Тамъ онъ никогда не лишается правъ своихъ, тамъ находишь онъ опору и защиту въ Провидѣніи, въ собственномъ своемъ сердцѣ, въ сихъ самыхъ законахъ необходимости, коихъ характеръ сосредоточиваешь въ себѣ запрещаешь.

ность съ вознагражденіемъ. Если только душа его озарена Божественнымъ сіяніемъ истины, если только подъ наружнымъ покровомъ ничтожества и превращеностей жизни онъ видитъ самую сію жизнь, подобно скрытому, цѣлительному ключу, текущему въ извѣстныхъ предѣлахъ, къ извѣстной цѣли; если существуешь для него всеобщее устройство и предназначеніе, въ комъ исчезаютъ всѣ частныя, кажущіяся, условныя несовершенства міра, какъ тѣни и нѣкошорыя уродливыя изображенія на картинахъ исчезаютъ при обзорѣи ея въ цѣлости; — то онъ, пламя данъ судьбѣ, никогда не признаетъ себя рабомъ ея, и будучи человѣкомъ, всегда найдешь для себя вспомошествованіе въ свято хранимыхъ имъ правахъ человечества. Но здѣсь, гдѣ онъ борется съ чудовищами, рожденными въ собственныхъ своихъ нѣдрахъ; гдѣ изъ несчастій необходимыхъ извлекаешь онъ для себя, такъ сказать, убѣжденія къ пороку; гдѣ испорченная его воля разсѣкаетъ узелъ своего жребія остриемъ преступленія — здѣсь уже волны бѣдствій его въ бурномъ теченіи своемъ не находятъ граниша, о который ударяясь, могли бы онъ возвращаться назадъ; здѣсь жребій его вынуть изъ урны, въ коей будущее хранишь жребій доешойныхъ, и кинуть въ пучину случая, какъ

Жребій червя, сброшеннаго вѣспротивъ съ зеленающаго листка подѣ ноги прохожихъ. Пренебрегши обязанности челоуѣчества, онъ не имѣетъ уже правъ его; будучи рабъ сирасней, онъ уже рабъ рока. — Онъ лишается даже утѣшенія проливать слезы утѣшенія, съшовать, раздѣлять скорбь свою съ другими и иногда занимаешь себя сладкими мечтами.... Въ сердцѣ, искаженномъ пороками, нѣтъ истиннаго себя-познанія, себячувствованія — и величайшая степень сего несчастія состоить въ томъ, что оно упорствуешь признать его зломъ для себя.

Постараемся же сохранить въ несчастіяхъ то, что ослабляетъ ихъ жестокость: мужество, независимость и чистоту души. Да не лишанъ онъ насъ силы жить, чувствовать и дѣйствовать цакъ, какъ повелѣвають законы нравственные, какъ повелѣла намъ верховная Премудрость. Со свѣщильникомъ истины и добродѣтели да пройдемъ бодро къ цѣли, ими указуемой, сквозь мракъ и шуманы, кои ее окружають... Ибо что такое жизнь безъ сей великой цѣли, стоящей тамъ, за предѣлами міра, въ сферѣ вѣчнаго и непреложнаго?... Не въ нашей волѣ опнять огонь жизни ея превращености, но мы власными изъ глубины собственной души своей излишь на нее шу

прелестъ, украсить ее шѣмъ нравственными достоинствами, которыя содѣлаютъ ее собственно намъ принадлежащею, освобождая ее отъ прихотей рока, дадутъ ей цѣну независимо отъ ея кратковременности и превратности. — Свобода и самостоятельность духа чистаго суть существенныя свойства его: онъ суть отблескъ Божественныхъ совершенствъ. Пусть малодушные, столь дорого цѣнящіе свои удовольствія, ежечасно спонутъ отъ жестокой необходимости принести изъ нихъ что нибудь въ жертву общему устройству; пусть преступными своимъ ропотомъ и опчаяніемъ уничтожаютъ силы души своей и не умѣя сами ничего прибавить къ своему жребію, отдаются онѣ въ полное распоряженіе слѣпой судьбы: мы, спшвергая ее, и признавая покло Промыслъ, премудро всѣмъ міромъ управляющій, прольемъ тихія слезы, которыхъ иногда сердце наше потребуешь, какъ должной и священной дани природѣ; но никогда не дадимъ надъ собою горести больше власти, какъ сколько мудрый даетъ ей для того, чтобы бышь человекомъ, и не забудемъ, что истинное несчастіе есть то, когда не умѣють сносить несчастія.

Александръ Никитниковъ.

1825. Октябръ 30.

К Р И Т И К А

РАЗСМОТРЕНІЕ КНИГИ: ОПЫТЪ НАУКИ ИЗЯЩНАГО,
НАЧЕРТАННЫЙ А. ГАЛИЧЕМЪ.

С т а т ь я II.

Вторая часть *Опыта Науки Изящнаго*, названная отъ Сочинителя прикладною или особенною, содержишь въ себѣ *Теорію Изящныхъ Искусствъ*. „Изящное Искусство,“ говоришь Сочинитель: „безконечно разнообразно въ способахъ, употребляемыхъ человекомъ для изображенія своихъ мыслей, или, лучше, *видный*. Изображать же значить— „приводить въ явленіе...“ Изображать, мнѣ кажется; значить представлять явленія, точно бывшіяся или порожденныя нашимъ воображеніемъ; ибо изображеніе есть послѣдствіе явленій, а не начало ихъ.

Послѣ сего Сочинитель раздѣляетъ Искусства на *Искусства чувствъ внѣшнихъ*, движущіяся преимущественно въ пространство, и на *Искусство внутренняго чувства*, движущееся преимущественно во времени. „Первыя,“ говоришь онъ: „составляютъ натуральную ихъ обласъ, и я называю ихъ

„Художествами, второе идеальную, ш. е.
 „Поззію. Ты упошребляюшь способы, веще-
 „ства и знаки, въ природѣ вещей общіе и
 „необходимые, сіе — исключительно свой-
 „ственные челоуку и произвольные; тѣ
 „прямо опносятся къ наружнымъ чувствамъ
 „и посредствомъ ихъ къ воображенію, сіе —
 „непосредственно къ воображенію, а чрезъ
 „него къ чувствамъ.“ Последнее положеніе
 есть самое вѣрное и неподверженное проши-
 ворвчю. Что касается до понкаго разли-
 чія, которе Сочинитель предпрагаетъ ме-
 жду Поззію и *Художествами* или Иску-
 ствами изобразительными и подражатель-
 ными, то съ онымъ не всякій согласится
 безусловно. Въ картинахъ, въ изваяніяхъ,
 особенно въ группахъ и барельефахъ, въ му-
 зыкѣ, въ предшавленіяхъ театральныхъ, да-
 же въ Зодчествѣ, такъ много бываетъ *иде-
 альнаго*, такъ много Поззіи, что нельзя
 утвердительно и исключительно назвать
 сіи *Художества натуральными*, а Поззію
идеальною, тѣмъ болѣе, что и сія послед-
 няя часто заключаешь въ себѣ вымыслы или
 описанія простые, ли въ чемъ не отступаю-
 щія отъ существенности въ природѣ или
 отъ достовѣрности исторической. Способы
 и вещества, упошребляемые для *Художествъ*,
 также исключительно принадлежатъ чело-

вѣку, какъ и въ Пловзін; самые знаки могутъ бытъ, и не рѣдко бывають, произвольными.

Сочинитель называетъ *безкорыстными* чувства, которыя способны обнимать со-икнушій рядъ ясныхъ по себѣ предшешовъ, не разрушая ихъ состава *химическими дѣйствіями*, и къ симъ безкорыстными чувствами, служащими болѣе *для познанія и разслатриванія*, нежели для наслажденій, относитъ онъ *зрѣніе, слухъ*, а также и осязаніе. — Во-первыхъ, все наши чувства, извѣдывая подлежащіе имъ предметы, уже наслаждаются; во-вторыхъ, вникнувъ съ надлежащимъ вниманіемъ и строгостію, ни какъ нельзя осязанія назвать чувствомъ *безкорыстными*. Скорѣе можно къ такимъ чувствами отнести *обоняніе*, ибо оно можетъ извѣдывать и познавать безъ всякаго химическаго разложенія.

Первое опредѣленіе сей второй части. заключаешь въ себѣ теорію, объемяющую *Изящныя Искусства ильшнихъ чувствъ или Художества*. Сочинитель раздѣляетъ Художества, по формѣ ихъ, на а) Художества, преимущественно относящіяся къ пространству, *образовательныя*, б) Художества, преимущественно относящіяся ко времени, *тоническія*, и с) Художества, относящіяся равно и къ пространству и ко

времени, — театральныя, сценическія. „По-
 „становимъ здѣсь,“ присовокупляешь Сочини-
 тель : „общій законъ для Художествъ.
 „Онъ гласитъ: искусственная красота тѣмъ
 „совершеннѣе, чѣмъ болѣе Художникъ въ
 „собственной своей области находитъ
 „способовъ и знаковъ для изображенія
 „оной, и тѣмъ ограниченнѣе, чѣмъ чаще
 „прибѣгаетъ онъ къ помощи ближнихъ.
 „Но разумѣется, что Художества театральныя,
 „рачныя, по себѣ сложныя или смѣшанныя,
 „имѣютъ болѣе свободы, нежели образова-
 „тельныя и тоническія, по природѣ своей
 „одностороннія и простыя.“ Здѣсь Сочини-
 тель не пояснилъ, въ чемъ состоитъ сія
 свобода Художествъ театральныхъ? Если въ
 томъ, что они могутъ (или лучше сказать,
 необходимо должны) быть производимы въ
 дѣйствіе участіемъ многихъ лицъ, то сіе
 же, и въ той же почти степени, должно
 разумѣть и объ Искусствахъ *тоническихъ*.
 Можно рѣшительно сказать, что большая
 часть важныхъ музыкальныхъ сочиненій дол-
 жна быть разыгрываема многими Художни-
 ками, на разныхъ инструментахъ, съ коими
 часто сдѣваются звуки природнаго человѣ-
 ческаго голоса. Слѣдовательно тоническія
 Искусства не отвергаются, но весьма прини-
 чаютъ сложность и разнообразіе.

Въ главѣ первой сего отдѣленія, Сочинитель подраздѣляетъ образовательныя Художества: а) на пластическія, б) очертательныя, рисовальныя, на высшей степені живописныя, и наконецъ с) того и другаго рода, ш. е. пластически-живописныя.

„Пластика запечатлѣваетъ интересную по себѣ и вѣчную идею въ шѣлесныхъ фигурахъ, копорыя она, или, въ качествѣ ваянія, составляетъ изъ мягкихъ веществъ, или, въ качествѣ скульптуры, изскаетъ изъ твердыхъ, или, въ качествѣ рѣзбы, вырѣзываетъ изъ дерева и ш. п., съ ошупительными выпуклостями и углубленіями, — въ цѣлости измѣреній. Органическое саяніе оной идеи съ формою въ самостоятельномъ образѣ, даетъ статую, въ которой посему являешся самая чувственная, необманчивая сторона Искусства.“ Подъ именемъ ваянія разумѣется у насъ на Русскомъ языкѣ вообще Искусство дѣлать статуи, группы и барельефы. Ваятель (Sculptor) есть Художникъ, занимающійся симъ Искусствомъ, не различая, зѣвши ли онъ свои фигуры изъ мягкихъ веществъ, изскаетъ ли ихъ изъ мрамора, или оплавляетъ изъ мѣшала. Но каждый родъ исполненія имѣетъ у насъ свои особенныя названія: шо, что

*

Сочинитель Опыша произвольно называлъ *ва-
лисмъ*, называется по-Русски *лѣпнымъ* Ис-
кусствомъ, а исполнитель *лѣпщикомъ*; но,
что ему угодно было означить Лашинскимъ
словомъ *скульптура*, называется изсѣчені-
емъ изъ камня, а исполнитель *каменосѣч-
цемъ*, и п. д. Основательное познаніе при-
роднаго своего языка есть одно изъ необхо-
димыхъ условій для Писателя, занимающа-
гося предметами учеными.

За симъ Сочинитель излагаетъ законы,
кошорымъ долженъ слѣдовать и прешкнове-
нія, коихъ долженъ избѣгать Ваипель; прави-
ла для изваянія колоссальныхъ статуи, для
изваянія живописныхъ и пр. Потомъ пере-
ходишь къ Архитектурѣ. Здѣсь встрѣчаемъ
довольно странная, хотя впрочемъ и не
новая, мысль на счетъ *Поэзи* древнихъ
храмовъ языческихъ; а именно, что *куполъ*
храма есть символъ *свода небеснаго, радуж-
ный карнизъ* (по выраженію сочинителя) —
символъ *эклиптики* или солнечнаго теченія
по *зодіаку*; а *колонны* — символъ *полюсовъ*,
или странъ свѣта. Мысль сія, кажется, во-
все не оправдывается понятіемъ самихъ
Грековъ объ Архитектурѣ: иначе они не
ставили бы такого числа колоннъ въ пре-
восходнѣйшихъ своихъ храмахъ: ибо *келла*,

или внутренность Партеона Афинскаго, поддерживалась болѣе нежели двадцатью колоннами. Я не говорю, чтобы они не сливались поэпическихъ понятій съ возвышеннымъ зодчествомъ; но понятія сіи, по моему мнѣнію, были проще и возвышеннѣе: они состояли въ соразмѣрности и совершенствѣ частей, отколь происекали соразмѣрность и величіе цѣлаго; и въ сихъ-то совершенствахъ, въ семь величій, заключали они, подъ видимыми знаками, высокую мысль о совершенствахъ и величій божества невидимаго.

„Изъ отношенія сводовъ, корнизовъ и столбовъ, какъ частей наиболѣе идеальныхъ, „Исторія раскрываетъ двойкій характеръ зодчества, — *Греческій и Восточный* . . . „Восточное (зодчество), дошедшее до насъ „подъ названіемъ *Готическаго*, состоитъ въ „преломленныхъ дугахъ свода, въ украшеніи „корниза крестами и аллегорическими изображениями, и въ іпакой вышинѣ столбовъ „(часто взгроможденныхъ цѣлыми купами), „которая прешупаетъ всякую пропорцію...“
Справедливо ли сіе смѣшеніе Готической Архитектуры съ Восточною? Правда, то, что мы разумемъ подъ именемъ зданій готическихъ, поспросно по стилю Архитек-

туры, перенесенному, по мнѣнію нѣкоторыхъ, съ Воспока во времена Крестовыхъ походовъ, а по мнѣнію другихъ, Маврами, во время ихъ владычества въ Испаніи; но стиль сей принялъ особенный свой характеръ, который весьма рѣзко отличается отъ того, что мы теперь называемъ стилемъ Восточнымъ. Подъ сямъ послѣднимъ именемъ почти вообще разумѣется нынѣ стиль Арабской Архитектуры, коего отличительный характеръ — легкость частей и узорчатость цѣлаго. Сравнимъ же какое нибудь великолѣпное зданіе въ Арабскомъ вкусѣ, съ Мюнхенскимъ Спразбургскимъ, съ соборными храмами Реймскимъ, Вьнскимъ Св. Стефана и Парижскимъ Notre-Dame — и мы увидимъ въ стилѣ обихъ Архитектуръ весьма явныя, неотвергаемыя отличія.

Слѣдуя за историческимъ ходомъ Искусствъ, Сочинитель долженъ бы былъ, по крайней мѣрѣ, упомянуть объ Архитектурѣ Египетской, копорая и размѣрами, и украшеніями, весьма различна отъ Греческой, слѣдовательно имѣеть свой отличительный характеръ. Кромѣ нерушимыхъ временемъ зданій, оставшихся явнымъ свидѣтельствомъ существованія сего стиля, Искусство и донынѣ возраждаетъ передъ нашими глазами

образцы его въ надгробныхъ памяшникахъ (пирамидахъ и обелискахъ) и въ нѣкоторыхъ садовыхъ зданіяхъ.

Сочинитель говоритъ о *рельефахъ*, или *обронномъ ваяніи*, какъ объ украшеніи архитектурномъ; но въ этомъ смыслѣ и цѣлья спашуи и полныя группы, спавимыя на храмахъ и зданіяхъ общественныхъ, можно также назвашъ украшениями архитектурными. Опъ *рельефовъ* переходить онъ къ *рисованію*, и наконецъ къ *Живописи*. Говоритъ о разцвѣчиваніи, о сліянніи свѣта и тѣней, называя сіе послѣднее *тьмо-свѣтъ*, въ подражаніе Французскому *clair-obscur*. Въ исчисленіи школъ Живописи, онъ приводитъ весь опрасли школы Италіанской (Римскую, Флорентинскую, Ломбардскую и Венеціанскую), и послѣ нихъ упоминаетъ объ одной только Фламандской, (называя ее Нидерландскою). Кажется, не должно бѣ было забытъ также школы: Нѣмецкой, Испанской и Французской, копорыя и по рисовкѣ, и по разцвѣченію, и по опдѣлкѣ (*le faire*), имѣющъ каждая свои особенности. Карпины Дюрера, Кранаха, Гольбейна, Мурильо, Лесюера, Миньяра, Лебрена, Давида, Жироде, прехъ Верцешовъ и пр. и пр., весьма заслуживающъ, чшобъ упомянуто было о школахъ, къ копорымъ принадлежали сіи Живописцы.

Не знаю, почему Сочинитель аллегорическую картину назвал историческою? Вотъ его слова: „Еще свободнѣе историческая картина, *вымышленная* на пошъ конецъ, чшобы изобразить нечувствительный предметъ, отвлеченную истину, общее понятие или качество въ особенномъ какомъ либо, ощущительномъ видѣ, означаемъ оныя, *т. е. въ иносказательномъ образѣ* и пр.“ Аллегорическая картина, какъ по предмету, такъ и по сочиненію, можетъ быть вовсе неисторическою; напр. если бы Живописецъ взялъ себѣ за предметъ слѣдующую мысль: *слава увѣнчиваетъ добродѣтель*; то здѣсь могъ бы онъ изобразить свой предметъ въ двухъ лицахъ, ни сколько не касаясь до Исторіи, а соблюдая только эмблематическія приличія сихъ нравственныхъ понятій.

Сочинитель оканчиваетъ сію главу нѣсколькими параграфами о Художествахъ, такъ сказать, дополнительныхъ къ вышепомянутымъ. Это — *мозаика*, живопись *въ ткани*, *т. е.* вышиванье и тканье обоевъ, ковровъ и пр. (*haute-lices et gobelins*), и наконецъ *искусство украшать сады*. О семъ послѣднемъ — въ длинномъ періодѣ, занимающемъ болѣе страницы — Сочинитель рѣ-

нительно не сказала ничего удовлетворительнаго. Между тѣмъ можно бы упомянуть, какъ Художникъ-начершатель садовъ долженъ пользоваться природою : ибо данное мѣстоположеніе для сада есть почти то же, что данный предметъ для картины. Воображеніе творитъ изъ него цѣлое, а вкусъ располагаетъ и украшаетъ части, имѣя въ виду гармонію ихъ съ цѣлымъ и общее дѣйствіе или впечатлѣніе, которое онѣ должны производить въ зрителя. Нечаянности, разбрасываемыя иногда въ садахъ, должны быть почти таковы, какъ окружающіе предметы (*accessoires*) въ картинѣ, т. е. должны соответствовать мѣсту, не нарушая гармоніи цѣлаго и не обременяя любопытнаго взора излишествомъ.

(Продолженіе впереди.)

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

1 8 2 6.

Б о т а н и к а.

111. *Физиологія растений*. Перевелъ съ Лашинскаго языка С. Колядинъ, Надворный Совѣтникъ и Членъ разныхъ Ученыхъ Обществъ. П. въ тип. И. Восп. дома. 1826 г. въ 8.
112. *Садовый Календарь на 1826 годъ*, издаваемый Павломъ Шварцомъ. Книжка первая. Москва, въ Унив. тип. 1826. 291 с. въ 8. съ двумя черпезами.
113. *Catalogue des plantes qui croissent spontanément dans le district de Dmitrieff sur la Seipa*, dans le Gouvernement de Koursk. par F. M. S. V. Hoffst, Docteur en Médecine et Chirurgie, Membre de plusieurs sociétés savantes. М. въ тип. Авг. Семена. 1826, 66 с. въ 8.
114. *Species Graminum iconibus et descriptionibus illustravit D. C. B. Trinius*, Aug. Ross. Imp. Archiat. Eq. Ord. St. Vlad. Acad. Sc.

Petrop. Sodalis. Fasc. II et Fasc. III. Petropoli. Impensis Academiæ Imperialis Scientiarum. Каждая книжка содержитъ въ себѣ 12 изображеній и столько же чеп-вершушекъ описанія.

Я з ы к о з н а н і е.

115. *Латинская Учебная книга*, заключающая Букварь, Этимологию, Синтаксисъ, примѣры и Словарь. Издана при Университетскомъ Благородномъ пансионѣ. М. въ Унив. тип. 1826. 91 с. въ 8.
116. *Premiers élémens de Grammaire française*, extraits de l'Homond de Lévisac et de Lequien. Mis en ordre par Maurice Allart, Maître de langue française etc. М. въ тип. А. Семена. IV и 63 с. въ пер. м. 2.
117. *Méthode courte, facile et pratique de langue Italienne*. A l'usage des élèves du Lycée Richelieu, et des Demoiselles nobles de l'institut d'Odessa. Nouvelle édition, revue, corrigée et augmentée d'une troisième et d'une quatrième partie, contenant un traité de Poésie Italienne. Examinée et approuvée, pour être employée dans l'enseignement, par la Direction suprême des écoles de l'Empire. Par A. Piller, Conseiller de Cour etc. et Pro-

fesseur de Littérature Italienne au Lycée Richelieu. М. въ шпц. А. Семена. 1826. VIII и 227 с. въ 8.

118. Tabellarische Uebersicht zur schnellen und gründlichen Erlernung der russischen Sprache für Deutsche von Johan Gottfred Lemson, Titul.-Rath und Ritter etc. etc. St. Petersburg, gedr. bey K. Krug, 1826. XIV и XVI с. въ 8, на двухъ таблицахъ.

К р а с н о р ь ч и е.

119. Predigt über das Evangelium des vierten Sonntags nach Epiphaniäs, gehalten in der St. Michaelis-Kirche zu Moskau am 31 Januar, dem Sonntage vor dem feierlichen Empfang der Leiche des in Gott ruhenden Herrn und Kaiser Alexander Paulowitsch. Moskwa, 1826. Gedr. in der Universitäts-Druckerey. 36 с. въ 8.
120. Gedächtniß-Feyer für den in Gott ruhenden Kaiser und Herrn, Alexander Pawlowitsch, gehalten als ein Opfer der herzlichsten Dankbarkeit der Evangelischen Gemeinde zu St. Michael, am fünften Sonntage nach Epiphaniäs, als am Tage nach dem feierlichen Abzuge der Leiche des höchstseligen Monarchen. М. 1826. въ Унив. шпц. 42 с. въ 8.
121. *Discours funèbre sur la mort de Sa Majesté l'Empereur Alexandre I.* par M. St.-

Félic. П. въ шип. А. Плюшара. 1826. 15 с. въ 4.

С т и х о т в о р е н і я.

122. *Плачь Россіянина надъ гробомъ Александра Благословеннаго, Отца Отечества съ эпигр. „Notre Ange est au Ciel!“* п. въ шип. Деп. Н. П. 1826. 12. с. въ 4. (соч. Павла Теряева.)
123. *Плачь Россіянина надъ гробомъ незабвеннаго Монарха Александра I. Благословеннаго.* М. въ шип. П. Кузнецова. 1826. въ 4. (*Николая Фомина.*)
124. *Чувствованія Московскаго жителя при ввезеніи въ древнюю Русскую Столицу тѣла покойнаго Государя Императора Александра I.* сочин. С. Глинки, съ порпешомъ Александра Благословеннаго и съ надписью: *нашъ Ангелъ на небесахъ!* М. въ шип. А. Семена, 1826. 20 с. въ 6. 16.
125. *Ода на кончину Императора Александра I.* п. въ шип. Деп. Н. П. 1826. 14 с. въ 8.
126. *Изображеніе Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Николая Павловича (нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора) по случаю шествія Его*

Кіевской губерніи чрезъ мѣстечко Сильное, въ Новороссійской край, 4-го. Іюня 1816 года. Сочиненіе *Ивана Морозова*. Изданіе шретіе, М. въ тип. С. Селивановскаго. 1826. 28 с. въ 4.

Тушъ же: Памятникъ торжества Вѣры во градъ Кіевъ, и посланіе къ Е. В. Королю Прусскому Фридриху Вильгельму III.

127. *Русскіе мореходцы на Ледовишомъ Океанѣ*, сѣнохлвореніе *Графа Хвостова*. II. въ тип. Деп. Н. П. 27 с. въ 8.
128. *Elegie auf das frühe Hinscheiden Alexanders I.* Von Dr. Friedrich August Köthe, Superintendent zu Alsfeldt im Großherzogthum Weimar. II. въ тип. К. Края. 1826. 4 с. во 2.
129. *L'Italie reconnaissante des bienfaits d'Alexandre I* adresse des hommages et ses vœux à sa dépouille, et invocation au ciel pour la prospérité du successeur au trône de Russie Nicolas I Empereur Autocrate, dédié à la Sainte alliance par le Chevalier *Arrighi*. II. въ тип. Деп. Н. П. 7 с. во 2.
130. *Canto funebre* con lieto fine esequito dalle quattro principali (?) Provincie dell Impero in occasione della lugubre cerimonia fatta in morte di Alessandro I. Imperatore di Russia, La Moscovia, La Livonia, La Siberia,

- L'Ingria. Coro de Popoli. Coro de Serafini.
 П. въ шип. Деп. Н. П. 1826. 8 с. въ 6. 4.
131. *Gofred albo Ieruzalem wyzwolona, Torquata Tassa. Przekładania Piotra Kochanowskiego Sekretarza Iego K. M. Wilno.*
 I. Zawadzki własnym nakładem. 1826. Ч. I, CX и 328 с.; Ч. II, 335 с. въ 8.

П а н е г и р и к а.

132. *Памяти Императора Александра.*
 П. въ шип. Н. Греча. 1826. 19 с. въ 8.

П р а в о в ѣ д ѣ н і е.

133. *Россійское Уголовное Право*, составленное изъ Россійскихъ Государственныхъ узаконеній Типулярнымъ Совѣшникомъ *Петромъ Гулевымъ*, съ эпиграфомъ: *Законы дѣлаюся для всѣхъ людей; всѣ люди должны по онымъ поступашь: слѣдовашельно надобно, чшобъ всѣ люди оные и разумѣть могли.* (Императрица Екатерина II, въ Наказъ пунк. 458) М. въ шип. П. Кузнецова. 1826. X и 193 с. въ 8.
134. *Историческое обозрѣніе Россійскаго Законоположенія.* Съ присовокупленіемъ свѣдѣній: I) о старинныхъ Московскихъ приказахъ, сущесшвующихъ до времени Петра Великаго. II) О старинныхъ чи-

нахъ въ Россіи. III) О преждебывшихъ въ Малороссіи присущствєнныхъ мѣсшахъ и чинахъ. П. въ тип. Ив. Глазунова. 1826. СXXXI с. въ 4.

Б и б л и о г р а ф і я.

135. *Опытъ Библиотеки для военныхъ людей*, впорично изданный Василємъ Соцомъ, Членомъ С. Петербургскаго Общєства Любитєлей Словєсности, Наукъ и Художєствъ. П. въ Военной тип. Главнаго Штаба Е. И. В. 1826. XIX и 377 с. въ 8.

Д р е в н о с т и.

136. *Описаніе древняго Христіанскаго памятника, открытаго въ Китайъ 1625 года*, съ присовокупленіємъ гравированнаго изображенія высъченной на ономъ Китайско-Сирійской надписи, изданное Григоріємъ Сласскимъ, И. Ак. Н. Корресп. и разныхъ Ученыхъ Общєствъ Членомъ. П. въ тип. Мед. Деп. В. Д. 1826. 52 с. въ 8, съ гравированною надписью въ 1.

(Описаніе сіє было напечатано въ No 1 Сибирскаго Вѣшника с. 2.)

Конецъ сто седьмой части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

С Т О С Е Д ь М О Й Ч А С Т И .

	Стран.
I. Изящная Словесность.	
1. Такъ опшщаешь совѣсть (оконч.)	3
2. Счастливыи день, Повѣсть	97
	(прод.) . . . 193
	(оконч.) . . . 279
II. Философия.	
1. О необходимости предположеній въ умозришельныхъ Наукахъ, и о спосо- бѣ правильно мыслишь	150
2. О преодоленіи несчастій	335
III. Восточная Литература.	
Караванъ	151
IV. Краснорѣчіе.	
Памяши Императрицы Елисаветы Алексевны	322
V. Критика.	
Разсмотрѣніе книги: Опытъ Науки Изящнаго	59
	(прод.) . . . 361
	(прод.) . . . 357

VI. Современная История и Политика.

1. Взгляд на военное сѣополнѣ Турец-
кой Имперіи 74
    (прод.) . . . 173
    (оконч.) . . . 264
2. Историческое и политическое обо-
рзнѣ происшедшій 1825 года (прод.) 90
    (оконч.) . . . 275
3. Обь арміи Мегмеда-Али. 311

VII. Современная Русская Библиографія 95
191
287
368

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1826. № 9.

М А Я I.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

- I. Изящная Словесность. 3
Такъ очищаешь совесть. (Оконч.)
- II. КРИТИКА 59
Разсмотрѣніе книги: Опытъ Науки
Изящнаго.
- III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ и По-
ЛИТИКА 74
1. Взглядъ на военное состояніе Турец-
кой Имперіи.
2. Историческое и политическое обзор-
ніе промышленности 1825 года. (Прод.)
- IV. СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛЮ-
ГРАФИЯ 95

~~Вет. Стат. Рев. 2~~

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

Санктпетербургъ, Апрѣля 21 дня 1826 года.

Цензоръ Стат. Совѣтн. и Кавалеръ
Александръ Красовскій.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

Ver. DK4. 5276. 085

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1826. № 10.

М а я 15.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

I.	Изящная Словесность.	97
	Счастливыи десь. Повесть.	
II.	Философiя.	150
	О необходимости предположенiй въ умоарительныхъ Наукахъ, и о спо- собъ правильно мыслить.	
III.	Критика	161
	Разсмотрѣнiе книги: Опытъ Науки Изящнаго.	
IV.	Современная Исторiя.	173
	Взглядъ на военное состоянiе Турец- кой Имперiи. (Прод.)	
V.	Современная Русская Библио- графiя	191

Let. Slav. Part 2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

Санктшшербургъ, Мая 1 дня 1826 года.

Цензоръ Стат. Совѣтн. и Кавалеръ
Александръ Красовскiй.

ВЪ ТИПОГРАФIИ Н. ГРЕЧА.

СЫНЬ ОТЕЧЕСТВА

1826. № 11.

И Ю Н Я П.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

- I. Изящная Словесность. 193
Счастливейший день. (Прод.)
- II. Восточная Литература 251
Каравань.
- III. Современная История 264
1. Взгляд на военное состояніе Турецкой Имперіи. (Оконч.)
2. Историческое и политическое обозрѣніе происшествій 1825 года. (Оконч.)
- IV. Современная Русская Библиография 287

Всѣмъ Стан. Пер. 2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.
Синдигпетербургъ, Мая 15 дня 1826 года.
Цензоръ Стат. Совѣтн. и Кавалеръ
Александръ Красовскій.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

1826. № 12.

І ю н я 15.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

- I. **ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.** 279
Счастливыи день. (Оконч.)
- II. **СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.** 311
Объ арміи Мегмеда-Али, Паша Египетскаго.
- III. **КРАСНОРЪЧІЕ.** 322
Памяти Императрицы Елисаветы Алексеевны,
- IV. **ФИЛОСОФІЯ.** 335
О преодоленіи несчастій.
- V. **КРИТИКА** 357
Разсмотрѣніе книги: Опытъ Науки Машиннаго.
- VI. **СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛЮГРАФІЯ** 368

Vet Star. Par. 2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.
Санктпетербургъ, Іюня 1 дня 1826 года.
Цензоръ Стат. Совѣтн. и Кавалеръ
Александръ Красовскій.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

